ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ (ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ)

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

★

ОТПЕЧАТАНО
В 1-Й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГР. ГОСИЗДАТА,
МОСКВА, Валовая, 28.
Главл. А-41693. П. 12. Гиз 32363.
Заказ 1911. ★ Тираж 1 700.

Lib. Comm.
Hist. Inst
Harv.
1-8-30
19652

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг.

Окончание [1]).

Оказавшись за пределами досягаемости австрийских властей, Дюрих заговорил языком беспощадного национального радикализма. Вскоре после своего приезда в Россию, в статье, помещенной им в газете «Биржевые ведомости» [2]), он писал: «Будущее Австро-Венгрии я представляю себе в следующем виде: никакой Австрии не будет вообще... Об уменьшении Австрии не может быть и речи... Весь чешский народ почти без всяких исключений — руссофильский...» Дюрих заявлял здесь же, что миссия его имеет «вполне официозный характер». 6/VII 1916 г. Дюрих шлет из Петрограда в ставку телеграмму царю: «Счастлив, что успел вступить на почву святой России, всеподданнейше прошу принять снисходительно убеждение любви, безграничной преданности и благодарности всего чешского народа вашему величеству, освободителю всех угнетенных славян». Дюрих был принят царем в начале августа. Приблизительно к этому же времени относится представление им «записки» по чешскому вопросу [3]). Опуская первые два пункта записки, заключающие в себе критику политической позиции левых чешских кругов, ограничимся воспроизведением прочих шести пунктов, в которых Дюрихом намечалась положительная программа:

«III. а) Большинство чешского народа желает, чтобы Чехия была самостоятельным королевством, но с русским царем во главе, который был бы, вместе с тем, чешским королем и короновался бы в Праге. Титул «император» имел бы в таком случае другое значение, чем титул австрийского императора, тем более, что была бы возможность пользоваться и другим, одинаково популярным как среди русского, так и среди чешского народа титулом «русский царь».

б) Политические партии в Чехии с националистической программой (старочехи, младочехи, землевладельческая партия, народные социалисты и партия чешского государственного права) добавляют к вышеизложенному желанию чешского народа надежду, что русский царь, будучи в то же время чешским королем, не имея, по понятным причинам, возможности жить все время в Праге, назначил бы своим заместителем вице-короля с постоянным местопребыванием в Праге.

---

[1]) См. «Красный Архив», т. II (XXXIII), стр. 3—33.

[2]) В номере от 29/VI 1916 г.

[3]) Записка не датирована.

Националистически настроенные чешские партии просят, чтобы вице-королем был назначен русский великий князь или подходящее лицо из патриотически настроенных чехов. Разумеется, король имел бы право во всякое время по своему усмотрению сменить вице-короля и заменить другим лицом.

в) Позволяю себе обратить внимание еще на следующие подробности.

Законодательная власть была бы разделена, согласно известным принципам конституции, между королем и центральным парламентом, что же касается отдельных областей, то их автономия должна быть сохранена, законодательная же власть должна бы здесь быть разделена между областным сеймом и вице-королем, причем к их компетенции не относились бы ни иностранная политика, ни иностранные дела.

Исполнительная власть находилась бы в руках правительства, из которых [1]) три члена назначал бы король, а остальных министров вице-король. Король назначал бы: председателя совета министров, министра иностранных дел и военного министра, т. е. главных членов правительства.

Чешское королевство составляло бы вместе с Россией одну область, связанную с Россией общим войском, таможней и дипломатией. Верховным вождем чешских войск был бы король. В мирное время должно бы соблюдаться правило, что чешские полки должны стоять в пределах чешского королевства. Это было бы правило, но в виде исключения король имел бы право посылать войска и в другие места.

В дипломатическом отношении интересы чешского королевства заступала бы везде русская дипломатия, но при каждом посольстве, консульстве и пр. находилась бы специальная чешская канцелярия с чешскими чиновниками, имея одинаковое право на движение по службе. Возникающие на этой почве вопросы всегда могут быть улажены путем соглашения императорского министра иностранных дел с местным чешским.

Чешскому государству и его министерству иностранных дел должно бы быть предоставлено право учреждать консулаты на всем остальном пространстве русского государства точно так же, как русское министерство иностранных дел имело бы право на консулаты в Чехии, разумеется всегда с согласия обоих министров.

IV. Эти принципы, после детальной их разработки, должны бы лечь в основу государственных основных законов, которые были бы изданы учредительным сеймом и одобрены его императорским величеством государем императором.

Учредительный сейм должен бы быть созван сейчас немедленно, как только наступит подходящий момент, и должен состоять из всех лиц чешской национальности, которые были депутатами парламента или сейма последнего или одного из прежних созывов.

Что же касается немецких депутатов чешского королевства, то из них следует привлечь только половину возрастом постарше, чтобы таким образом исправить несправедливость бывших при Австрии избирательных наказов и обеспечить чешское большинство, не обижая вместе с тем немцев.

V. Учредительный сейм выработал бы затем закон о компетенции центрального парламента и областных сеймов, избирательный закон и наказ для законодательных учреждений.

VI. Тогда учредительное собрание было бы закрыто и были бы назначены выборы согласно новым законам.

VII. Избрания короля не было бы, так как этот вопрос был бы урегулирован основными законами.

---

[1]) Так в подлиннике.

VIII. Такое устройство Чехии требует оккупации чешских земель русскими войсками, назначения временного вице-короля и временного правительства, которое приступило бы к вышеизложенным дальнейшим шагам».

Определяя таким образом для Чехии роль автономной области Российской империи, Дюрих предварял свои пункты характерною оговоркою: «В простую русскую губернию наподобие других русских губерний чешские земли не могут быть превращены ввиду исторического прошлого и по причинам географическим и этнографическим».

Чтобы уяснить смысл дальнейшего развития событий, нужно иметь в виду два обстоятельства: с одной стороны, субъективные особенности, свойственные самому Дюриху, призванному к активной роли в чешском вопросе, с другой же — объективные противоречия, какие обнаруживались в ту пору между политическими программами чешских группировок как за границей, так в особенности в России. Руководители парижского Национального Совета имели в виду не только «царефильские» тенденции Дюриха, но и его общую политическую неподготовленность и неустойчивость. Выбрав Дюриха на должность товарища председателя Чехо-Словацкого Национального Совета и делегировав его в Россию, руководители Совета, несомненно, ощущали некоторую неуверенность в успехе его миссии.

Утверждения чиновников русского министерства о carte blanche, якобы выданной Дюриху, ни в какой мере не могли соответствовать действительности. Об этом можно судить хотя бы уже по сохранившейся в архиве министерства копии протокольной записи состоявшегося 6/VII 1916 г. в Лондоне совещания проф. Масарика с Зденеком Рейманом и прапорщиком В. Ванеком, представителями правления союза в России и чехо-словацкой стрелковой бригады; согласно этой записи, вопрос о династии, как затрагивающий интересы многих держав, признавался не подлежащим разрешению в ближайшее время, и для переговоров с русским правительством по данному вопросу проф. Масарик должен был приехать в Россию сам. Представившись в петербургском министерстве, Дюрих, как нам уже известно, отправился в ставку. Его первое выступление в ставке, еще не проникнутое настоящим «руссофильством», носит на себе следы его недавнего пребывания в Париже и вызывает даже категорические возражения со стороны начальника штаба верховного главнокомандующего. Об этом рассказывал Базили в своем письме к Нератову [1]):

«4-го августа в ставку прибыл чешский политический деятель и член венского парламента О. О. Дюрих, в сопровождении французской службы поручика Штафля и французского гражданина Стерна. В тот же день г-н Дюрих был принят начальником штаба верховного главнокомандующего и на следующий день его императорским величеством. Как государю императору, так и генералу Алексееву господин Дюрих представил изложенные в известной вашему превосходительству записке пожелания уполномочивших его чешских кругов касательно будущей судьбы Чехии. Затем господин Дюрих возбудил ходатайство о посылке во Францию взятых нашими войсками военнопленных чешской народности для образования на французском фронте особых чешских отрядов. Ходатайство это господин Дюрих мотивировал тем соображением, что

[1]) Архив дипломатической канцелярии ставки. Отпуск письма Базили Нератову от августа 1916 г., № 1478.

появление чешских отрядов во Франции вызовет во французском обществе рост симпатий к чешскому народу, чему, с приближением конца войны, чешские политические деятели придают особое значение, стремясь заручиться содействием западных держав осуществлению их национальных идеалов. Ввиду все более ощущаемого во Франции недостатка в людском материале, предоставление в ее распоряжение примерно 150 000 пленных чехов могло бы явиться, по словам господина Дюриха, серьезной услугой, которую чехи оказали бы Франции. Здесь однако не признано было возможным дать положительный ответ на означенное ходатайство. Как вашему превосходительству известно, в России уже около двух лет работает Союз чешско-словацких обществ, который создал кадр своих агентов и которому удалось за это время привлечь к делу борьбы с нашими врагами пленных чехов, преданных идее борьбы с Австро-Венгрией, в форме непосредственного участия в боевых действиях в рядах чешско-словацкого полка или содействия нашей борьбе с врагом работой на военных заводах. Допустить наравне с работой Союза чешско-словацких обществ самостоятельную работу господина Дюриха и создать в России несколько чешских организаций, работающих на одно дело привлечения пленных чехов к борьбе с нашими врагами, начальник штаба считает невозможным. Выяснение вопроса, кто из чешских пленных желает принять участие в борьбе с нашими врагами, должно остаться в руках одной какой-либо организации. Что же касается сформирования боевых единиц из пленных чехов, то дело это принадлежит ведению главного управления генерального штаба. Сформирование чешских частей для отправки во Францию могло бы в настоящее время неблагоприятно отразиться на налаживающемся образовании чешских частей для нашего собственного фронта. Если бы однако признано было полезным использовать часть наших чешских пленных на французском фронте и сформировать для этой цели несколько чешских полков, то это, конечно, надлежало бы сделать не в виде услуги, оказываемой чешскими организациями Франции, а в виде услуги, оказываемой Россией, располагающей этими пленными. Начальник штаба оговорился при этом, что дело это касается не его, а главного управления генерального штаба.

Перед приездом Дюриха в ставку я обратил внимание начальника штаба на то, что деятель этот как лицо, представляющее наиболее благоприятное нам течение в Чехии и могущее вместе с тем считаться уполномоченным представителем чешского народа, мог бы явиться у нас полезным противовесом элементам, господствующим в правлении Союза чешско-словацких обществ и тяготеющим к направлению Масарика. По этому поводу ген. Алексеев высказал мне, что он не вполне удовлетворен деятельностью этого Союза. Деятельность эта вызывает уже и оппозицию среди пленных вследствие слишком партийного и произвольного ее характера. Он однако вынужден считаться с значительной и, несомненно, полезной работой, созданной этим Союзом. Ввиду этого необходимо побудить всех чехов, желающих работать в России, столковаться между собою. Г. Дюрих мог бы либо войти в правление помянутого Союза, либо вместе с ним создать одну общую организацию. В этом смысле начальник штаба высказался и господину Дюриху».

Неуверенность в Дюрихе со стороны Чехо-Словацкого Национального Совета была, повидимому, настолько значительна, что было признано необходимым отправить вслед за ним в Россию для сотрудничества с ним члена того же Совета М. Штефаника [1]).

---

[1]) Отношением от 26/VIII 1916 г. министерство иностр. дел извещало Климовича о приезде в Россию летчика французской службы поручика Штефаника и американского гражданина (члена Словенской лиги в Америке) Кошика и просило «не упускать из виду деятельности у нас означенных лиц». «Не найдете ли возможным, — читаем в упо-

Небезынтересные данные по этому поводу мы находим в следующем письме Базили к Нератову [1]):

«В середине августа в ставку прибыл упомянутый в телеграмме императорского посла в Париже от 15/VII с. г. за № 532 поручик французской службы родом чех, Штефаник. Господин Штефаник состоит членом Чехо-Словацкого Национального Совета, образованного около года тому назад в Париже (Rue Bonaparte) при участии, кроме Штефаника, еще Масарика, Бенеша и Дюриха. По его словам, Штефаник прибыл в Россию с полномочиями этого Совета для совместного с Дюрихом участия в обсуждении чешских дел, причем ему как военному ближайшим образом поручено содействовать благоприятному разрешению вопросов военного характера. С соизволения, но не по поручению, французского правительства Штефаник высказал здесь пожелание о посылке в той форме, какую наше правительство сочтет возможной, чешских пленных на французский фронт. Как и Дюрих, он мотивирует это ходатайство тем, что чехи надеются этим укрепить симпатии западных держав к их национальным домогательствам. Посылка чешских пленных для борьбы на западном фронте представляется, по его мнению, желательной еще и потому, что почти весь действовавший во Франции чешский отряд в настоящее время уничтожен. Как в связи с этим вопросом, так и при изложении общих своих взглядов на будущее Чехии, Штефаник определенно оттеняет «русскую ориентацию», которой он придерживается. Необходимо признать, что все, им здесь предпринятое, вполне подтверждает его желание действовать в полном согласии с пожеланиями нашего правительства и командования. Как на генерала Алексеева, так и на меня, Штефаник произвел впечатление несомненно толкового и умного человека. Вполне благоприятную ему аттестацию дал ему в письме ко мне и М. М. Севастопуло, давно его знающий.

В моих беседах с Штефаником я повторил ему то, что мне приходилось говорить другим его соплеменникам, приезжавшим в ставку, а именно, что для успеха чешского дела необходимо возможно скорее положить конец несогласиям среди работающих у нас чехов, что последние должны относиться к нашему правительству и командованию с полнейшим доверием, а что мы, не желая вмешиваться во внутренние дела чехов, естественно, однако ждем от них сознания их природной связи прежде всего с Россией.

Штефаник отправился из ставки в Киев, где присутствовал на собрании чешских деятелей. По его предложению, там выработана была программа объединения деятельности чехов в России на более широких, чем до сих пор, основаниях. Копию выработанной и подписанной на этом собрании революции имею честь при сем препроводить.

Во главе новой организации чехов предположено поставить Дюриха и придать ему круг сотрудников, избранных по соглашению с ним Чехо-Словацкого Национального Совета. Назначение этим Советом сотрудников к Дюриху, несомненно, является известным вмешательством Совета этого в его деятельность. Необходимость такого ограничения свободы действий Дюриха объясняется Штефаником тем обстоятельством, что Дюрих, очень всеми в Чехии уважаемый, уже несколько стар и слабоволен. Со своей стороны не могу отрицать значения этого соображения. Личные мои наблюдения побуждают меня думать, что Дюрих, действительно, подчиняется весьма нежелатель-

---

мянутом отношении, — установить за ними в самой осторожной форме негласный надзор, в особенности по отношению к переписке их с заграничными учреждениями и лицами, а равно и с чешско-словацкими уроженцами, проживающими в г. Киеве, где сосредоточена деятельность вышеназванного Союза [чехо-словацких обществ], и о результатах такого наблюдения поставить меня в известность».

[1]) Письмо Базили Нератову от 25/VIII 1916 г., № 1553.

ным влияниям. К величайшему моему изумлению, он приехал в ставку в сопровождении известного мне по Парижу еврея Стерна, который, повидимому, совершенно им завладел и, между прочим, с материальной стороны. Хотя Стерн и имеет связи во французских финансовых кругах, появление его вызвало здесь недоумение и даже некоторые подозрения с разных сторон. Позволяю себе высказать личное мое мнение, что причастность этого лица к сколько-нибудь доверительным делам не должна была бы быть более допущена. Об этом я, впрочем, не преминул переговорить с кем следует. Желая доказать полную свою готовность во всем сообразовываться с пожеланиями нашего правительства, г. Штефаник предложил мне указать ему тех лиц, которых нам приятно было бы видеть в качестве ближайших сотрудников Дюриха. Я ему сказал, что официально ему такие указания не могут быть даны, но что я с готовностью частным образом выясню этот вопрос. Со своей стороны, и начальник штаба охотно выскажется по этому предмету. В виде предположения Штефаник заметил мне, что в помощь к Дюриху могли бы быть приданы следующие лица: Чермак, Павлу, Клеканда, Вондрак, Писецкий и, может быть, еще один из крупных чешских промышленников или финансистов в России. Господин Штефаник уезжает сегодня в Петроград и по возвращении оттуда представит мне проект списка лиц, которые могли бы явиться сотрудниками Дюриха. Я не замедлю представить его на одобрение министерства.

Как ваше превосходительство изволите усмотреть из приложения к письму моему за № 1531, организацию чехо-словацких частей предположено поручить особой военной комиссии. В состав ее начальник штаба имеет в виду назначить господина Штефаника. После налаженния дела последний возвратится во Францию».

Выработанная в Киеве программа, о которой сообщал Базили, изложена в «записке», датированной 16(29)/VIII 1916 г. и имеющей подписи И. Дюриха и М. Штефаника как представителей Чехо-Словацкого Национального Совета, В. Вондрака и Я. Вольфа как представителей Союза чешско-словацких обществ в России, и Г. Кошика, делегата Словенской лиги в Америке.

Записка эта является документом, характеризующим первоначальную позицию Дюриха как компромиссную и определяющим степень данных ему полномочий.

В записке Чехия и Словакия определялись как свободное государство, состоящее «под защитой и протекцией государств Четверного согласия», в ней шла далее речь об «абсолютном доверии к России» и «одновременно» о «твердой вере в искренние и действительные симпатии, которые его стремлениям уже были ясно проявлены особенно во Франции, Англии и Италии»... Заключительная часть записки гласила:

«Организации чешско-словенские, насчитывающие около двух миллионов населения, создали и признали для этой цели [борьбы за независимость. *А. П.*] «Чешско-Словенский Народный Совет», который получил одобрение всех признанных вождей народа на родине. Сей единственно ответственный и компетентный Совет действует в полном согласии с официальными органами государств Согласия и их друзей... Дела военные и военнопленных отнимаются из компетенции чешско-словенских обществ как неотъемлемые части действий дипломатическо-политических, — и передаются «Чешско-Словенскому Народному Совету». Товарищ председателя «Чешско-Словенского Народного Совета» г. Иосиф Дюрих, чешский депутат, приехал в Россию и является представителем Народного [1]) Совета в России. В этом качестве он призван го-

[1]) Точнее «национального». Примечание в подлиннике.

ворить от имени этого «Совета» и должен считаться также представителем чешско-словенского народа в России. В этих своих полномочиях он опирается на группу специальных сотрудников, избранных, за его согласием, «Чешско-Словенским Народным Советом». Чешско-словенские общества обязуются лойяльно содействовать Чешско-Словенскому Совету при осуществлении его стремлений. Финансовая сторона всего начинания подлежит ведению финансовой комиссии, подчинённой контролю со стороны Чешско-Словенского Народного Совета».

Эти первые умеренные заявления Дюриха вызвали протесты со стороны правых чешских групп. В своем письме к Дюриху от 26/VIII 1916 г. представитель радикальной партии чешского государственного права В. Штепанек упрекал его в отступлении от «программы унии с Россией». Штепанек полагал, что тот компромисс, на какой Дюрих пошел с Масариком по выезде из Австрии, должен был иметь временный характер: «Но мы надеялись, — писал он, — что вы, приехав в Россию, начнете проводить здесь только ясные пожелания народа. К сожалению, вы ныне в Киеве подчинились, вместе с «Союзом чешско-словацких обществ в России», какой-то новой чужой (лондонско-парижской) организации проф. Масарика... При таких обстоятельствах я и моя партия, уже до войны в известном манифесте провозгласившая чешско-русскую официальную политику, не может подчиняться и признавать вас, доколе вы не вернетесь, как все-таки мы надеемся, к программе, для которой были выбраны единственным представителем народа...»

В своей записке от 22/VII 1916 г. по вопросу «об организации чешско-словенского дела Россией», представленной в министерство иностранных дел, тот же Штепанек, отмечая, что первоначальная программа русских чехов, заключавшаяся в требовании чешского королевства с русской династией, утратила среди русских чехов свою популярность, уступив место западническим влияниям Масарика, обращает внимание на необходимость внести коррективы в деятельность существующих в России чехо-словацких организаций. «Поэтому неудивительно, — писал он, — что это уклонение от первоначальной чешско-русской программы и постоянное колебание внесли разлад и борьбу в самые чешские ряды, причем временно победило, к сожалению, при нечаянной поддержке русского правительства (в деле освобождения военнопленных через г. Вондрака) как раз неославянофильское течение — в лицах нового правления «Чешско-Словацкого Союза» в Киеве, с г. Вондраком во главе...»

Мы видим, что прибывший вслед за Дюрихом в Россию представитель Чехо-Словацкого Национального Совета для сотрудничества с Дюрихом намечал именно деятелей, возглавлявших Союз чехо-словацких обществ в России, и в частности Вондрака, т. е. элементы, которые как раз не были приемлемы для правых кругов. В чем же видели выход последние, что советовали они предпринять правительству для исправления ошибки, допущенной им в деле поощрения работы чешских обществ в России? Автор цитированной записки давал определенный ответ: «Создание нового верховного органа для чешских дел при министерстве, который был бы русским центром, противопоставленным лондонскому и парижскому». В этот центр, — по мысли Штепанека, — следовало ввести представителей министерств иностранных дел и военного, Государствен-

ной Думы, русских профессоров-славистов, представителей Союза чехо-словацких обществ, а также Дюриха как представителя заграничного чешского комитета, проф. Квачалу как представителя словаков и кого-либо от американской Словенской лиги. «Если дело этого русского центра и контроля разовьется, можно позже его преобразовать во временное «Управление чешскими делами» и привлечь туда тех... кому, быть может, придется от имени России или будущей русской династии управлять на первых порах Чехией».

В том же направлении работает мысль у членов правления Общества чешско-русского единения в Киеве, представляющих на имя министра иностранных дел свою записку [1]) с изложением своих взглядов: образование при министерстве иностранных дел особого Чешского совета, учреждаемого из 5 человек под председательством Дюриха; Совет представляет в министерство иностранных дел доклады о ходе дел и свои постановления на утверждение; по делам организации чешского войска совет входит с представлениями в военное министерство; совет осуществляет контроль над деятельностью и расходованием средств чешских обществ, он издает с разрешения правительства воззвания и газеты, он представляет в военное министерство списки добровольцев. Расходы по содержанию совета и чешского войска производятся из средств государственного казначейства авансом до окончательного решения чешского вопроса после войны. Дипломатические сношения по чешским делам с союзными государствами производятся через министерство иностранных дел, причем председателю Чешского совета предоставляется право совещательного голоса.

Изъятие дела формирования чешских частей из ведения чешских обществ и подчинение совета министерству иностранных дел — в этом политическая суть проекта.

Подписи, значащиеся под ним, характеризуют социальную природу рассматриваемой политической тенденции: «М. Душенкевич, попечитель церковно-приходских школ, Ф. Дедина, директор правления фабрик сеялок «Общества Фильверт и Дедина» в Киеве, В. Зивал, гласный киевской городской думы, А. Кнор, агроном, О. Гампль, владелец машиностроительного завода в Варшаве — Киеве». В приложенной к проекту особой записке [2]) на имя начальника штаба верховного главнокомандующего дополнительно разъяснялось, что и II и III правления Союза чешских обществ в России «занимаются политикой», что состав их отличается «крайне левым политическим направлением», приверженностью к Масарику, что компетенцию союза нужно урезать и, отмежевавшись от Масарика, выдвинуть Дюриха.

Необходимо отметить, что дело организации чешских полков продвигалось крайне медленно, что в течение $1^1/_2$ лет с момента постановки этого вопроса (когда и было собрано около 1 000 добровольцев) сделано было крайне мало — из военнопленных было привлечено всего лишь несколько сот человек, тогда как всех военнопленных чехов насчитывалось около 200 000.

---

[1]) От 12/VII 1916 г.; основные положения, намеченные в этой записке, детализированы в записке Дедины и Душенкевича, датированной 13/VII 1916 г.

[2]) Записка без подписи, напечатана на машинке.

Правление Союза чехо-словацких обществ в России пытается снова продвинуть этот вопрос и в августе 1916 г. возбуждает ходатайство о разрешении союзу организовать самостоятельное чехо-словацкое войско по аналогии с сербской дивизией, сформированной в Одессе. Ходатайство это получает принципиальное одобрение царя, проект же, выработанный правлением, пересылается генералом Алексеевым в главный штаб на рассмотрение и переработку [1]).

Пока в военном ведомстве проект подвергается переработке, министерство иностранных дел дает по этому проекту свое заключение, направленное к тому, чтобы свести на-нет роль Союза в деле формирования чешских воинских частей: прежде всего министерство полагает, что

«не исключена возможность возникновения наряду с означенной организацией и других чешских и словацких обществ, которые, по признании их русским правительством заслуживающими доверия, могли бы оказывать ему подобного же рода содействие.., хотя бы они не примкнули к Союзу. Но и помимо этого обстоятельства министерство... полагало бы, во всяком случае, желательным избегать всего того, что могло бы придать организованному в России Чешско-словацкому союзу характер самостоятельного чешского правительства...», «Союз чешско-словацких обществ,— заканчивал Нератов свое заключение, — повидимому, пользуется известным доверием среди находящихся в России чехов. Однако чехи эти составляют сравнительно весьма незначительный процент всего населения чешских и словацких земель, представителем коих может, по имеющимся сведениям, с большим основанием считаться прибывший недавно в Петроград известный чешский деятель, искренно преданный России, Дюрих, выехавший из австрийских пределов для объяснений по чешским делам с правительствами России и Франции. По свидетельству осмотревших места водворения пленных славян в Московском округе гр. Бобринского и г. Геровского, «все военнопленные чехи, тяготящиеся хозяйничанием заправил «Союза чешских обществ», признают господина Дюриха единственным уполномоченным чешского народа в России» [2]).

Министерство иностранных дел деятельно работает над организацией чешского общественного мнения в пользу Дюриха, и посылаемый в главное управление генерального штаба доклад генерала Червинки [3]), которому было поручено раскритиковать чешский военный проект, подкрепляется собранными среди чехов многочисленными заявлениями о том, что «главная масса военнопленных чехов станет в ряды в том только случае, если организация чешских войск будет вверена нашим военным властям и самим военнопленным, с чешским депутатом Дюрихом во главе...»

Параллельно этому происходит и обработка русскими чиновниками самого Дюриха. В составленной в министерстве записке с заголовком «Заметка о разговоре с Дюрихом» [4]) отмечается следующее:

---

[1]) Секретное отношение вр. и. д. начальника генерального штаба ген. Аверьянова Нератову от 12/VII 1916 г. № 5219.

[2]) Копия письма Нератова ген. Аверьянову, пересланная в ставку при отношении от 28/VIII 1916 г. за № 412.

[3]) От 9/VIII 1916 г. (см. телеграмму Базили Нератову от 25/VIII 1916 г., № 1531).

[4]) Записка без указания автора; датирована 27/VIII 1916 г.

«После состоявшейся недавно высочайшей аудиенции в ставке чешский народный уполномоченный Дюрих приехал на несколько дней в Киев — средоточие деятельности «Союза чешско словацких обществ в России». На созванном в этом городе многотысячном чешско-словацком митинге в честь Дюриха присутствующие после бурных оваций этому популярному национальному деятелю вынесли резолюцию, в коей он признается «единственным и абсолютным» руководителем чехов и словаков в России.

При этом, во время предшествовавших резолюции прений, собрание весьма определенно высказалось против всей предыдущей деятельности правления Союза и настаивало на сосредоточении национального чешско-словацкого дела в руках Дюриха. Ввиду сего является тем более непостижимым подписанное Дюрихом в день отъезда из Киева и пока еще не доведенное официально до сведения императорского правительства обязательство подчиняться в своей деятельности в России общему руководству пребывающего в Лондоне Чехо-Словацкого Народного Совета, коего он состоит вице-президентом, председателем же является проживающий в Англии проф. Масарик, известный своим противорусским направлением. Ввиду вышеприведенной резолюции митинга и выяснившегося отрицательного отношения проживающих у нас чехов и словаков к деятельности правления Союза, находящегося под влиянием Масарика, едва ли можно сомневаться, что неожиданное и совершенно обстоятельствами не оправдываемое решение Дюриха произведет в среде находящихся в России его соотечественников самое тяжелое впечатление и вызовет горячие с их стороны протесты. Такой протест уже и выражен в сообщенном министерству иностранных дел частным образом письме к Дюриху проживающего в Петрограде члена правления и заграничной комиссии партии чешского государственного права доктора Штепанека. В протесте прямо указано, что Штепанек и его партия не считают возможным подчиняться Дюриху, «доколе последний не вернется к программе, ради которой он и был выбран, как единственный представитель чешского народа, без подчинения кому бы то ни было».

С своей стороны Дюрих в частной беседе по поводу своей поездки в ставку и пребывания в Киеве, сообщив особому политическому отделу о глубоко-отрадном и бодрящем впечатлении, вынесенном им из милостивого высочайшего приема, заявил, что и сам он вполне разочаровался в деятельности правления Союза и свое согласие на подчинение вместе с Союзом Лондонскому комитету дал, лишь руководясь желанием «позолотить пилюлю» при отторжении от правления и сосредоточении отныне в своих руках общего руководительства делами чешско-словацких организаций в России. Нельзя не отметить, что такое объяснение представляется весьма натянутым и недоказательным. Что касается редакции подписанного им при этом документа, составленной прибывшим недавно в Россию членом Лондонского Чешско-Словацкого Народного Совета Штефаником и признаваемой самим Дюрихом неудачною, то она, по словам последнего, была установлена крайне поспешно — всего лишь за час до его отъезда из Киева.

На основании всех этих данных и некоторых намеков Дюриха можно заключить, что он сознает сделанный им промах и постарается как-нибудь из этого затруднения выйти, объяснив все дело недоразумением и опираясь на резолюцию митинга. Не подлежит сомнению, что в этом ему оказали бы необходимую поддержку вынесшие эту резолюцию соотечественники. Небезынтересно отметить, что, по признакам, Лондонский Чешско-Словацкий Народный Совет едва ли не является самозванным, так как сам Масарик далеко не пользуется доверием у себя на родине и в австрийском рейхстаге был единственным представителем самой малочисленной из чешских политических групп — партии реалистов. Во всяком случае самая многочисленная, состоявшая из 34 депутатов, чешская аграрная партия Дюриха, по его же собственным словам, никаких полномочий Масарику не давала».

Письмо Дюриха к Приклонскому от 2/IX 1916 г. свидетельствует о полном пленении чешского депутата царскою дипломатией:

«Милостивый государь Михаил Григорьевич.

В ответ на ваш запрос честь имею сообщить, что ни в Киеве, ни после моего приезда в Петроград я господину Штефанику не подписал никакой бумаги, в особенности же бумаги, обязующей меня по финансовым делам или признавающей [sic!] так называемый Народный Совет высшей инстанцией.

Я подписал только в Киеве известное вам заявление от 16(29)/VIII с. г.

Петроград. 2/IX 1916 г.» О. Дюрих.

Признавая «исключительную спешность» дела формирования чехо-словацких военных частей, ген. Алексеев решает, между тем, сосредоточить руководство всем этим делом в руках главного управления генерального штаба, отводя для чехо-словацких организаций лишь подсобную роль. Однако заинтересованный в определенной технической организации чешской военной силы и сдерживаемый близостью влияний французской главной квартиры, начальник штаба верховного главнокомандующего не может притти к полному единодушию с петербургским дипломатическим ведомством. Расчищая почву для Дюриха, последнее требует устранения мешающего делу Штефаника. В то же самое время приходит известие, что прибывший вместе с Дюрихом и именовавший себя его военным атташе И. Штафль, в услугах которого, по словам Нератова [1]), Дюрих весьма нуждался, отзывается, по требованию ген. Жанэна, во Францию.

Происходящий по этому поводу между министерством ин. дел и ставкой обмен телеграмм свидетельствует о растущей активности министерства и о глубоком неверии штаба в затеянное министерством дело выдвижения Дюриха. В телеграмме на имя Базили от 29/VIII 1916 г. за № 806 Нератов писал:

«С безусловным сочувствием относимся к соображениям и мерам, предлагаемым ген. Алексеевым в сообщенном вам письме как обеспечивающим дальнейшее течение чешского дела согласно интересам России.

Для достижения этой цели необходимо, однако, объединение действительно преданных России чешских элементов, а не подчинение их внушающей нам сильные опасения, к тому же заграничной, организации, для которой руссофильство является, повидимому, лишь временным тактическим приемом. Вырванное у Дюриха за час до отъезда из Киева соглашение с Масариковским комитетом и его агентами в России является, именно, такого рода актом и уже вызвало энергичные протесты чехов и сомнения самого Дюриха.

Роль, сыгранная в этом деле Штефаником, и опасение подобной деятельности его в будущем заставляют нас желать недопущения его к чешским делам в России, как бы он ни был полезен в чисто военном отношении. С этой точки зрения нежелательна и комиссия из лиц, предложенных вам, ввиду заведомой масариковской их окраски, тем более, что, именно, их предыдущая деятельность была причиной отрицательных сторон деятельности союза, вызвавших решение генерала Алексеева изменить его организацию. Прикрытие же деятельности масариковцев, как политической вывеской, именем Дюриха, истинная преданность коего России известна всем чехам, могла бы быть полезна только этой группе, порицаемой большинством чехов. Придание несколько

[1]) Телеграмма Нератова Базили от 27/VIII 1916 г.

слабохарактерному Дюриху более практических помощников было бы, конечно, желательно, но их необходимо было бы подыскать среди чехов, политически вполне благонадежных. Что касается Штафля, то Дюрих вновь усиленно просит об оставлении его здесь, сообщая о сделанных Штефаником угрозах самыми крайними мерами по отношению к Штафлю, которому французский военный агент разрешил отсрочку лишь в 48 часов. Ввиду политического значения этого вопроса, было бы очень желательно исходатайствовать срочное распоряжение из ставки об оставлении Штафля хотя бы впредь до выяснения дела».

Ответная телеграмма Базили на имя Нератова от того же числа за № 6467 гласила:

«Начальник штаба просит передать, что отправление Штафля во Францию состоялось по его почину, дабы положить конец его несерьезным начинаниям, способным принести вред правильной организации чешского войска. Признавая целесообразность использовать Дюриха как известную политическую вывеску и как центр, вокруг которого желательно объединить, хотя бы временно, работающих у нас чехов, начальник штаба, ввиду личных качеств его, не ожидает пользы от него, как практического деятеля, к сопровождающим же его лицам ген. Алексеев относится вполне отрицательно. В деле, ближайшим образом интересующем начальника штаба и связанном с организацией чешского войска, Штефаник проявил гораздо более полезную деятельность».

Более подробно точка зрения Алексеева развивалась в телеграмме его Нератову от 31/VIII 1916 г., № 6876:

«По содержанию телеграмм вашего превосходительства касательно Штафля и Штефаника считаю долгом высказать нижеследующие соображения.

В чешском деле есть две стороны: во-первых, использование чешских элементов для войны с нашими врагами, но лишь тех элементов, которые сами того пожелают; использование богатых технических сил среди чехов для работы на оборону. Во-вторых, политическая организация сил для будущего устройства судеб Чехии; установление нашего влияния на тех деятелей, которые, в силу необходимости, будут иметь наибольшее значение в первые дни устройства Чехии, если этому суждено осуществиться. Между обоими вопросами неминуемо должна существовать известная связь и зависимость. Самая... [1]) идея привлечения чехов пленных для борьбы принадлежит политическим деятелям; ими же сделаны первые практические шаги на пути осуществления. Привлечение технических сил для работы на оборону может быть осуществлено тоже при помощи уже существующих организаций. Этою зависимостью, по моему мнению, надлежит руководствоваться в наших отношениях к деятелям и партиям. Я не могу и не должен вмешиваться в политическую сторону вопроса, начиная с той грани, где она не соприкасается с работой по организации войск и рабочих на оборону. Чтобы уменьшить влияние деятелей на военную организацию, я просил военного министра взять это дело полностью в военное ведомство. Связь должна быть минимальная с... деятелями, но некоторая связь неизбежна, например для командирования опытных агентов по лагерям военнопленных, сбора сведений, в особенности относительно офицерского состава. Но это и все. В деле же привлечения рабочих на оборону участие организации будет шире. Влияние политической стороны на военную часть вопроса уже сказалось в том, что французское правительство сильно заинтересовано получением чешских контингентов для себя. Чехи сами тоже стремятся службою во французских армиях обеспечить себе помощь и симпатии Франции.

[1]) Многоточием здесь обозначены пропуски в подлиннике.

Политическая сторона, — конечно, область ведения министерства иностранных дел. Должен лишь ... сказать, что я уже два года невольно соприкасаюсь с чешским вопросом и пришел к выводу, что нам разбираться в партиях чехов, ставить одних направо, на нашу сторону, других отталкивать, направляя налево, — едва ли практично. Нам нужно одинаково относиться ко всем, использовать их для работы и не связывать себя обязательствами на будущее. Их всех можно заставить, хотя наружно, слиться в одно целое и работать для нашего союза. По моим сведениям и личным наблюдениям, Дюрих — человек, лишенный способности к практической деятельности, и «вождем» его назвать и признать нельзя. В чьих-либо руках он обязательно будет служить только национальным флагом. Быть может, министерство иностранных дел сочтет необходимым взять на себя руководство им. Вопрос этот касается исключительно министерства. Но в делах военных между штабом верховного главнокомандующего и военным министерством, с одной стороны, и министерством иностранных дел —с другой, должна быть полная солидарность, чтобы чешские деятели не видели в нас двух противоположных лагерей и не пользовались искусно этим обстоятельством. Я готов итти дружно вместе во всякой работе, направленной на благо России, не вкладывая в дело никакого личного самолюбия, но то, что уже сделано, прошу не отменять и итти от того положения вопроса, в коем оно ныне находится, дабы не показывать чехам, что, не достигнув чего-либо у меня, они сумеют добиться этого в министерстве иностранных дел и наоборот. Мне пришлось принять решение об откомандировании Штафля во Францию, и я просил бы не настаивать на его отмене. Что касается Штефаника и его работы в вопросах военно-организационных, то оно будет более чем скромным. Как уже указано, все это дело в основных чертах будет взято в руки нашего военного министерства».

Как явствует из цитированных документов, начальник штаба верховного главнокомандующего расценивал положительным образом роль чешских организаций в деле формирования чешских частей. Пункт I резолюции съезда чехо-словацких обществ в Киеве гласил: «Правлению вменяется в обязанность создать чешско-словацкое войско; чешско-словацкая бригада является основанием войска». В результате проведенной союзом в течение полугода работы к 6/IX 1916 г. в бригаду записалось свыше 8 000 чел. В докладной записке, за подписями Вондрака и Тучека, адресованной на имя ген. Алексеева в октябре того же года [1]), напоминается о том, что план организации чехо-словацкого войска был уже одобрен царем, и подчеркивается основная идея проекта: «всенародный» характер чешского войска, подготовка будущего военного оплота независимого чешского государства, необходимость сохранения инициативы и внешнего представительства в руках самих чехов и словаков, важность сохранения в армии чешского языка. «Считаем долгом, — говорили при этом авторы записки, — указать, что отчасти противоречивые распоряжения, то разрешающие, то запрещающие набор, а еще более разнообразные слухи в связи с различными формированиями... [2]) совершенно сбили с толку наших военнопленных, которые не скрывают горького своего разочарования и отказываются верить кому бы то ни было, пока организация войска не будет признана и утверждена русской военной властью».

[1]) Записка датирована 20/X 1916 г.

[2]) Имелись в виду посылка войск во Францию, формирование сербского отряда в Одессе, дело организации дивизии ген. Червинки.

В связи с назревающим в министерстве намерением произвести своего рода coup d'état в деле организации чехов, ряд чешских общественных деятелей обращается [1]) к министру с указанием на «остановку в решении чешско-словацких дел», на то, что «попытка объединить всех чехо-словацких деятелей в один русский исполнительный комитет Чешско-Словацкого Национального Совета во главе с депутатом Дюрихом... вследствие разных причин не привела к цели», наконец, на то, что «камнем преткновения при дальнейших попытках о соглашении является неопределенность по отношению к требованиям русского императорского правительства». Чешские политики не без тревоги спрашивают: «Встречает ли министерство иностранных дел препятствия к формальному или идейному единению чешско-словацкого политического представительства в России с общенациональной организацией — «Чешско-Словацким Национальным Советом», секретариат которого находится в Париже, председателем которого является проф. Фома Масарик и товарищем председателя —депутат Осип Дюрих?» «Встречает ли согласие министерства иностранных дел проект учреждения вполне самостоятельного, с депутатом Дюрихом во главе, комитета, состоящего из 8 или 6 членов, не имеющего никакой органической связи с чехо-словацкой общенациональной политической организацией?» Они спрашивают, наконец, согласно ли министерство с идеей «назначенства», которая кладется в основу организации этого комитета. «Мы твердо уверены, — заключали интерпеллянты свое обращение, — что разъяснение выше поставленных вопросов рассеет многие важные недоразумения в нашей среде и что оно приведет в скором времени к желанному и желательному упрощению отношений в чешско-словацком обществе в России».

Заданные чешскими политическими деятелями министерству вопросы звучали в значительной мере реторически, ибо ни для кого не было секретом, что проект организации нового чешского центра зародился и вынашивался именно в недрах министерских канцелярий. На страницах чешского официоза «Чехо-Словака» все чаще начинают звучать оппозиционные ноты: № 75 от 30/XI 1916 г. содержит статью с резким выпадом против правительства Штюрмера и Протопопова, в которой утверждается, что существует депутат, получающий субсидии от правительства. 7/XII в клубе общественных деятелей на публичном собрании редактор «Чехо-Словака» Павлу заявляет, что министерство иностранных дел творит насилие над чехами, навязывая им Дюриха, своего агента.

Назревание конфликта становится ощутительным. Если два месяца тому назад на чрезвычайном собрании чешского комитета в Москве (17/IX 1916 г.) победила умеренная резолюция, гласившая, что «исход из создавшегося запутанного чешского положения чешский комитет видит в прямом соглашении депутата г. Дюриха с Союзом чешско-словацких обществ в России», то теперь идея соглашения утрачивает под собою почву.

---

[1]) См. записку от 17/XI 1916 г., поданную в министерство иностранных дел за подписями Вельца (председателя чешского общества в Петрограде), Чермака, Клеканды, Б. Павлу (редактора «Чехо-Словака»), Шпачека и др.

Представители немногочисленных правых чешских кругов, или, как они сами выражаются, «дюриховской партии», заявляют в министерство иностранных дел [1]) о «невозможности каких бы то ни было сделок или переговоров с союзом», о необходимости приостановить издаваемые чешские журналы и предоставить Дюриху «самому подобрать себе сотрудников в «русском» Народном Совете». В то же время в чешских общественных организациях назревает мысль о приглашении в Россию самого Масарика. Об этом не без тревоги, сопровождая свою информацию выразительными пояснениями, спешит сообщить Нератову помощник начальника Петроградского военного округа Н. В. Плеве [2]):

«Известные общественные деятели в области славянского дела М. Г. Белецкая и С. О. Коничек-Горский сообщили мне, что руссофильское в среде чехов движение, проводимое доктором Дюрихом, могло бы быть в существенной степени подорвано, если бы в Россию прибыл, как, повидимому, предполагается, чешский ученый проф. Масарик, представитель противоположного, неприязненного нашему отечеству течения, направленного в сторону окончательного слияния чехов с немецким миром. Ввиду сего и затрудняясь принимать какие-либо по настоящему вопросы меры, не имея данных, подтверждающих вышеуказанные сообщения, долгом считаю покорно просить ваше превосходительство заключения по объясненному делу, уведомив меня вместе с тем, действительно ли существует предположение о посещении проф. Масариком России и как, по вашему мнению, русской власти следовало бы отнестись к приезду названного лица. Добавляю к сказанному, что в качестве подданного воюющей с нами державы Масарик подлежал бы по существующим правилам высылке в одну из предназначенных для сего губерний под надзор полиции».

Министерство иностранных дел решает, разумеется, Масарика в Россию не впускать, о чем предупреждает послов в Париже и Лондоне [3]). Еще несколько ранее (в сентябре 1916 г.) в Москве ставится, в противовес существующей чешской «масариковской» прессе, двухнедельный журнал «Славянское слово», выпускаемый на русском языке под редакцией Коничека. Далее министерство считает своевременным провести ряд подготовительных срочных мероприятий, излагаемых в докладной записке, получающей одобрение тов. министра иностранных дел [4]). Приводим текст этой записки:

«С возникновением войны приняло широкие размеры уже давно зародившееся среди чехов и словаков движение, направленное к освобождению их от австрийского ига. Движение это стало развиваться в особенности в России, где проживает с давних пор большое количество чешских и словацких выходцев и где, по ходу войны, сосредоточены большие массы пленных этих национальностей.

Наряду с этим во Франции и в Англии даже возникли центры чешской агитации, причем обнаружилось, что направлением ее завладели лица, не пользующиеся политическим влиянием у себя на родине и стремящиеся к целям, могущим, в конечном результате, представить опасность для государственных интересов России. Влиянию

[1]) В записке от 21/XI 1916 г. за подписями Ф. Краля, В. Церкала и В. Штепанека.

[2]) Отношением от 23/XI 1916 г., № 583.

[3]) Секр. телеграмма Нератова послам в Париже и Лондоне от 8/XII 1916 г.

[4]) Проект доклада об организации чехо-словацкого дела в России; одобрен А. Нератовым 29/IX 1916 г.

их всецело подчинилась у нас небольшая группа чешских деятелей, которой, по сложившимся обстоятельствам, удалось захватить в свои руки чешско-словацкие организации в России. Отрицательные стороны их деятельности не замедлили обратить на себя внимания министерства иностранных дел и военного ведомства. В последнее же время стали замечаться признаки, указывающие на то, что упомянутая выше заграничная чешская агитация встречает сочувствие со стороны некоторых иностранных правительств, поддерживающих ее и морально и материально. Ввиду этого министерство иностранных дел нашло необходимым выработать ряд мер для упорядочения деятельности у нас чешско-словацких организаций и для ограждения военнопленных этих национальностей от воздействия на них нежелательных элементов. Министерство руководствовалось при этом соображениями о том выдающемся значении, которое могут представить для России чешско-словацкие земли после войны, в какую бы форму ни вылилась их государственная организация. Равным образом, было принято во внимание и то обстоятельство, что в этом отношении окажут большое влияние, по возвращении на родину, военнопленные, которые составляют значительную часть находящегося в рабочем возрасте населения чешско-словацких земель, всех общественных классов и состояний. Меры эти, как видно из письма и. д. начальника генерального штаба от 23/IX с. г. за № 7101, военное ведомство признает желательными, причем предполагает ныне же приступить к проведению тех из них, которые касаются его компетенции. В соответствии с этим, министерство иностранных дел, с своей стороны, признает необходимым приступить к немедленному же осуществлению относящихся к его ведению, тесно связанных с предыдущим мер. Для сего министерство считает необходимым испросить нижеследующие ассигнования: 1) на единовременную выдачу чешскому депутату Дюриху, коему, по соглашению министерства иностранных дел и военного, предоставляется право общего руководительства и наблюдения над чешско-словацкими организациями в России, — 5 000 рублей.

2) Ему же ежемесячно по 1 000 рублей, а всего в год — 12 000 рублей.

3) Шести членам формируемого для оказания Дюриху помощи в этом деле комитета по 200 руб. в месяц каждому, всего в месяц 1 200 руб., а в год 7 200 рублей.

4) На содержание канцелярии комитета по 200 руб. в месяц, в год—2 400 руб.

5) На содержание отделения комитета в Киеве двум членам этого отделения по 200 руб. в месяц и по одному помощнику их —150 руб. в месяц. На наем помещения и канцелярские расходы этого отделения — по 200 руб. в месяц. Всего в месяц по 750 р., а в год — 9 000 руб.

6) На поездки двух доверенных лиц комитета для поддержания связи с проживающими в России чехами и словаками, по расчету 10 руб. суточных каждому, 600 руб. в месяц, а всего в год — 7 200 руб.

7) В субсидию печатному органу комитета, издание коего предполагается на русском и чешском языках, с правом помещения статей на французском и английском языках и иллюстраций, в год — 38 000 руб. (При исчислении этой суммы принята во внимание стоимость выходящих в Петрограде на чешском языке, в количестве 5 000 экземпляров, еженедельной газеты «Чехо-Словак», а именно: печать и бумага 26 000 руб. в год, помещение 3 600 руб., редактор 2 400 руб., 2 сотрудника — 3 600 руб., разные расходы 2 400 руб. Ввиду нежелательного направления этой газеты и неудобств, по политическим соображениям, насильственного ее закрытия, одной из задач новой газеты является противодействие влиянию «Чехо-Словака».)

8) В распоряжение министерства иностранных дел:

а) на издание брошюр на русском, французском и английском языках в целях борьбы с нежелательными для России течениями в чешско-словацком вопросе, особенно в Америке, где сосредоточены большие массы чехов и словаков, подвергающиеся враждебной нам пропаганде, в год — 10 000 руб.,

б) для посылки в тех же целях в Америку и другие государства доверенных лиц в год — 20 000 руб.

А всего по перечисленным пунктам единовременно — 5 000 руб. и в год — 105 800 руб., что составляет в месяц 8 816 руб. 66 коп.

Ввиду того, что расход этот вызывается обстоятельствами военного времени и что было бы в высшей степени нежелательно проникновение в печать и в публику сведений о назначении его, представлялось бы целесообразным испрашиваемую сумму ассигновать в форме назначения на неподлежащую оглашению надобность и сообразно с этим отпускать министерству иностранных дел с 10 октября 1916 г. на время настоящей войны за счет наличных средств государственного казначейства ежемесячно по 8 816 руб. 66 коп. и отпустить единовременно на тех же основаниях 5 000 руб.».

В основу всего дела клали, как мы видим, прочный материальный фундамент. Особенно крепко должна была быть увязана с этим фундаментом центральная фигура министерского выдвиженца. Из письма весьма влиятельного в правых политических кругах члена Русского собрания, председателя Славянского Благотворительного общества акад. Соболевского на имя министра иностранных дел [1]) можно заключить о том, что сам Дюрих считал необходимой для себя еще более крепкую связь с дипломатическим ведомством. В письме этом значится:

«В настоящее время между находящимися в России чехами происходит борьба. На одной стороне стоит чех В. Вондрак, представитель Центрального совета чешских организаций, действующих в России. Он — русский уроженец и более русский, чем чех. Как русский — он принадлежит к числу прогрессистов и известен как ярый сторонник украинства и в значительной степени руссофоб... Само собой разумеется, такой представитель находящихся в России чехов... среди русских, его знающих, возбуждает разнообразные толки не только относительно чехов вообще. На другой стороне стоит недавно прибывший в Петроград член венского парламента И. Дюрих, давно известный как руссофил... Он не имеет отношения ни к каким русским политическим партиям. Дюрих желает получить от нашего правительства признание его представителем чешского народа в России. Так как, прибыв в Россию без всяких средств, он не может жить в Петрограде без поддержки со стороны русского правительства, то ему хотелось бы получить от последнего до 2 000 руб. в месяц на содержание как лично себя, так и небольшой канцелярии. Вондрак не желает знать Дюриха. Кажется, он в этом следует указаниям не столько своих сторонников из числа чехов, сколько соображениям той русской политической партии, к которой принадлежит. Само собой разумеется, Вондрак не желает уступить Дюриху своей роли руководителя чешских организаций и чешской печати в России. Ввиду грозящей опасности скандала, необходимо, чтобы русское правительство вмешалось в дело и исполнило желание Дюриха, лишив Вондрака того высокого внимания, которым он до сих пор пользовался, и тех денежных средств, которые ему правительством предоставлялись, с передачею последних в распоряжение Дюриха».

18 ноября 1916 г. [2]) Нератов знакомит управляющего министерством внутренних дел Протопопова с проектом устава вновь учреждаемой организации — «Чешско-Словацкого Народного Совета». Совет составляется из 12 человек, не считая председателя; половина всех членов назначается последним, другая половина выдвигается чешскими обще-

[1]) Письмо А. И. Соболевского министру иностранных дел от 23/X 1916 г.

[2]) Срочным письмом за № 808.

ствами; но и те и другие кандидатуры должны быть одобрены министерствами иностранных дел и военным и утверждены министерством внутренних дел. Председателем Совета назначается Дюрих, заслуживший в полной мере доверие русского правительства. «Деятельность Совета и все его делопроизводство подчиняются контролю министерства внутренних дел, причем изменение устава Совета, равно как и закрытие его, предоставляются усмотрению министерства внутренних дел по соглашению с министерствами иностранных дел и военным» [1]).

Хотя договоренностью с министерством внутренних дел судьбы этого проекта были предрешены, дипломатическое ведомство не останавливается и перед созывом небольшого специального совещания 27 ноября, на которое, кроме Дюриха с его одномышленниками, приглашаются и такие представители действующего Союза, как Вондрак и Тучек. На совещании, как гласит официальная информация, «заслушивается» текст проекта. Быть может, присутствовавшие представители оппозиции были удовлетворены официальной теорией министерства иностранных дел, согласно которой «устав Союза чешско-словацких обществ не уничтожается новым уставом», ибо назначение нового Совета должно было состоять в том, чтобы согласовать деятельность существующих обществ с требованиями государственной власти [2]). Быть может, были другие факторы, заставившие оппозицию не возражать на данном совещании против проекта. Так или иначе — министерство торжествовало победу. 9/XII 1916 г. оно получило согласие от министерства военного [3]). В конце декабря проект устава передается на рассмотрение Совета Министров, утверждающего его 10 января 1917 г. Министерство внутренних дел приостанавливает действие своего циркуляра от 6/IX 1916 г., которым подтверждались права Союза чехо-словацких обществ выдавать удостоверения о благонадежности военнопленным чехо-словакам [4]). Министерство внутренних дел собирает громадную коллекцию заявлений «о доверии» Дюриху. Дюрих начинает действовать, намечая в Совет свои кандидатуры. В своем интервью с сотрудником «Вечернего времени» он с гордостью заявляет, что получил от всех чешских политических партий (кроме двух) полную carte blanche и совершенно независим в своих решениях от каких бы то ни было влияний, исходящих из-за границы. Отметим еще одну немаловажную деталь, характерную для рассматриваемого времени: на совещании в министерстве от 27/XI председательствует Приклонский, автор большинства записок по чешско-словацким вопросам, о скорейшем проведении устава через Совет министров хлопочет больше всего Приклонский [5]); наконец, в заседании Совета Министров 16/XII 1916 г. в принципе одобряется секретное представление министерства иностранных дел об отпуске сумм на реорганизацию чехо-словацкого дела в России и учреждении при министерстве иностранных

[1]) См. «Изложение дела», представленное в Совет Министров министерством внутренних дел 29/XII 1916 г.

[2]) Копия отношения Нератова Протопопову от 14/XII 1916 г.

[3]) Письмо ген. Аверьянова Нератову от 9/XII 1916 г.

[4]) Отношение тов. министра внутренних дел Куколь-Яснопольского министру иностранных дел от 30/I 1917 г. № 90657.

[5]) Письмо Приклонского управляющему делами Совета Министров Лодыженскому от 4/I 1917 г.

дел особого политического отдела, во главе которого становится тот же Приклонский. Казалось, здание строилось прочно, и постройка шла без перебоев. Некоторым неожиданным диссонансом прозвучало лишь заявление, поданное на имя министра иностранных дел представителями тех оппозиционных кругов, которые десять дней тому назад молча солидаризировались с министерским уставом на заседании под председательством Приклонского [1]). Авторы записки сомневались в должной авторитетности создаваемого органа, в котором половина членов и председатель должны были быть назначенными, который, по существу, оказывался лишь совещательным органом при министерстве. «Мы опасаемся, что при таких обстоятельствах Комитет не встретил бы столь высокой нравственной поддержки и доверия чехо-словацких обществ не только в России, но и за границей и, главным образом, на родине, как было бы нам желательно...» По мнению авторов записки, австрийское правительство не замедлит пустить клевету, «подрывая доверие к нашим заграничным деятелям, обвиняя их в наемных услугах державам Согласия». И в той же записке указывалось, какие мероприятия должны быть проведены, чтобы Совет приобрел надлежащий авторитет: а) установление связи и согласованности работы Совета с «Чешско-Словацким Национальным Советом» Масарика, б) проведение выборного принципа в деле формирования Совета, в) образование денежных средств Комитета исключительно из национальных пожертвований. Министерство иностранных дел продолжало проводить линию, намеченную рукою Приклонского. Протест чешских деятелей остался висеть в воздухе. Но он был предостерегающим симптомом.

Обстоятельства, относящиеся к рассматриваемому времени, в противовес тому освещению, какое давали им протестанты, интерпретировались начальником особого политического отдела следующим образом [2]):

«В России в настоящее время находится свыше 250 тысяч военнопленных чехов и словаков. Значительное количество их сдалось добровольно. Кроме того в России еще до войны проживали довольно многочисленные чехо-словацкие колонии, организовавшие несколько обществ культурно-просветительного характера. Колонии эти в течение войны пополнились значительным количеством политических эмигрантов из чешской и словацкой интеллигенции. С началом войны упомянутые чешские и словацкие организации объединились в «Союз чешско-словацких обществ в России», поставивший себе целью содействие делу освобождения чехов и словаков от владычества Австро-Венгрии и создание независимого чехо-словацкого государства. Одной из ближайших задач Союза явилась организация в составе русской армии из освобождаемых военнопленных чехо-словацких войсковых частей, из которых впоследствии, в случае успешного для нас исхода войны, могла бы создаться национальная чешская армия. Идя навстречу этой освободительной деятельности, могущей, вместе с тем, повести к ослаблению Австро-Венгерской монархии, императорское правитель-

[1]) Заявление на имя министра иностранных дел от 8/XII 1916 г. за подписями председателя Чешского общества в Петрограде Вельца, издателя газеты «Чехо-Словак» Чермака, члена совета Чешского общества в Петрограде Клеканды, редактора газеты «Чехо-Словак» Павлу, Шпачека и Марковича.

[2]) Записка, составленная в особом политическом отделе об учреждении Чехо-Словацкого Народного Совета в России 12/XII 1916 г.

ство разрешило правлению Союза организовать из военнопленных добровольческую чешскую бригаду из лиц, за благонадежность которых оно могло бы поручиться. При последующем развитии деятельности Союза выяснилось, однако, что руководящую в нем роль стали играть русскоподданные чехи, известные своим радикализмом и украинскими симпатиями. При этом означенные лица, пользуясь занятым ими положением как представители уже существовавших у нас ранее обществ, но совершенно неизвестные в чешско-словацких землях и не пользующиеся доверием широких масс чешских и словацких военнопленных, пытались использовать представленные им русским правительством полномочия в узко-партийных целях и создать в России самостоятельное национальное чешское правительство. В целях подчинить своей бесконтрольной власти чехов и словаков, как военнопленных и военнообязанных, так даже и русских подданных этих национальностей, Союз частью осуществил, частью пытался осуществить ряд соответствующих мер. Так, Союз под видом добровольных пожертвований взимает принудительные налоги («народная дань») при вербовке военнопленных в добровольческую бригаду и при выдаче удостоверений в принадлежности к чешско-словацкой национальности и политической благонадежности прибегает к угрозам и вымогательствам, совершая при этом злоупотребления, многие из которых уже констатированы генеральным штабом. Не довольствуясь этим, Союз добился даже права указывать правительству на неблагонадежных чехов и словаков в видах высылки в Сибирь, руководствуясь при этом чисто партийными соображениями. По сведениям генерального штаба, правлением Союза были даже арестованы, по обвинению в политических преступлениях, некоторые военнопленные и офицеры-чехи, что затем, по расследовании, было отменено главным начальником Киевского военного округа. Нетерпимый образ действий Союза выразился, между прочим, и в том, что на съезде в Киеве, в апреле с. г., не было дозволено даже выразить свое мнение представителям руссофильской ориентации, которые были вынуждены напечатать таковое в «Московских ведомостях» (I/V 1916 г.). Стремясь таким образом достигнуть в России положения самостоятельного чешского правительства, Союз в то же время свою политическую деятельность всецело подчинил руководительству проживающего в Лондоне председателя Чешско-Словацкого Национального Совета, проф. Масарика, известного своими противорусскими тенденциями, ярко выраженными в его появившейся незадолго до войны и запрещенной в России книге «Russland und Europa». Такое подчинение Союза, действующего в России и влияющего на значительные массы наших военнопленных чехов и словаков, руководительству лица, проживающего за границей, не состоящего ни в каких отношениях с русским правительством и совершенно свободного от нашего контроля, является, конечно, недопустимым. Ввиду всего вышеизложенного, министерство иностранных дел, по соглашению с военным ведомством, и признало целесообразным изменить существующую у нас центральную чешскую организацию, поставив во главе всего чешско-словацкого дела в России прибывшего к нам недавно депутата австрийского парламента Дюриха. Последний являлся у себя на родине популярным вождем самой многочисленной чешской партии аграриев, представленной 34 депутатами, между тем как, кстати сказать, проф. Масарик, весьма известный как ученый, в качестве политического деятеля является величиною сравнительно маловлиятельною и в рейхстаге был единственным представителем своей политической группы (партии «реалистов»). К тому же, по счастливой случайности, Дюрих давно известен как искренний и убежденный почитатель России и ее государственной культуры. На многотысячном чешско-словацком митинге, состоявшемся в Киеве, в августе 1916 г., по случаю приезда Дюриха в Россию, он, после бурных оваций, был признан единственным и абсолютным руководителем проживающих у нас чехов и словаков..., что было подтверждено ему затем многочисленными письмами чехов и словаков. Подобное же заявление, по сведениям генерального штаба, после-

довало и со стороны масс военнопленных чехов и словаков. Наконец, и всеми чешско-словацкими обществами в России он признается «представителем чешско-словацкого народа» в России.

В соответствии с вышеизложенным, министерство иностранных дел, по предварительному соглашению с ведомствами военным и внутренних дел, выработало проект учреждения «Чешско-Словацкого Народного Совета в России» с депутатом Дюрихом во главе. Совет предположено составить из 12 членов, не считая председателя, причем половину их общего числа назначал бы последний, а другую половину назначало бы правление Союза чешского-словацких обществ в России. Этой центральной организации, имеющей пребывание в Петрограде, и предположено передать общее руководительство чешско-словацким делом в России, а равно и право официальных сношений с русскими правительственными учреждениями, чем обеспечивается возможность для правительства иметь наблюдение за развитием деятельности чешско-словацких организаций. Признавая особенно желательным объединить и привлечь к дружной общей работе возможно большее число чешских организаций и принимая во внимание, что успешность деятельности упомянутого Совета может быть, в особенности, обеспечена в том случае, если в уставе его найдут себе выражение не только требования русской государственной власти, но и приемлемые пожелания самих чехов и словаков, особый политический отдел признал полезным привлечь к выработке проекта устава наиболее компетентных их представителей, в том числе г. Дюриха, председателя и членов правления Союза чешско-словацких обществ, представителя Петроградского чешского общества и др. Выработанный по соглашению с этими лицами проект устава был препровожден на заключение и. д. начальника генерального штаба, который письменно от 9 сего декабря уведомил, что со стороны военного министерства не только не встречается возражений против утверждения означенного устава, но и представляется желательным осуществление намеченных в нем мероприятий, направленных к устранению возникших за последнее время в чешско-словацких обществах разногласий.

Несмотря на то, что проект устава Совета был составлен при сотрудничестве представителя Петроградского чешского общества, председатель этого общества и главнейшие его руководители обратились ныне в министерство иностранных дел с заявлением, содержание коего сводится к следующему: 1) констатируется внутреннее неустройство чешско-словацкого дела в Росеии и возникшее в чешско-словацких кругах стремление создать общий орган, который был бы национальным представительством в сношениях между чешско-словацким народом и русским правительством;

2) указываются условия успешной деятельности такого органа. А именно — необходимость идейной связи с заграничным Чешско-Словацким Национальным Советом, коего председателем состоит проф. Масарик, а также избрания в члены нашего Совета лиц «на основании общественного доверия»;

3) указывается, что именно такой орган предполагалось устроить на основании соглашения между различными чешскими партиями, последовавшего в г. Киеве 16/VIII с. г. В силу этого соглашения должен был возникнуть «Комитет, с депутатом Дюрихом во главе, из лиц, выбранных Чешско-Словацким Национальным Советом с согласия Дюриха»;

4) приводится возражение против предположенной нами статьи устава Совета, согласно коей половина его членов назначается председателем, и высказывается мнение, что намеченные Дюрихом лица будто бы не пользуются общественным доверием.

Принимая во внимание, что представитель Петроградского общества участвовал при выработке проекта устава и по существу его возражений не сделал, а с другой стороны, что общество входит в состав Союза, правление коего является его предста-

вителем перед правительственными учреждениями (причем своим участием в выработке проекта оно подтвердило свое согласие на принятие проекта), Петроградское общество не имеет права обращаться в министерство иностранных дел с официальными заявлениями, и заявление, сделанное им и ныне, казалось бы, вовсе не требует ответа. По существу же высказанных обществом возражений особый политический отдел считает своей обязанностью доложить нижеследующее:

Идейная связь с Национальным Советом Масарика отнюдь не возбраняется предположенному у нас Совету. Но связь эта должна быть только идейной, т. е. выражаться только в обмене мнений, отнюдь не нося характера подчинения нашего Совета заграничному. Между тем, как видно из текста киевского соглашения, на которое ссылается Киевское общество, оно в действительности имеет в виду полное подчинение нашего Совета заграничному. Кроме того, согласно тайному протоколу этого последнего от 6/VII с. г., все переговоры о политическом устройстве Чехии сосредоточиваются в руках Масарика, деятельность же Дюриха ограничивается исключительно агитацией среди военнопленных, под близким надзором назначенных Масариком агентов. Согласно тому же протоколу, значительную часть сборов по обложению чехов и словаков решено высылать в Лондон в распоряжение Масарика. Подобное вынесение за пределы России центра тяжести всего чешско-словацкого дела, с высылкой за границу своего рода дани с проживающих у нас чехов и словаков и даже самих русских, ни в коем случае допущено быть не может. Государственный же интерес России требует, наоборот, чтобы за нами было обеспечено преимущественное положение в чешско-словацком деле, ибо, не говоря уже об исторических традициях, именно только у нас сосредоточены многочисленные массы военнопленных чехов и словаков. Само Петроградское общество вполне признает исключительное положение России в этом деле. Что же касается возражения общества против назначения половины членов председателем и высказанного пожелания, чтобы все члены Совета были избраны «на основании общественного доверия», т. е., другими словами, назначены правлением Союза, который, в свою очередь, как видно из вышеизложенного, должен был бы при этом руководиться указаниями Масарика, то пожелание это представляется неисполнимым, так как при этом условии новый Совет был бы лишь подменой этого же правления Союза, деятельность коего и вызвала необходимость создания нового органа. Наоборот, присутствие в Совете наряду с 6 членами, назначенными правлением Союза, 6 членов, назначенных Дюрихом, который пользуется доверием как самих чехов и словаков, так и русского правительства, представляется практически необходимым. Мера эта, во-первых, гарантирует выражение мнений в Совете тех лиц, которых настоящие заправилы чешско-словацких дел в России лишали до сего времени возможности принимать в них участие, а, во-вторых, в глазах русского правительства является известным обеспечением против тех злоупотреблений, которые были замечены в деятельности Союза при осуществлении дарованных ему прав и привилегий. Необходимо также заметить, что первым председателем нашего Совета будет не назначенное правительством лицо, а Дюрих, единодушно признаваемый всеми чехами и словаками, не исключая и лиц, подавших упомянутое заявление, представителем чешско-словацкого народа в России. Далее нельзя не отметить и того обстоятельства, что заграничный Национальный Совет, на который ссылается Петроградское общество, состоит из лиц, никем не выбранных: Масарик сам объявил себя его председателем и собственною властью назначил всех 3 его членов, которые, вдобавок, находятся в разных странах.

Наконец, утверждение подателей заявления, что лица, намеченные Дюрихом в члены Совета, не пользуются общественным доверием, неосновательно, во-первых, потому, что выбор Дюриха еще не определился окончательно, а, во-вторых, потому, что их мнение ничем не доказано и противоположно мнению многих чехов, в том числе

Дюриха, который сам, во всяком случае, внушает доверие не меньшее, чем податели заявления [1])».

Время торжества «русской» политики в чешском вопросе длилось недолго. Недолго пришлось пробыть на своем высоком посту и вызванному начальником особого политического отдела из политического небытия автору составленного на чешском языке курса стенографии. В начале января 1917 г., как общепризнанный и единственный представитель чешского народа в России, Дюрих шлет за своею подписью благодарственные телеграммы всем монархам и некоронованным главам держав, включившим в переданную Вильсону ноту об условиях будущего мира также и требование «освобождения чехословаков из-под чужого владычества» [2]). Он делает это сообща с представителями ряда чешских организаций в России. Это было, вместе с тем, последним внешним выражением достигнутого им политического успеха. В дальнейшем имя Дюриха еще в течение 4 месяцев не будет сходить со страниц чешской и русской печати, но уже далеко не при таких торжественных обстоятельствах. Вместе с тем, в дальнейшем мы напрасно будем искать каких-либо признаков объединенной деятельности Дюриха с другими чешскими организациями. За ним попрежнему идет та же группа, которая поддерживала его и раньше и которую он теперь тянет за собой в Народный Совет,— это знакомые имена В. Штепанека, Краля, Коничека, Церкала [3]). В единомыслии с Дюрихом оказывается еще председатель Общества чешско-словацкого единения в Киеве Зивал, в своем обращении на имя военного министра и начальника особого политического отдела от 17/I 1917 г. затрагивающий тему о господствующих в чешском вопросе и тормозящих его разрешение разногласиях. «Главных виновников хаоса» он видит в лице кадетообразных Вондрака, Тучека, Швиговского, он требует отстранения последних от руководящих ролей членов правления чешских обществ. Заметим попутно, что один из влиятельных и вполне благонадежных членов того же общества Дедина, ранее, как мы знаем, принявший Дюриха, теперь предупреждает Приклонского [4]) о грозящей чехо-словацкому делу опасности ни от кого другого, как от самого Дюриха — «безвольного старичка», попавшего в «плохое окружение». Достаточно хотя бы частичного ознакомления с русской буржуазной прессой того времени, чтобы составить себе общее представление о росте тенденций, враждебных политике министерства иностранных дел в чешском вопросе. Давая информацию о проекте образования Чешского Народного Совета, газета «Вечернее время» [5]) пишет, что проект этот «наносит отношениям между чехо-словаками и Россией серьезный удар», что осуществление этого проекта явится «одною из крупнейших ошибок, которая в будущем может отказаться непоправимой». В номере

[1]) На полях первого листа записки рукою Приклонского сделана пометка «Г. министр [Покровский] признал прошение это не подлежащим ответу и прием просителей не вызываемым необходимостью 14/XII 1916 г.»

[2]) Николаю II, Георгу V, Виктору Эммануилу, президенту Пуанкарэ, см. «Биржевые ведомости» от 8/I 1917 г. № 16026.

[3]) См. записку с заголовком: «Чешско-славянская программа» за подписями перечисленных лиц, датированную январем 1917 г.

[4]) Письмо Дедины Приклонскому от 18/I 1917 г.

[5]) См. «Вечернее время» от 9/I 1917 г., № 1716.

той же газеты от 17/I 1917 г. в заметке «Кому это нужно» говорится о том, что «новое учреждение вносит только ненужный раскол в чехо-словацкие национальные организации, объединенные в европейском национальном комитете с Масариком во главе». В журнале «Русская будущность» в статье «Чехо-словаки и югославяне» дается резкая оценка той роли, какую играло русское министерство иностранных дел в чехо-словацком вопросе [1]).

«Сменой министров, — читаем там, — повидимому, воспользовались ловкие люди, чтобы из иностранного ведомства перенести ведение чешско-словацким и югославянским вопросом из сферы иностранной политики в область наших внутренних дел. Для этого прежде всего по чьему-то «щучьему велению» дела чехо-словаков и австрийских славян из ближневосточного отдела министерства иностранных дел, где им быть надлежит, переданы в особый политический отдел, где почему-то занимаются делами только австрийских славян...

Мы уверены, что ни заведующий ближневосточным отделом А. М. Петряев, ни оба товарища министра, А. Нератов и А. Половцев, ни новый министр Н. Покровский тут не при чем и сделались жертвой чьей-то ловкой интриги. Это — во-первых. Во-вторых, по тому же «щучьему велению» мы стали вмешиваться во внутренние дела чехо-словацких комитетов и союзов за границею, внося, с одной стороны, раскол среди чехо-словаков за границею и агитируя против известного деятеля, авторитетного и благородного шефа национальной чехо-словацкой делегации в Европе, проф. Масарика. И опять-таки все это делалось так, что и министр и его помощники обо всем этом узнали позже всех. И, наконец, как венец всей этой интриги, в одно прекрасное утро мы узнаем из газет, что Союз чешско-словацких обществ в России упраздняется, на его место учреждается Совет и передается в ведение министерства внутренних дел!

Так отнеслись в России к чехо-словакам, и один из главных деятелей всей этой интриги на представления некоторых друзей чехо-словаков и сторонников не австрийской, а русской точки зрения, на вопрос ответил: «Я — черносотенец, и смотрю на чехо-словацкое дело не с точки зрения политической, а с точки зрения полицейской». Какими судьбами все это дело попало в руки такого чиновника министерства иностранных дел, мы не знаем. Мы надеемся, что новый министр иностранных дел заинтересуется всем этим и выяснит поднятый нами вопрос...»

В газете «Утро России» от 9/II 1917 г. № 40 в статье «Политическая борьба среди чехов» констатируется борьба двух антагонистических течений — «восточного» и «западнического», причем отмечается, что усилия Дюриха в России успеха не имеют, что он подвергается крупным нападкам и со стороны петроградского «Чехо-Словака» и со стороны чехо-словацкого общества в Москве.

Чтобы выяснить характер нападок, которым подвергалась проводившаяся министерством политика в чешском вопросе и, в частности, деятельность самого Дюриха, обратимся к тем разрозненным документам, которые сохранились в министерских досье.

Сохранившаяся резолюция Совета общества славянской взаимности (в Петрограде) от 17/I 1917 г., за подписью А. Брянчанинова, гласит: «Совет общества... обеспокоенный

[1]) Журнал «Русская будущность» 1917 г. № 2, 25/I 1917 г.

полученными сведениями о том, что правильному развитию чешско-словацкого вопроса в России угрожает создание организации, не вполне свободно путем выборов составленной, полагает, что... необходимо гарантировать полную свободу чешско-словацкой мысли обеспечением независимой деятельности свободно избранного Национального Совета». В резолюции указывается далее на то, что чехо-словацкий вопрос оказывается теперь «осложненным привхождением внутренне-русских политических мотивов».

Прибывший в начале февраля 1917 г. в Петроград в качестве уполномоченного Общества чешско-словацкого единения в Киеве для доклада министру Дедина в своем письме к Покровскому писал: «Почтенный старик, окружив себя лицами, не пользующимися доверием большинства наших земляков, игнорируя благонамеренные советы и предложения, за 7 месяцев не приблизил нас к цели. Воображая себя каким-то полновластным диктатором чехов, он, наконец, соединился с виновниками хаоса. Созданный им национальный «Совет», не пользуясь общим доверием, не обеспечивает успешное выполнение вышеуказанных задач» [1]). Выход из положения Дедина намечал в создании центрального органа, основанного на принципе выборности.

Цитированные документы уже дают достаточное основание для того, чтобы утверждать, что главным объектом общего недовольства являлась проводившаяся министерством политика игнорирования существующих чешских выборных организаций, политика, направленная к созданию бюрократического суррогата, который должен был быть послушным орудием в его руках. Другим объектом недовольства являлся непосредственный плод этой политики — Дюрих, стимулировавший оппозицию присущими ему личными свойствами, мало соответствовавшими той общественно-политической роли, на которую он выдвигался. Приведем еще два документа, характеризующих отношение чешских руководящих кругов как к Дюриху, так и к насаждаемой министерством политике. В своей записке, представленной в министерство иностранных дел 3/II 1917 г., председатель Петроградского чешского вспомогательного общества Вельц, отмечая первоначальное единство чешского движения, говорит [2]): «Это единство продолжалось до приезда депутата г. Дюриха в Россию. С его приездом начинается какой-то разлад... Появляется недопустимое, с нашей точки зрения, стремление разъединить наши общества на два лагеря: восточный и западный. Эта попытка не встретила поддержки в широких кругах чешско-словацкого общества, но, напротив, проект Дюриха отозвался... как удар, и все осведомленные лица осудили г. Дюриха — виновника или, по крайней мере, пособника этого разлада».

Председатель правления Союза чехо-словацких обществ Вондрак в своем письме к Базили жалуется на создавшееся положение [3]). Останавливаясь на «недоразумениях», возникших между Дюрихом и другим представителем парижского Чехо-Словацкого Национального Совета М. Штефаником, Вондрак указывает на то, что, быть может, окажется нужным «самым серьезным образом» пересмотреть вопрос о кандидатуре

[1]) Письмо Дедины Покровскому от 7/II 1917 г.

[2]) Записка была подана Вельцем в связи с неприбытием его на созванное на 13/II 1917 г. министром иностранных дел совещание чешских общественных деятелей.

[3]) Письмо Вондрака к Базили от 7/II 1917 г.

Дюриха. «Но главная суть, — замечает он при этом, — не в самом депутате, а в окружающих его лицах. Надо отдать справедливость деп. Дюриху, что он обладает редким искусством окружать себя такими лицами, которые, за малым исключением, вызывают единодушное возмущение всего чешско-словацкого общества». Как имена, «абсолютно неприемлемые», Вондрак называет Стерна, Штафля, Коутняка и В. Штепанека. Параграф о единоличном назначении Дюрихом 6 членов Совета, по мнению Вондрака, «возбуждает недоверие и враждебное отношение». Положение о назначении председателя правительством «сразу вводит несколько полицейский тон и дискредитирует правительство». Основною причиною всех неурядиц,— по мнению автора письма,— является «игнорирование принципа единой организации», «вставление палок в колеса Союзу», поощрение клеветнических выступлений. «Можно ли удивляться, — пишет он, — что при таком отношении со стороны власти клеветников и доносчиков появился целый легион и что, вместо организованной, планомерной деятельности, водворилась настоящая анархия? Можно ли обвинять чешско-словацкий народ в отсутствии единомыслия, если раскол систематически поощряется сверху?.. Дюриху указывали на то, что, дескать, надо считаться с представителями общественности, с Союзом, а Союзу заявляли, что единственным представителем чешского народа считают Дюриха. Мудрено ли, что при такой системе ни один из проектов наших не подвинулся ни на шаг и военнопленные наши дошли до последних пределов отчаяния». Отмечая «небрежность» и «недоброжелательство», проявляемое к военнопленным славянам со стороны правительства, Вондрак восклицает: «Зачем, кому нужно было это мучительство наших пленных, гекатомбы их в лагерях Туркестана и Мурмана, кто заинтересован в превращении преданнейших друзей России, идущих радостно вторично на смерть, в людей разочарованных, изверившихся?..» «Скоро середина февраля, через месяц уже снова будет поздно приступать к набору войска, ибо все будут на полевых работах, между тем организация войска до сих пор не осуществлена. Ведь, это же — ясное доказательство, что чехам оказывают постоянное и непреодолимое противодействие, совершенно очевидна непонятная глухая враждебность». Вспоминая о проделанной Союзом работе, Вондрак пишет: «Совершенно отказываешься понимать, какими соображениями руководилось русское правительство, отталкивая и оскорбляя Союз, выдумывая всевозможные суррогаты, которые якобы гарантировали лойяльность чешско-словацкой организации. Разве же это не безумие?..» « Вы интересовались, глубокоуважаемый Николай Александрович, — заканчивает свое письмо Вондрак, — личным моим взглядом на лучший исход дела». Исход же он намечает такой: «Дать отпуск депутату Дюриху и дать ему возможность поправить свое здоровье в Крыму... А затем самый проект дать куда-нибудь для основательного, этак года на полтора, пересмотра...»

Составленная в министерстве иностранных дел по данному вопросу «справка» [1]) останавливается еще на одном моменте из практики Дюриха,—моменте, который являлся особенно удобной мишенью для обстрела его противниками:

---

[1]) От 24/II 1917 г.; составитель справки не указан; на полях — помета: «Весьма секретно».

«Некоторые чехо-словацкие организации обвиняют Дюриха в том, что он, согласившись принять от русского правительства субсидию, вследствие этого лишился своей политической независимости и потерял авторитет в глазах чехо-словаков, проживающих в России. Это утверждение является совершенно необоснованным. Во-первых, вовсе не доказан факт утраты Дюрихом своего авторитета, вообще, и, в частности, вследствие получения им нашей субсидии. Во-вторых, история получения им последней указывает как раз на противоположное — именно, что, благодаря ей, он получил возможность остаться вне подчинения какой-либо из чешско-словацких партий, имеющихся в России, и таким образом сохранить свою политическую независимость. Когда он прибыл к нам, он оказался в весьма тяжелом положении, без всяких средств существования, так как австрийское правительство конфисковало все его имущество. Узнав об этом, две главнейшие, враждующие между собою чешские партии предлагали ему — одна — ежемесячную субсидию, а другая — единовременное пособие (в 100 000 руб.), но, взамен денежной помощи, требовали от него безусловного и полного подчинения выдающей субсидию партии. Не желая становиться в такую зависимость от партий, Дюрих отказался от этих предложений. Вследствие этого для русского правительства являлось уже прямой обязанностью притти ему на помощь и небольшой субсидией (1 000 руб. в месяц) на его личные расходы и издержки по содержанию его временной канцелярии, нисколько его не связывая морально, дать ему возможность сохранить независимость от партий, необходимую ему как человеку, призванному стать во главе всего чешско-словацкого дела. В выдаваемой ему субсидии следует видеть только временную помощь с нашей стороны чешскому делу в теперешней стадии его образования. Когда же оно окончательно наладится, что должно произойти скоро, эта субсидия может быть прекращена и заменена денежной помощью со стороны самих чехов, добровольные пожертвования коих предусмотрены уставом Совета. Следует заметить, что Дюрихом уже получено предложение от Чешского Национального Союза в Чикаго и других чешских организаций в Америке поддержать денежно чешскую центральную организацию в России и самого Дюриха как ее председателя».

Письмом от 23/I 1917 г. товарищ председателя Петроградского чешского вспомогательного общества Клецанда ставил в известность Нератова о том, что общество не считает более возможным продолжать переговоры с Дюрихом. Основанием для такого разрыва являлось, по словам Клецанды, сознательно допущенное Дюрихом искажение сообщенной ему Клецандой беседы последнего с Нератовым. Беседа касалась вопроса компетенции Дюриха и его взаимоотношений с парижским Чехо-Словацким Национальным Советом. Последний момент — отношение Дюриха к парижскому центру доставлял депутату особенно много неприятных хлопот и являлся самым уязвимым местом в его принципиальной позиции. Когда, во время упомянутой беседы Клецанды с Нератовым, последний сказал, что министерство иностранных дел по политическим вопросам «будет говорить только с Дюрихом как с «представителем, присланным чешским народом», на вопрос Клецанды, как следует понимать слова «присланный народом», Нератов пояснил, что слова эти он понимает в смысле «присланный Чешско-Словацким Национальным Советом в Париже».

Таким образом авторитет парижского центра учитывался министерством, и официально как бы признавалось существование связи с этим центром прибывшего в Россию товарища председателя его. Между тем, именно

с этой стороны назревала крупнейшая неприятность. В письме Геровского от 14/I 1917 г. читаем [1]):

«Многоуважаемый Михаил Григорьевич.

Масарик прислал в правление Союза (секретарю правления Вольфу) телеграмму о том, что Дюрих, как товарищ председателя парижской «Народной Рады», не имеет права основывать Народные Советы в России, что он может открыть только филиальное отделение парижской Народной Рады. Кроме того в той же телеграмме Масарик высказывается против назначения членов Народного Совета Дюрихом. Все члены должны быть избраны чешско-словацкими организациями. Находящиеся в Киеве члены правления Союза отнеслись отрицательно к этой телеграмме и держат ее пока в секрете. Масарик, таким образом, вмешивается во внутренние русские дела и противодействует начинаниям русского правительства. Этому должен быть дан в самом начале самый решительный отпор. Необходимо, чтобы Дюрих немедленно выбыл из состава парижской Народной Рады. Затем было бы весьма целесообразно послать к Масарику Швиговского (но не Пучалку), который бы изложил Масарику положение вещей и предъявил бы ему категорическое требование со стороны чехов, находящихся в России, не вмешиваться во внутренние дела чешской организации в России. Желательно, чтобы деятельность Народного Совета в России была бы согласована с деятельностью парижской Народной Рады, но Чешский Народный Совет ни в коем случае не может быть подчинен парижской «Раде», иначе не стоило город [2]) городить. Народный Совет должен быть равноправный с Радой, и поэтому Дюрих не может быть товарищем председателя в «Раде»...»

Не следует забывать о том, что парижский Чехо-Словацкий Национальный Совет, кроме позабывшего о нем тов. председателя, имел в России еще одного представителя, пребывавшего притом в таком своеобразном по скрещивавшимся в нем влияниям пункте, каким была ставка.

В средине января 1917 г. М. Штефаник едет в Петроград, согласовав, повидимому, цели своей поездки с ген. Алексеевым. Столкнувшись с обстоятельствами, препятствовавшими полному осуществлению его плана, он в своем письме к Алексееву от 17/I 1917 г. намечает компромиссный выход из положения:

«Ваше высокопревосходительство.

Я приехал в Петроград с ген. Жанэном и старался с первого момента составить комитет в смысле поручения вашего высокопревосходительства. Здесь я узнал, что по инициативе министерства иностранных дел создается комитет с аналогичной целью. Во главе этого комитета должен стоять г. Дюрих и членами его имеют быть лица, насколько мне известно, не дающие ни нравственных, ни умственных гарантий. Это — маневр, о котором я доложу вашему высокопревосходительству лично. Я глубоко убежден, что комитет этот при предполагаемом составе никогда не будет в состоянии вести плодотворную работу, — напротив, он явится началом новой отчаянной ссоры среди чехо-словаков в России. С другой стороны, мне казалось бы не опортунным [2]) создавать по инициативе ставки верховного главнокомандующего новый комитет

---

[1]) Экземпляр письма сохранился в поврежденном виде, подпись на нем отсутствует. Письмо послано из Киева; на полях помета карандашом: «Геровский».

[2]) Так в подлиннике.

в оппозицию комитету, проектированному министерством иностранных дел. Тщательно все обдумав, имею честь предложить вашему высокопревосходительству формулированное и при сем прилагаемое решение.

Суть моего предложения в следующем: 1) создание только совещательного и вспомогательного органа, составленного из элементов, пользующихся доверием чешско-словацкого народа и предоставляющих русскому императорскому правительству своей прежней деятельностью гарантии как элемент надежный; 2) точное определение практической программы, а именно: набор и организация чешско-словацких военнопленных для военных надобностей, причем политическая компетенция исключена. Эта программа достаточно велика и полезна, чтобы предоставить для всех людей доброй воли довольно широкое поприще и чтобы устранить и разбрасывание энергии и напрасную политическую болтовню. Эта программа наскоро набросана, ибо я только что узнал, что г. министр Покровский завтра будет иметь по этому делу решающий разговор...»

В дальнейшем однако Штефаник решает перейти в открытое наступление на противника. Из письма М. Штефаника к Н. Н. Покровскому от 27/I 1917 г. мы узнаем:

«Тщательно и добросовестно все обдумав и убедившись, что деятельность г-на Осипа Дюриха в последних месяцах пагубно влияет на наше национальное дело и что удаление его с политической арены должно состояться безотлагательно, я, наконец, решил более энергично выступить против него, намереваясь борьбу эту вести в рамках приличия и строгой необходимости. В разговоре с вашим высокопревосходительством 25/I с. г. я был вынужден занять эту решительную точку зрения, о чем лойяльно сообщил немедленно же г-ну Дюриху».

Штефаник передает далее свой последний разговор с Дюрихом, во время которого он пытался уговорить его прекратить «публичные выступления» и уехать на юг для поправления здоровья. Из последующих строк того же письма мы узнаем, что беседа приняла крайне обостренный характер и оборвалась на выражениях крайней резкости. В письме того же Штефаника к Дюриху от 26/I значится:

«Считаю своим долгом немедленно вас известить, что во вчерашней беседе с представителем русского правительства я чувствовал себя вынужденным выступить против вас, отрицая за вами нравственное право занимать положение вождя, которое вы до сих пор занимали в чешско-словацком обществе в Россия, как товарищ председателя Чешско-Словацкого Национального Совета».

Наконец, 9 февраля 1917 г. Штефаник посылает на имя Покровского официальное извещение о том, что депутат Дюрих единогласно исключен из состава членов Национального Совета, и тогда же препровождает в министерство записку, заключающую в себе своего рода обвинительный акт против Дюриха. Ограничимся приведением лишь основных положений этой пространной записки и процитируем из нее лишь наиболее характерные места [1]).

В разделе I этой записки Штефаник начинает с напоминания о том, что Дюрих после своего приезда в Россию представился царю и чешско-словацкому обществу как

[1]) Записка не датирована; на полях приписка: «Было прочтено г. министром на совещании 10/II 1917 г.».

единственный народом посланный представитель, получивший для своей деятельности в России carte blanche. «Это не верно! — восклицает Штефаник. — Каково было положение г. Дюриха до отъезда за границу? Г-н Дюрих в качестве члена партии аграриев играл посредственную роль не только в чешской политической жизни, но и в своей партии. После объявления войны г. Дюрих стоял совершенно в стороне от всякого национального освободительного движения; не только что не был одним из инициаторов Национального Комитета... но даже не был его членом, никогда на совещаниях не участвовал, не знал, кто члены Комитета, не был осведомлен о его совещаниях и его постановлениях». «Почему и как был послан г. Дюрих за границу?» — спрашивает Штефаник. После того как Масарик обратился к Национальному Комитету с просьбой о присылке людей и когда Комитету было трудно послать выдающихся деятелей, «именно, благодаря выдающемуся положению, которое они занимали», было решено «предварительно послать человека, отъезд которого не встретил бы препятствий со стороны австрийских властей. Выбор пал на депутата Дюриха, пожилой возраст и политическая безобидность которого не обращали на него внимания полиции и который, кроме того, благодаря своему знанию русского и французского языков, мог быть в данных обстоятельствах полезным...» На вопрос о том, каковы же действительные полномочия Дюриха, Штефаник отвечает: «Полномочия г. Дюриха основываются только на поручении Чешско-Словацкого Национального Комитета на родине, вещественным доказательством чего является письмо секретаря Комитета д-ра Бенеша... Никогда г-н Дюрих особенного поручения не получал, никогда не был назван единственным представителем народа для чужих стран, вообще, и для России, в частности...» После учреждения Чехо-Словацкого Национального Совета, т. е. начиная с осени 1915 г., «полномочия, первоначально личного характера [были] перенесены и расширены на организацию, на Чешско-Словацкий Национальный Совет, и с тех пор Дюрих, равно как и остальные члены, могут ссылаться на формальные полномочия лишь до тех пор, пока они состоят членами этого учреждения». По поводу демонстративных заявлений Дюриха о полной независимости его в политических выступлениях Штефаник замечает: «Бесконтрольная, бессрочная carte blanche отдельным лицам — это политический nonsens... В припадке мании величия он [Дюрих] пошел так далеко, что после чешско-словацкого собрания 14/VIII 1916 г. в Киеве он начал грезить о своей диктатуре вроде Кромвеля или Наполеона...»

Раздел II рассматриваемой записки посвящен «финансовым комбинациям г. Дюриха»: «они были такого рода, что не только могли вредить, но и действительно вредили нашему национальному делу». Оказывается, Дюрих при отъезде взял с собой из национальных денег 30 000 крон, заручившись обещанием Масарика о присылке ему в Россию дополнительно 12 000 франков. Масарик обратил тогда же внимание его на необходимость экономного расходования средств. «Дело в том, — пишет Штефаник, — что нас поражало, что г. Дюрих израсходовал столь громадные суммы раньше, чем приступил к действительной политической деятельности, как в этом он сам сознался». Когда Дюрих приехал в Россию, ему, по словам Штефаника, была предложена богатыми чехословацкими деятелями ссуда без обязательств — с уплатою по мере возможности; также и Союз чехо-словацких обществ обещал ему материальную помощь. Однако этим

он не воспользовался, но принимал тайно, под видом займа, деньги от лиц, не имевших отношения к чехо-словацкому национальному движению. Он скрывал эти сделки от членов Чехо-Словацкого Национального Совета, но образ жизни его говорил о его материальной обеспеченности. Штефаник имел по этому поводу специальный разговор с ним (в сентябре 1916 г.); Дюрих со слезами на глазах обещал воздерживаться от такого рода кредита, но скоро (в ноябре 1916 г.) снова обратился к своим частным покровителям; когда же здесь источник иссяк, «стал ходатайствовать перед русским правительством посредством частных лиц» о субсидии. «Эти финансовые сделки вызвали всеобщее негодование и единогласное осуждение в чешско-словацком обществе».

В разделе III записки речь идет о «политической неспособности г-на Дюриха»: «тем фактом, что г-н Дюрих без ведома чешско-словацкого общества хлопотал о правительственной субсидии он нарушил национальную организационную дисциплину, потому что как здесь, так и на родине, все мы стояли на той точке зрения, что ни организация, ни отдельные лица не должны просить ни открыто, ни тайно никаких субсидий ни от одной из союзных держав...» Штефаник перечисляет далее ряд фактов, характеризующих Дюриха как человека, не останавливающегося перед ложью и клеветою, как интригана, политического Хлестакова и, вместе с тем, как человека, страдающего отсутствием элементарной политической грамотности [1]). «В политическую способность г-на Дюриха не верит никто из знающих его, кроме трех-четырех лиц, от него зависящих». Наконец, в заключительной части записки читаем: «Мне неизвестен ни один имеющий значение шаг заграничной деятельности г-на Дюриха, могущий быть зачисленным в актив. Напротив, мы знаем его систематическую нелойяльность, его легкомысленность в денежных делах, его неосторожность в политических действиях, вследствие чего он потерял доверие всех осведомленных честных людей. Следовательно, г-н Дюрих теряет моральное право занимать положение вождя, случайно им приобретенное, а Чешско-Словацкий Национальный Совет теперь и формально отказывается от него и не считает его больше своим товарищем председателя и членом... Пусть г-н Дюрих удалится... Уход Дюриха успокоит взволнованное море чешско-словацкого общества...»

Выступление М. Штефаника не было только выступлением хорошо осведомленного чешского общественного деятеля. Это было выступление члена Чехо-Словацкого Национального Совета, а вместе с тем и офицера французской армии, действовавшего в согласии с начальником штаба верховного главнокомандующего и поддерживаемого авторитетом французского командования. О тех силах, какие поддерживали Штефаника в его борьбе с Дюрихом и против которых оказывался бессильным не только Дюрих, но и само российское министерство иностранных дел, свидетельствует полученное Базили

[1]) Штефаник приводит следующие слова Дюриха, сказанные им в одной частной беседе, когда речь зашла о Масарике: «Вообще, какой там Масарик политик, он ведь профессор. Когда я ему в Лондоне сказал, что он должен вести в Англии англофильскую политику, а я в России руссофильскую, Масарик ответил, что так нельзя, что мы должны открыто и искренно отстаивать свою единственную национальную программу. Разве это политика?»

от ген. Жанэна письмо, посвященное трениям, возникшим между Штефаником и Дюрихом [1]). В письме передавалось сообщение, полученное из Франции, которое гласило:

«Имеются все основания полагать, что в тех разногласиях, которые в настоящее время возникли между чешскими деятелями, Штефаник оказывается безусловно прав. Мне неизвестны еще решения, которые будут приняты у нас в связи с исключением Дюриха из состава Чешско-Словацкого Национального Совета, но на основании выяснившихся уже мнений можно a priori сказать, что точка зрения Штефаника получит общее признание. Дополнительно указывают на то, что Стерн, миссия которого лишена какого-либо официального характера, едет в Париж из материальных, карьерных соображений. Он будет кредитором Дюриха.

Еще раньше полуофициально мне дали понять, что необходимо быть в отношении Стерна осторожным и бдительным, и я поставил об этом в известность его высокопревосходительство ген. Алексеева, который, с своей стороны, сообщил мне, что Стерн поставлен под наблюдение русской полиции.

Качества, проявленные Штефаником как в мирной обстановке, так и на полях сражений, его преданность национальному идеалу, сочетающаяся с лойяльным отношением к интересам союзников и возвышенным пониманием их, самоотверженность, с которою, несмотря на свое расшатанное здоровье, он отдает все свои силы национальному делу, высоко ценятся во Франции».

Интересным представляется то обстоятельство, что поставленное перед фактом провала Дюриха, а следовательно, и провала всей политики министерства иностранных дел в чешском вопросе, русское верховное командование приходит к мысли о собственном вмешательстве в разрешение чехо-словацкого вопроса, пытаясь достигнуть компромисса между линией Чехо-Словацкого Национального Совета и министерскою практикою. Проект, намечавшийся ставкою, сводился к следующим положениям [2]):

1. Алексеевым... «будет назначена комиссия контроля и пропаганды, имеющая задачею: а) следить за тем, чтобы Чешский Комитет под председательством Дюриха исполнял свои обязанности в духе национальных требований и в соответствии с указаниями, преподанными ставкой; б) внушить чехо-словакам путем соответственной пропаганды доверие к деятельности вышеуказанного Комитета ввиду того, что Дюрих исключен из Национального Комитета чешских земель. 2. В состав этой комиссии войдут чехо-словаки, упомянутые ниже (список уже представлен ген.-адъютанту Алексееву). 3. Комиссия будет зависеть непосредственно от начальника штаба верховного главнокомандующего, которого она постоянно будет держать в курсе всех вопросов, касающихся чешской армии и достигнутых результатов. Комиссия не будет иметь права принимать какие бы то ни было коллективные меры без уведомления о том начальника штаба верховного главнокомандующего. 4. Комиссия будет иметь право присутствовать на всех заседаниях состоящего под председательством Дюриха Комитета, принимать к сведению все принятые им постановления или мероприятия, а также получать уведомление о всех сведениях, коими будет располагать Комитет, относительно вопросов военного характера, касающихся чехо-словаков».

---

[1]) Письмо ген. Жанэна на имя Базили от 8 (21)/II 1917 г.

[2]) См. отношение штаб-офицера для поручений при управлении ген.-квартирмейстера при верховном главнокомандующем на имя ген.-квартирмейстера от 22/II 1917 г., № 136.

Сделанною рукой ген. Алексеева припискою на тексте проекта дополнительно разъяснялось: «23/II 1917 г. Прежде всего должен быть утвержден проект формирования войск. Будет Народный Совет и исполнительная комиссия. Первый — исключительно из чехов и словаков. Второй — исключительно из русских, под председательством ген. Червинки. Желательно иметь свой наблюдательный глаз в Совете. Нужно снестись по этому поводу с м. и. д. и командировать наших двух представителей. Думаю, что это будет встречено сочувственно и всеми членами Совета» [1]).

В двадцатых числах февраля мы присутствуем уже при ярко выраженном процессе ликвидации Дюриха. Работа по составлению Дюрихом списка членов Чехо-Словацкого Народного Совета, правда, еще продолжается, и на основании § 5 устава он назначает С. Коничека на должность секретаря Совета и Ф. Краля на должность казначея [2]). Но эта работа шла уже исключительно по инерции. Дюрих не мог не видеть, что почва колеблется у него под ногами, министерство не могло долее упорствовать в своей «восточной» ориентации. Тогда Дюрих приглашает Масарика телеграммой приехать в Петроград, чтобы информировать его о положении, создавшемся в России, и «выработать общий план действий», и тогда же министерство иностранных дел, пересылая телеграмму Дюриха поверенному в делах в Лондоне, сообщает, что препятствий к приезду Масарика в Россию «ныне не встречается» [3]).

Трудно сказать, в какие формы вылилась бы перестройка политики царского министерства в чешском вопросе, несомненно одно, что процесс этот был ускорен подоспевшей революцией и что славянофильские тенденции в чешской политике русской дипломатии в эпоху Временного Правительства должны были скорейшим образом уступить место «западническим».

В Архиве Революции и Внешней Политики сохранился отпуск посланного Дюрихом 4/III 1917 г. в редакцию газеты «Чехо-Словак» извещения, в котором все члены Чешско-Словацкого Народного Совета приглашались немедленно приехать в Петроград для открытия занятий Совета. Извещение это не увидело света. Сделанная от руки приписка на отпуске гласит: «Г. Дюриху передано распоряжение министра иностранных дел приостановить деятельность и созыв Совета. 11 марта 1917 г.»

В течение всего марта 1917 г. в министерство иностранных дел поступают резолюции, принимаемые на митингах чешских военнопленных, направленные против Дюриха и его Совета и в качестве анти-Дюриха призывающие имя Масарика и париж-

[1]) В особом приложении к проекту намечался список предполагаемых членов комиссии; среди них находим: 1) Ф. Блага (военнопленный, офицер, в распоряжении ген. Червинки), 2) В. Гурбан (педагог), 3) Ю. Клецанда, 4) Ф. Писецкий (военнопленный, офицер в сербском отряде), 5) В. Халупа (судья, военнопленный, офицер), 6) Я. Шпачек (член Чешского Национального Совета в Праге), 7) Я. Янчек (военнопленный, офицер).

[2]) В список членов Чешско-Словацкого Народного Совета, составленный Дюрихом на основании § 5 устава и датированный 3/III 1917 г., включены: Клецанда, Коничек С., Краль Ф., Червинка Я., Швиговский В., Шмит Ол., Грегор-Таевский И., Ждярский К., Макса П., Миллер, Орсаг И., Шнепп Ф.

[3]) Телеграммы Покровского на имя Набокова и Извольского от 22/II 1917 г.

ского Чешско-Словацкого Национального Совета [1]). В конце марта происходит формальный обмен мнений между министерствами по вопросу о закрытии Народного Совета.

В отпуске отношения Милюкова министру внутренних дел кн. Львову от 22/III 1917 г. за № 318 читаем:

«Признавая ныне существование этого Совета нежелательным, я считаю необходимым прекратить его деятельность и устав его отменить. Так как согласно § 17 устава, Совет может быть во всякое время закрыт министерством внутренних дел по соглашению с министерствами иностранных дел и военным, имею честь покорнейше просить вас, не признаете ли возможным, по соглашению с военным министром, сделать соответствующее распоряжение».

Ответ, полученный в министерстве иностранных дел от военного министра, гласил [2]):

«Признавая необходимость создания в России такого центрального органа, который объединил бы в себе интересы всех находящихся у нас чехов и словаков и который являлся бы представителем последних по касающимся их вопросам, я вместе с тем нахожу, что таковым органом «Чешско-Словацкий Народный Совет в России», ввиду определенно выражаемых против его деятельности со стороны чешско-словацких обществ протестов, служить не может, почему к закрытию его с моей стороны препятствия не встречается».

Официальное закрытие Народного Совета последовало только в апреле [3]), о чем и было тогда же объявлено Дюриху.

Последний делает еще одну попытку — выступить на происходящем в конце апреля в Киеве чехо-словацком съезде. На съезд Дюриху однако проникнуть не удалось, мало того — ему едва удалось избежать самочинного ареста солдатами чешской бригады. Ему не оставалось более ничего, как оплакать свою судьбу в докладной записке, которую он представил 2/V 1917 г., и в заключение вылить оставшиеся в его распоряжении запасы грязи на головы своих политических соперников.

Штефаник и Бенеш, по его определению, — не более, как «самозванцы» «мнимого» «Народного Совета в Париже»; Павлу, Макса, Клеканда, Орсаг и Гурбан — «австрофилы», Чермак — «подозрителен»; но больше всего, разумеется, досталось Масарику: «он..., который более года принимал от английского правительства и до сих пор принимает субсидию, — писал Дюрих, — упрекал меня в финансовой зависимости от русского правительства, хотя я отказался от нее, коль скоро сделалось [4]) на меня первое

---

[1]) Одна из этих резолюций звучит особенно решительно: «Мы признаем, — значится в ней, — проф. Масарика временным диктатором самостоятельного государства Чехии и Словачины, а председательствуемый им Чешско-Словацкий Совет в Париже признаем временным правительством, которому приносим присягу на верную службу... Да здравствует независимая Чехия и Словачина, да здравствует ее диктатор, проф. Т. Г. Масарик...» (см. «Новое время» от 14/III 1917 г., № 14726).

[2]) Отношение военного министерства в министерство иностранных дел от 26/III 1917 г., № 4509.

[3]) Отношение министерства внутренних дел в особый политический отдел от 13/IV 1917 г., № 8148.

[4]) Так в подлиннике.

давление со стороны министерства иностранных дел...» Проставляя на записке свою подпись, Дюрих не отказывался от своего гордого звания «представителя чешского народа в России», но российское министерство иностранных дел решило с этим более не считаться.

Даже старые чиновники министерства, непосредственно замешанные в деле выдвижения Дюриха, в своих объяснениях перед новым начальством пытаются перекинуть мост от Дюриха к Масарику.

«Однако, — писал автор составленной в особом политическом отделе записки, переданной 7/III 1917 г. Милюкову, — имея в виду достижение наибольшего в пределах возможности соответствия деятельности сего Совета с пожеланиями самих чехов и словаков, министерство иностранных дел сочло целесообразным предложить Дюриху сообщить устав Совета на обсуждение ближайшего очередного съезда чешско-словацких обществ в России. Вместе с тем, министерство иностранных дел задалось целью привлечь к обсуждению устава Совета и, вообще, чешско-словацкого дела также и наиболее видных заграничных выразителей чешской политической мысли. Прежде всего внимание министерства остановилось на другом из двух чешских депутатов, выехавших из Австрии... проф. Масарике».

Новый глава российского дипломатического ведомства оказывается в чехо-словацком вопросе определенно выраженным масариковцем. На приветственную телеграмму Масарика, заявляющего, что Чехия должна быть освобождена освобожденной Россией, чехо-словацкий же вопрос должен получить окончательное разрешение из рук Антанты в целом, Милюков отвечает полной солидаризацией с высказанными взглядами [1]) и через поверенного в делах в Лондоне приглашает Масарика приехать в Россию [2]).

Чины военного ведомства, в меньшей степени, чем чины дипломатические, замешанные в авантюре с Дюрихом, спешат также поспеть за событиями. Возбуждаемое Вондраком ходатайство о разрешении Союзу чехо-словацких обществ размещать военнопленных чехов и словаков на заводах и принимать добровольцев встречает с его стороны самый сочувственный отклик.

Препровождая ходатайство Вондрака в министерство иностранных дел на рассмотрение, начальник управления генерального штаба поддерживал его следующими соображениями: «Министерство иностранных дел, считая Масарика представителем левых политических тенденций, такое направление деятельности «союза чешско-словацких обществ в России» признало нежелательным, почему и поставило своею целью руководство чешско-словацкими организациями вручить лицу совсем иного политического течения, деятельность же «Союза» приостановить совершенно... Согласно проекту устава [«Чешско-Словацкого Народного Совета»] вновь создаваемая центральная чешская организация в России должна была являться всецело подчиненной политическим видам и задачам прежнего правительства...» «Ввиду того, что... телеграмма Вондрака является естествен-

[1]) См. газету «Речь» от 23/III 1917 г. Телеграмма Масарика Милюкову и Милюкова Масарику.

[2]) Телеграммы Милюкова на имя Набокова и Масарика от 17/III 1917 г.

ным следствием обновления всего государственного строя нашего общества», представитель генерального штаба считал возможным ходатайство удовлетворить [1]).

Со стороны нового министра иностранных дел, разумеется, препятствий к удовлетворению ходатайства Союза быть не могло: «При этом желательно, — писал Милюков в своем письме к Гучкову от 14/III 1917 г., — чтобы вербовка производилась среди приверженцев всех влиятельных политических партий в Чехии и Словачине и главным образом среди приверженцев партий: реалистов, младочехов и народных социалистов, руководимых Масариком, Крамаржем и Клофачем... Что же касается вопроса о центральном органе, объединяющем правительство чехов и словаков в России, то вопрос этот желательно пока оставить открытым впредь до приезда в Россию проф. Масарика...»

Масарик приехал в Петроград в первых числах мая 1917 г. Уже в своих первых телеграммах он обнаружил себя другом русской революции. Правда, эти дружеские чувства Масарика не могли быть безусловными: он — решительный противник лозунга «мир без аннексий» [2]), он — решительный сторонник июньского наступления [3]).

Приезд Масарика в Россию не мог иметь теперь того решающего значения, какой ему придавался раньше. Политика царского правительства в чехо-словацком вопросе, вылившаяся в форму авантюры с Дюрихом, обнаружила, как мы видели, свое банкротство еще до революции. Февральская революция сняла с очереди один из видов спекуляции чешским национальным вопросом, тот вид, который культивировался царизмом. Занятие чехо-словацким вопросом входит с этих пор в безраздельную компетенцию англо-французских империалистов. Дипломатия Временного Правительства продолжает еще уделять этому вопросу некоторое внимание, подвергая рассмотрению разработанный Чехо-Словацким Национальным Советом план организации «отдельного чешско-словацкого корпуса».

В сентябре 1917 г. Масарик настаивал на спешном отправлении чешских военных формирований во Францию, где подготовлялось создание чехо-словацкой армии под командованием ген. Жанэна [4]).

Октябрьская революция затормозила, как известно, эту отправку. Но та роль, какую сыграли эти военные формирования в последовавшую за Октябрем эпоху гражданской войны, ясно указывала, в какую фазу вступил теперь чехо-словацкий вопрос, в чьих твердых руках находилось теперь его разрешение.

А. Попов.

---

[1]) Письмо ген. Аверьянова на имя Милюкова от 8/III 1917 г. № 83.

[2]) См. «Вечернее время» от 11/V 1917 г.

[3]) См. «Новое время» от 26/VI 1917 г.

[4]) Декрет о создании чехо-словацкой армии был опубликован 16/XII 1917 г. н. ст. в «Journal Officiel». См. «Le Monde slave» № 2, Février 1928. «La deuxième anniversaire de la création de l'armée Tschécoslovaque en France».

Восстание 1916 г. в Средней Азии.

И дневник Куропаткина, и рапорт его же на имя царя о восстании 1916 г. в Средней Азии и его ликвидации, печатаемые ниже, представляют собой первую историческую версию этого важного момента в истории революции в Средней Азии, — версию официальную, написанную под углом зрения интересов российского самодержавия. Вследствие этого, публикуемые документы ценны не только тем, что они содержат значительное количество фактов, еще неизвестных в печати, но также и потому, что, будучи официальной версией, они вскрывают направление колониальной политики царизма в Средней Азии.

К восстанию привели противоречия, вытекавшие из самого факта российского господства в Средней Азии, и это было настолько очевидно, что даже Куропаткин, в объяснении причин восстания, вынужден был исходить из этих противоречий.

На первом плане здесь мы находим чрезвычайно нелестные отзывы об аппарате власти. «Правитель канцелярии Ефремов... очень подозрителен и, кажется, нечисто ведет дела». «Полицеймейстер Игнациус — мошенник». «Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале». «Исполнители... сделали наряд рабочих источником наживы...» В результате, во время поездки Куропаткина по краю, поступают бесчисленные жалобы на взяточничество. «...Два пристава в Аулиотинском уезде мошенничают». «Киргизы недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей и своим народным судов биев...» «В Коканде старики плакали,— говорили...,что их грабят их же туземные власти. Нельзя жить. Просят защиты». Словом, сверху донизу, от правителя канцелярии генерал-губернатора до туземной администрации, живой человеческий материал, составлявший аппарат власти, — мошенники и хищники даже в глазах Куропаткина. И народ на это хищничество подает массовые жалобы. Хищничество администрации — одна из основных предпосылок восстания. Такой и никакой другой вывод вытекает из фактов, приводимых самим Куропаткиным, хотя сформулирован он и не совсем ясно. Устранение этого хищнического государственного аппарата — очередная задача, вот каков должен бы быть следующий вывод, если рассуждать логически. Но ведь у Куропаткина было большое «но»: — он был генерал-губернатор, сохранение системы русского господства в Средней Азии для него разумелось само собою. Поэтому в вопросе об аппарате существует и другое звено: «Русская администрация малочисленна и часто не на высоте своей роли...» «В общем, чины администрации оказались не осведомлены о том, как отнесется население к призыву рабочих...» Туземная администрация слишком много

«забрала в свои руки». Для Куропаткина дело не в устранении аппарата, не в ликвидации одного из основных противоречий, а в увеличении численности администраторов и в улучшении их полицейской работы. И проект нового положения об управлении краем, который был выводом из всех этих характеристик, говорит об «усилении краевой власти», «усилении власти начальств областного и уездного» и т. д. Противоречие было до восстания, противоречие остается и после него, только узел затягивается еще крепче. Когда на сцену выступает логика классовых интересов, тогда обыкновенная человеческая логика бессильна.

За вопросом об аппарате, — так сказать, за анализом причин политических, — следует анализ причин экономических. Куропаткин характеризует экономическое положение туземного населения по районам. Картина получается не менее, если не более, безотрадная.

Вот хлопковый район в том его виде, как он представляется Куропаткину. «За последнее время, с ростом богатства отдельных лиц, есть признаки, что масса не богатеет» (подчеркнуто автором). «У хлопковых королей роскошные дворцы», в то время, как на другом полюсе «за долги у туземцев продавалось во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь». Этих случаев продажи, как оказывается, было так много, что «только в Ферганской области, по сведениям судебного ведомства, за 1914 и 1915 гг. предъявлено было ко взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 млн. рублей». Так интенсивен был процесс обезземеливания дехканских масс. И это было не только в Фергане. «Старые друзья-туркмены», у которых хлопководство было развито значительно слабее, обнаруживали также, что процесс дифференциации и здесь развивался чрезвычайно интенсивно. «Мервские туркмены очень разбогатели, но, тоже, одни пошли слишком вверх, а другие остались бедняками...»

Быстрый процесс пожирания хозяйства мелкого производителя дехканина ростовщиком и скупщиком — вот основная экономическая подоплека дехканского восстания в районах хлопководства. Она вскрывается Куропаткиным достаточно ярко. Нам остается только напомнить читателю почему-то совершенно забытое в документах обстоятельство, что 1915 и 1916 гг. были также годами нормировочных цен, что эти цены до последней меры переполнили чашу. Дехканину ничего больше не оставалось, как бунтовать.

Поняв причину, Куропаткин дает свое указание на выход из противоречия: «Надо много поработать, чтобы... уберечь мелкое землевладение...» «Быстрый рост учреждений мелкого кредита позволяет надеяться, что этот вредный в государственном отношении процесс обращения в пролетариев еще недавно спокойной и работящей части населения приостановится». Но смешно читать эти наивные указания на существующую для утешения утопающего соломинку. Само российское господство, для сохранения которого была «вредна» эта угрожающая пролетаризация, для того собственно и существовало, чтоб эксплоатировать, хищнически пожирать, пролетаризировать... Угроза господству была результатом этого господства. Куропаткин оказывался в незавидном положении человека, желавшего уничтожить следствие с целью сохранить его причину. Ссылка же на «рост учреждений мелкого кредита» как на выход из противоречия делает положение Куропаткина еще более забавным. Попытка широко развернуть сеть крупных

учреждений с целью оградить хлопкороба от быстрого разорения уже успела потерпеть свое крушение задолго до приезда Куропаткина — и именно потому, что она вступила в противоречие с развитием и ростом ростовщических операций: само правительство, защищая ростовщика, поставило росту кредитной кооперации непреодолимые преграды.

Противоречие оставалось противоречием. Не было из него другого выхода, кроме революции, разрушающей колониальное господство.

Набор же на тыловые работы еще сильнее ударил по дехканскому хозяйству. И в данном случае причина восстания не была снята, а еще больше увеличена.

Иначе стоял вопрос об основной экономической причине восстания в казакских и киргизских кочевых и полукочевых районах. Здесь колонизация и лесная стража довели скотоводов до отчаяния: «Главная причина беспорядков — деятельность министерства земледелия, обидевшего киргиз отнятием у них земель в арендные, казенные статьи и для переселенцев...» «Много лет подряд для образования «свободных земель» у киргиз отнимались их кочевые и, главное, зимовые стойбища...» «Но и на той земле, которая оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, это население стеснено в распоряжении этой землей лесной стражей», которая «является бичом населения» вследствие «притеснений и поборов», «чинимых» ею «даже на землях, оставленных в пользовании кочевого населения». Кочевники лишились таким образом возможности продолжать свое кочевое хозяйство, изъятие же «зимовых стойбищ» препятствовало также и оседанию. Были изъяты миллионы десятин земли. При этом изымали земли не только для крестьянской колонизации, но и в пользу «аферистов, не киргизов», желавших заниматься промысловым скотоводством. «Боюсь, что это будет хуже знаменитых „башкирских земель“, — пессимистически замечает Куропаткин. Словом, «последние 40 лет точно безмолвно согласились стереть с лица земли это симпатичное, добродушное, наивное, но и дикое еще по нашей же вине племя...» Ярче сказать о духе колонизационной политики самодержавия в Киргизии и Казакии довольно трудно.

Скотоводческая масса, как и оседлое дехканство, была в тупике, из которого был один выход — подняться с оружием против того, кто сжимал ее со всех сторон, кто «безмолвно согласился стереть» ее «с лица земли»...

Противоречивость в результатах деятельности министерства земледелия видел и сам Куропаткин: «Возник ряд русских селений — это плюс. Но возникла и неприязнь киргиз к русским и русской власти — это минус». Но поиски выхода из этого противоречия у Куропаткина оказываются гораздо более прямолинейными, чем в уже описанных выше случаях.

«Прихожу к заключению, что необходимо на долгий срок разъединить, где представится возможным, эти народности» (киргиз и русских). И это заключение практически выливается в проект изъятия земель у киргиз «за совершенные ими злодейства» в тех районах, где «лилась русская кровь» (Джизакский уезд Самаркандской области и Пишпекский, Джаркентский и Пржевальский уезды Семиречья), и образования на этих местах русских поселений (Джизакский уезд) и целого русского уезда (Семиречье).

Тут непосредственно, без всяких даже попыток убедить себя или кого-либо другого в том, что принимаются или могут быть приняты меры по ликвидации

основной причины восстания, старая колонизационная политика воспроизводится в расширенных размерах. Объяснение же этой прямолинейности дает указание на то, какую роль должен сыграть русский уезд, создаваемый около Иссык-Куля. «Там можно развить огромное скотоводческое хозяйство, даже с привлечением иностранного капитала. Там можно широко поставить государственное коннозаводство. Миллионы пудов пшеницы и миллионы пудов мяса в холодильных вагонах пойдут в Европейскую Россию». Между тем, киргизы в будущем — это только «коневоды для производства нужд для нашей армии лошади».

«Миллионы пудов пшеницы и миллионы пудов мяса» чрезвычайно манили взор русского торгового капитала. Но для этого как раз и нужна была «деятельность министерства земледелия» — колонизация. Она и воспроизводилась в расширенных размерах. Воспроизводилась та же позиция безмолвного соглашения «стереть с лица земли»... Велика ли беда, что при этом и по этой линии в расширенных размерах воспроизводились предпосылки колониальной революции?.. Положение определялось тем, что уничтожение киргизско-казакского хозяйства (в отличие от хозяйства хлопкороба) не затрагивало положительно никаких интересов русских господствующих классов. На это уничтожение шли поэтому с «чистой душой» и со спокойной совестью.

Следующий вопрос, который занимает большое место в документах,— это формы и методы борьбы повстанцев. Нападения на переселенцев, убийства администрации, уничтожение списков забираемых на работы, разрушение казенных зданий, повреждение железных дорог, угон скота, принадлежащего русским, наконец, в той или другой степени правильно организованное сопротивление русским отрядам (Семиречье, Туркмения) — вот те формы борьбы, о которых свидетельствует сам Куропаткин. Необходимо отметить при этом, что сведения рапорта о жертвах со стороны администрации и русского населения вообще во многих случаях расходятся с теми данными, которые можно найти в других материалах по восстанию 1916 г. Нижеследующая таблица сравнивает данные, собранные пишущим эти строки из различных дел по восстанию 1916 г. и данных рапорта [1]). (См. табл. на стр. 43.)

Разница получается довольно большая. При составлении нашей таблицы приходилось пользоваться и «рапортом». Расхождение же данных произошло потому, что при разногласиях в наших источниках по вопросу о жертвах со стороны администрации нами бралась, как правило, максимальная цифра. Вполне проверить тот и другой ряд данных, очевидно, удастся только тогда, когда будут найдены точные списки жертв. Тенденции борьбы, впрочем, от принятия того или другого ряда цифр меняются чрезвычайно мало.

Если мы теперь от методов борьбы повстанцев перейдем к методам подавления восстания, то и здесь мы найдем в документах довольно большое количество очень интересных фактов. Из Джизакского уезда Куропаткин имел «справедливые жалобы на войска за излишнее разорение туземных жилищ, грабеж, лишние убийства». Из Семиречья

---

[1]) Нашу таблицу см. П. Галузо «Туркестан колония», 1929 г., стр. 157. Изд. КУТВ.

Области.	Убито повстанцами человек.					
	Туземной администрации		Русской администрации		Русских переселенцев, казаков и мещан	
	Наши данные	Данные рапорта	Наши данные	Данные рапорта	Наши данные	Данные рапорта
Семиречье	2	—	14	3[1])	2 094	2 325
Сыр-Дарьинская обл.	7	6	3	3	45	45
Самаркандская . . .	12	4	3	3[2])	83	83
Ферганская	34	11	1	1	—	—
Закаспийская	—	—	3	3[3])	нет данных.	
Всего .	55	22	24	13	2 222	2 453

поступили сведения об «отбитии», «совершенно без боя», «300 коров, 10 тысяч баранов, 2 000 лошадей»... Словом — грабеж и зверства, как метод подавления, видимо, были распространены чрезвычайно широко. И здесь, с восстанием и после него, противоречия обострились еще больше. Была, однако, здесь и другая сторона — это небывалый подъем шовинизма. «В Пишпеке толпа русских на площади забила камнями одного киргиза, заподозренного в том, что он нападал на русских». «Приходится принимать строгие меры, чтобы охранить безоружных киргиз, уже изъявивших покорность или даже не принимавших участия в восстании, появляющихся среди русских поселенцев. Были случаи, что киргиз, не имеющих охраны, безжалостно убивали уже после усмирения». Если указанное выше обострение противоречий по всем линиям в результате подавления восстания приближало революцию, то подъем шовинизма ее только затруднял, ибо весь ход и результат восстания показывал, как необходима была для победы колониальной революции в Средней Азии смычка с русским пролетариатом и крестьянством. Шовинизм же отдалял, а не сближал эти силы.

Куропаткин из этого однако сделал соответствующий, — с его точки зрения совершенно правильный, — вывод: нужно вернуть переселенцам отнятые, было, винтовки. «Надо мужскому элементу дать небольшую организацию, выправку и вооружение»... даже «дать форму» и сорганизовать в правильные команды. Шовинистически настроенный переселенец и городской мелкий буржуа могли быть великолепной опорой колониального господства.

Этот подъем шовинизма и после Февральской революции Куропаткин попытался, было, использовать в интересах контрреволюции, но конфликт с Советом Рабочих Депутатов и отстранение от должности помешали ему довести до конца задуманный план.

[1]) Из них один прапорщик из состава карательных отрядов.

[2]) Плюс чины лесной стражи и партия статистиков, число которых не указано.

[3]) Один телеграфный чиновник и два офицера из состава карательных отрядов.

Документы дают возможность судить и о позиции отдельных классов туземного населения в момент восстания. Туркменская ханша Гульджемал, еще до отъезда Куропаткина из Петербурга, прислала телеграмму «от имени всех туркмен» и просила «заступничества». В Самарканде «масса почетных разодетых туземцев» торжественно встретили Куропаткина «с хлебом-солью». В то время, когда трудящаяся масса подымала оружие, «почетные» шли на поклон к Куропаткину.

Остается еще один вопрос — это вопрос о тайных пружинах указа 25 июня 1916 г. о наборе. Тот, кому известна версия, что объявление набора было провокацией с целью вызвать восстание, чтобы иметь предлог очистить земли для русских переселенцев, будет, конечно, искать в документах подтверждения или опровержения этой версии. Документы не дают однако достаточно ясного ответа на этот вопрос. Если же внимательно изучить те места, которые имеют к его решению то или другое отношение, то получается ответ скорее отрицательный, чем положительный. «Штюрмер и Шуваев сделали все возможное, чтобы возбудить население», — вот единственная фраза, которая может толковаться в том смысле, что здесь имела место сознательная провокация. Но когда присмотришься к контексту, в каком употребляется эта фраза, то смысл ее вырисовывается все же в ином свете. Куропаткин просто осуждает бестолковость всех распоряжений по этому вопросу. Откровенный в дневнике вообще, если бы вопрос шел о сознательной провокации, он, безусловно, не преминул бы записать это достаточно точно.

Но если нет подтверждения правильности этой версии, то, спрашивается, нет ли здесь разъяснения того, почему все же набор был так спешно объявлен и так бестолково организован, что иногда поневоле задаешься мыслью — не было ли здесь сознательной провокации?

Документы некоторый свет на это, как нам кажется, проливают. На заседании в ставке по вопросу о призыве льготных «Алексеев заявил, что ему надо 500 000 человек пополнения в месяц, чтобы покрыть потери армии. Шуваев доложил, что у него в запасных баталионах всего 1 175 000 человек. Их хватит на 3 месяца». Такую, между прочим, запись находим у Куропаткина под 3 августа. Время объявления набора на тыловые работы совпадало, как видим, с большими затруднениями по комплектованию армии. Естественнее всего предположить, что именно эти затруднения и были причиной объявления набора. То же обстоятельство, что все это было проведено так неуклюже, объясняется тем развалом, который вообще царил в это время в правительственных сферах. В записи Куропаткина от того же числа это тоже нашло соответствующее отражение.

Что же касается самого восстания, то его не только не вызывали, но даже никак не допускали, что оно возникнет. Уже цитировалось выше место «рапорта», где говорится, что администрация насчет возможности восстания «оказалась неосведомленной». Самому Куропаткину при выезде из Петербурга единственно опасным врагом в Средней Азии казались только панисламисты, которых он называл «эмиссарами Германии». Словом, ни центр, ни места не ожидали, что массы могут подняться. Возможно, что центр, к тому же, недостаточно был информирован о туркестанских «нравах», недостаточно ясно себе представлял, в какие формы может вылиться выполнение на месте такого указа.

Признаком того, что призыв не был сознательной провокацией, является также и то обстоятельство, что мы до сих пор совершенно не имеем фактов, которые бы показывали, что к подавлению могущего быть восстания специально готовились. Даже Куропаткина назначили генерал-губернатором уже после того, как получены были телеграммы о восстании.

Итак содержание публикуемых документов, если попытаться обобщить все сказанное выше, свидетельствует, что русское господство в Средней Азии привело к развитию таких противоречий, которые ко времени восстания 1916 г. и революции 1917 г. настоятельно требовали своего разрешения. Единственно возможным способом этого разрешения была революция. Восстание 1916 г. и являлось этой революцией, — правда, не удавшейся. Но это восстание было только передовой стычкой. Трудящимся массам Средней Азии еще предстояли широкие бои, ибо восстание в силу своей неудачи не разрешило ни одного противоречия. Наоборот, неудача восстания привела к еще большему их обострению. Подоспевшая революция в России ускорила развитие революции в Средней Азии. Сроки сократились. Противоречия были разрешены с помощью русского пролетариата.

П. Галузо.

I.

Из дневника А. Н. Куропаткина [1]).

23 июля 1916 г.

Третьего дня вечером передана мне по юзу именная высочайшая депеша о назначении меня Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. Попросил Алексеева к аппарату, но оказалось, что и для него такое назначение было совершенно неожиданным. Но утром в этот день у него был после доклада у государя военный министр Шуваев, который сказал ему, что в Туркестане начались серьезные беспорядки и что он просил государя назначить меня в Туркестан привести население в порядок. Государь не согласился. Но в 4 часа пополудни, после вторичного доклада Шуваева, собственноручно написал высочайшее повеление о моем назначении.

13 июля я получил из Мерва за подписью всеми почитаемой ханши Гульджемал депешу, в которой она от имени всех туркмен просила моего заступничества. Невероятно спешные мероприятия, без подготовки и оповещения населения о привлечении туземцев к работам в тылу армии, послужили причиною волнений. Чуть не за несколько дней до объявления туземцам было приказано собраться к 15 июля

[1]) Публикуется по подлиннику, хранящемуся в Особом отделе Древлехранилища Московского Центрального Исторического Архива. Перед своим назначением в Туркестан А. Н. Куропаткин был главнокомандующим северного фронта.

для наряда на работы. Население могло быть разорено, ибо как раз наступал период сбора хлопка. Депеша ханши оканчивалась следующими словами: «Возможное промедление в сборе текинцев может быть истолковано в дурном для текин смысле, и им в этом случае грозит суровая военная репрессия. От времени бытности вашей начальником Закаспийской области текинский народ и я лично привыкли обращаться к вам, как к отцу, во всех народных нуждах как великих, так и малых. Ныне, перед лицом беспримерного несчастия, грозящего текинскому племени, обращаюсь к вашему высокопревосходительству, по уполномочию текин Мервского уезда, с горячей мольбой ходатайствовать перед его императорским величеством об отсрочке призыва на работы до конца сбора хлопка или до иного срока, который дал бы возможность всем текинам освоиться мыслью с новой повинностью и распределить исполнение таковой между отдельными лицами согласно требований справедливости».

Я тотчас же послал депешу Алексееву, а копию министрам — военному и внутренних дел — с просьбою доложить государю мое ходатайство отсрочить призыв на работы текинцев до 15 сентября.

Этою депешею, вероятно, я, сам не думая об этом, заложил фундамент для своего нового назначения.

Вчера у меня сидел генерал Покотилло, недавно бывший в Туркестане и хорошо его изучивший. По его словам, там положение создалось серьезное. Власть в плохих руках. Эмиссары Германии работают во-всю. Массы пленных избалованы. Мартсон, и. о. генерал-губернатора, развалился. Сыр-Дарьинский военный губернатор Галкин каждый день пьян. Самаркандский Лыкотин — слепой. Ферганский — Гиппиус — с гвоздем. Закаспийский — Колмаков — слаб, безволен. Семиреченский — Фольбаум лучше других. Правитель канцелярии Ефремов, который вертит все дела, очень подозрителен и, кажется, нечисто ведет дела. Помощник генерал-губернатора Ерофеев очень неподготовлен. Тогда же Покотилло говорил, что хорошим помощником генерал-губернатора будет Васильев, командир 6 корпуса. Он же предупреждал против Цейля, который будет проситься в Туркестан. Женаты на родных сестрах. По словам Покотилло, Цейль при постройке дороги через бухарские пределы украл 200 тысяч рублей.

Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале.

31 июля. Петроград.

В Туркестане и других степных областях возникли очень серьезные беспорядки. Пролилось много туземной и русской крови. Штюрмер и Шуваев сделали все возможное, чтобы возбудить население. Приказание о сборе туземцев на работы отправлено Штюрмером без

запроса начальствующих лиц на местах и получения их мнения о порядке и сроках приведения высочайшей воли о призыве населения к работам. Приказано было депешею от 5 июля призвать население немедленно все в возрасте от 19 до 43 лет и немедленно отправить этих рабочих на фронты рыть окопы и другие работы. Надо было сразу собрать 600 тысяч человек, а поезда могли возить только по 7 тысяч человек. Население разорялось, ибо нельзя было убрать хлопок и некем было засеять хлопок, некем было бы пасти скот. Метрик не было, поэтому послали старшин и разных русских «статистиков» делать населению перепись. Население во многих местностях возмутилось, перебило свою туземную администрацию, перебило «статистиков», в Джанзаке убило уездного начальника, в Заамине убили много русских, захватили и насиловали русских женщин. Киргизы собрались откочевать в пределы Китая и даже Афганистана. Туркмены — в пределы Персии. Сарыки и салары — в пределы Афганистана. Собирать рабочих предположено было реквизициею з а п л а т у и с казенным довольствием.

В Фергане ген.-лейт. Гиппиус наделал чудес. Объявил, что волю государя в Ташкенте поняли неправильно, что призыв относится только до тех, кто сам пожелает итти на работы. Об этом разослал десятки тысяч воззваний к населению. Отложился от командующего войсками Ерофеева, написал ему, что его распоряжения ведут к бунту, объявил, что будет непосредственно сноситься с председателем Совета Министров, военным министром и пр. Этого мало, Гиппиус надел халат, тюбитейку, вышел в этом костюме к народу, целовал коран...

Когда требовали, чтобы он объяснил свой образ действий, он ответил, что, начав второй объезд области, он вызовет такой взрыв патриотического энтузиазма, что население само поставит добровольцев-рабочих, даже в большем числе, чем требовалось. Это, конечно, не оправдалось.

Ген. Ерофеев все старался депешами представить, что карательные меры, им предпринятые, быстро успокоили край. В то же время после депеш о полном спокойствии в крае ему приходилось доносить о новых беспорядках, новых убийствах русских людей.

У Б е л я е в а.

Вчера вернулся из Франции начальник генерального штаба ген. Беляев, известный в действующей армии под кличкой «мертвая голова». Он передавал со слов ген. Жоффра, что французы готовят решительное наступление только весною будущего года. Что ранее Жоффр не считает возможным наступать, ибо признает недостаточным

число тяжелых орудий. Таких заказано 1 600 с огромным числом снарядов. Беляев говорил, что тактика французов — тратить как можно менее людей и больше металла. Что подготовка французами атаки заключается в том, чтобы сравнять все с землею. В результате, последняя атака французов стоила им 6 000 человек, а англичанам 90 000.

От нас ждут главного удара.

3 августа.

Сидел два часа ген. Шуваев. Все больше говорил о себе. Чувствует, что дни его сочтены. Рассказывал, как он упрашивал государя назначить меня Туркестанским генерал-губернатором.

Рассказывал о трудности своего положения. Штюрмер — пешка в руках шайки, с Распутиным во главе. Ему, Шуваеву, несколько раз привозили чуть не приказания Распутина о назначении разных лиц. Несколько раз являлся кн. Андронников с заступничеством о ген. Беляеве, который, по словам Шуваева, примкнул к распутинской шайке.

Никакой, по словам Шуваева, системы управления, твердой политики он не усмотрел в действиях Совета Министров.

По польскому вопросу Шуваев говорил, что проект манифеста о польских вольностях прибыл из ставки на рассмотрение Совета Министров. В этом Совете большинство отнеслось отрицательно и не признавало нужным выпустить манифест. Другие хотели, чтобы манифест был написан в неопределенных выражениях. Только он, Шуваев, а потом отчасти Григорович высказались за необходимость издать манифест в той редакции, которая составлялась, кажется, при содействии Хвостова и Трепова.

По призыву льготных на 15 июля. Вопрос этот решался в ставке. Алексеев заявил, что ему надо 500 000 человек пополнения в месяц, чтобы покрыть потери армии. Шуваев доложил, что у него в запасных баталионах всего 1 175 000 человек. Их хватит на три месяца. Два месяца надо обучать те 600 000, которые получатся от призыва пяти младших возрастов. Поэтому надо срок сбора назначить 15 июля. Никто не возражал, только Наумов сказал, что, если нужно, то надо дать. Уже после обнародования указа со всех сторон посыпались просьбы отменить такой ранний срок, чтобы дать населению возможность убрать урожай.

Андронников.

Этот господин был у меня 2 августа. Приходил хлопотать о 20 тысячах десятин, купленных, по его словам, у хана хивинского за 1 миллион руб. в низовьях Аму-Дарьи. Куплено без воды. 300 тысяч уже

внесено. Вода — в распоряжении правительства. Отнесся к этой покупке подозрительно, ничего не обещал.

Затем Андронников пустился в рассказы совершенно фантастического содержания. Так он рассказывал, как вел. князь Николай Николаевич зажал в свои руки такую силу, что министры даже по малым делам стали ездить к нему за утверждением своих предположений и указаниями. Умалился престиж государя. Когда государь хотел принять верховное командование, все министры подписали ходатайство, чтобы он этого не делал. Не подписались только Поливанов и Григорович как военные, но в записке значилось, что и они согласны с мнением остальных. Нашелся только один смелый патриот — Распутин, который указал государю, что короне, которую государь носит, грозит опасность, и тогда Николай Николаевич был удален. Далее, Андронников бранил Поливанова за политиканство; говорил, что государь ненавидел его фигуру, улыбку, склоненную на плечо от раны голову, что Кривошеин — интриган, что гр. Игнатьев жидовствует и что только Хвостов, Маклаков и Штюрмер что-нибудь значат.

Игнатьева и Наумова надо вон. Шуваев тоже был груб с ним, Андронниковым, и груб со всеми. Ничего не понимает в государственных делах и смешон для всех, что его дни сочтены. Штюрмер поехал в ставку, чтобы провести на место Шуваева Беляева. Спросил моего мнения. Я ответил, что Беляев не уважаем в армии, где его называют «мертвою головою». А на вопрос, кого же надо проводить военным министром, ответил: «Поливанова». Что надо прекратить «министерскую чехарду» и сблизиться государю с общественными представителями, что опираться лишь на несколько разношерстных во взглядах министров государю для России и его лично не своевременно. Возврата назад не должно быть допущено, иначе — бунт. Андронников на это ответил: «Странно. Граф Бобринский говорил мне то же самое».

Рузский.

Сейчас ушел от меня Николай Владимирович Рузский. На вид совсем поправился. Но согбенный. Глаза ясные, умные. Говорил, что в ставке государь отозвался обо мне тепло и высказал, что в Туркестане так запутались дела, что он вынужден меня отправить туда, что я край знаю, что там знают и любят меня. Рузский сознает трудность задачи, принятой от меня. Выслушав о положении дел, тоже высказал, что наши начальствующие лица не хотят считаться с опытом войны и продолжают лезть на укрепленные позиции, как бы лезли в чистом поле. Сказал, что десантную операцию считает делом очень

рискованным. Повидимому, недоволен корпусными командирами 6-го и 7-го арм. корпусов, Долговым и Васильевым. Согласился, что надо недоверие, некоторое, к начальствующим лицам и проверка того, что они хотят перед операциею делать.

Туркестанский край.

3 сентября.

Прибыл в Ташкент 8 августа. Скоро месяц минет, как приходится напряженно работать, чтобы умиротворить, а, где нужно, усмирить глубоко взволнованный край. Положение и до сих пор весьма тяжелое. Основные три области края наружно умиротворены, но настроение населения угнетенное. В Семиреченской области киргизское население трех южных уездов восстало. Приходится направлять туда значительные силы, и я просил присылки двух казачьих полков, что и исполнено.

Многие русские селения разгромлены, много жертв; разорение их полное. Особого вооруженного сопротивления еще не было оказано. Решительные действия начнутся на-днях. Двинул войска как со стороны Ташкента, так и со стороны Ферганы. Постоянного типа войск в крае оставлено не было. Пришлось послать часть дружин ополчения, часть рот запасных батальонов. Войска мало сплоченные, недостаточно дисциплинированные. Уже при усмирении беспорядков в Джизакском уезде были справедливы жалобы на войска за излишнее разорение туземных жилищ, грабеж, лишние убийства. То же получается и при действиях в Семиречье. Но это, надеюсь, исключения. В общем, войска действуют самоотверженно. Без кадров, без организации, с случайными перевозочными средствами переваливают снеговые горы, делают по равнине до 70 верст в сутки. Затрудняется усмирение огромными пространствами, разбросанностью, беззащитностью селений с русским населением. Мы сделали роковую ошибку, давшую киргизам надежду на легкую добычу: отобрали для отправки в действующую армию у русского населения 7 500 берданковских ружей.

Фольбаум, в общем, действует самостоятельно и энергично, но слишком медлит нанесением удара главным скопищам. Не нравится мне отбитие нами большого количества скота: 300 коров, 10 тысяч баранов, 2 000 лошадей — совершенно без боя. Возможно, что отобрали у киргиз мирных. Озлобление между русским и киргизским населением растет. Киргизы допускали огромные жестокости. Русские не оставались в долгу.

Основная причина легкости, с которою восстали киргизы, лежит глубоко и кроется в нашей земельной политике по отношению к киргизам. Много лет подряд для образования «свободных земель» у киргиз отнимались их кочевые и, главное, зимовые стойбища. При отводе киргизам земель при переходе к оседлости закон разрешал отводить только пашни, а земли для выпаса скота и заготовки сена не отводил. В общем, выставка рабочих явилась толчком, а недовольство киргиз русским режимом росло давно. Надеюсь выставить от Семиречья рабочих только весною будущего года.

В трех основных областях края дела обстоят не лучше. Неожиданное требование поставки рабочих в возрасте от 19 до 43 лет было предъявлено в такой спешной и необдуманной форме, что породило невероятную путаницу в умах населения. Исполнители, вместо успокоения и разъяснения населению, что от них требуют, сделали наряд рабочих источником наживы. Трудно себе представить, сколько было в одной Фергане и Самаркандской области взято, особенно чинами туземной администрации, взяток. Общую сумму их нельзя измерить иначе как миллионами рублей. Жалобы поступают со всех сторон. Пришлось отстранить от должностей двух военных губернаторов: Галкина и Гиплиуса, несколько уездных начальников, приставов и двух полицеймейстеров в Ташкенте и Самарканде. Выработал приказ, со всеми приложениями, о порядках и сроках привлечения туземцев на тыловые работы. Имел ряд совещаний с начальствующими лицами и представителями туземцев. Много толковал с ними. Ездил в Джизак; успокаивал там население. Все же пришлось предназначить к отобранию у населения 2000 десятин земли, на которой были зверски убиты уездный начальник полк. Рукин, пристав и около 150 русских людей. По беспорядкам в Ташкенте пришлось утвердить смертный приговор над двумя туземцами: в Джизаке над 6 из 18 приговоренных к повешению судом.

Вел переговоры с представителем туркменского населения. Приняв во внимание, что туркмены несут боевую службу на войне, в Текинском полку, решил, что туркмены будут посылаться не на работы, а на сторожевую службу по охране пленных, железных дорог, составят лесную стражу и пр. Относительно текинцев, кажется, дело уладил, но иомуды отказались дать рабочих и откочевали в персидские пределы. С ними будет много хлопот. Часть киргиз откочевали в китайские пределы. Часть туркмен, сарыков и саларов готовится откочевать в пределы Афганистана. Мне пришлось послать отряд в Астрабадскую провинцию, где началось большое волнение.

Сейчас еду в Самарканд, Котты-курган и далее по всем городам Ферганской области.

4 сентября. Самарканд.

Сильное впечатление. Переезд Заревшана. Быстро вставали в памяти воспоминания 1868 г.; 1 мая, перейдя Заревшан в обход, почти по плечи, штурмовали Чапанатинские высоты. В роте Федорова, где я находился вместе с Ионовым, убит подп. Губин, юнкер Новиковский, ранен юнкер Тузиков и довольно большое число нижних чинов. Бой был тяжелый... Я сцепился с здоровым фанатиком, убил его, но он так здорово сжал меня, что я некоторое время был без чувств. 2 мая ночью заняли г. Самарканд без боя. Там взяла верх мирная партия. Вступил в Самарканд с головною 3-ю ротою Оренбургского стрелкового батальона (теперь Туркестанский стр. полк).

Трон Тамерлана обезобразили постройкою при нем какой-то кордегардии.

Встреча была торжественная. Масса почетных, разодетых туземцев. Депутации от разных народностей. Речи, поднесение простых блюд с хлебом-солью. Почетный караул. Много бледных лиц. Потом в собор. Много жителей. Разговор с 50 десятниками. Обещание выполнить все требования. Гарнизон довольно незначительный; поставил и нестроевых. Прошли хорошо. Лихорадка.

Школа садоводства запущена. Ученики болезненные. Надо помочь. Музей интернациональный. Надо Самаркандский, все перепутано. Библиотека небольшая.

Случная конюшня. 6 жеребцов стоят 6 000 руб. содержания.

Гимназисты и гимназистки в церкви — милые дети, но тоже много желтых лиц.

В городе, в медрессе чай. Импозантно. Присутствовало несколько тысяч человек.

Полицеймейстер Игнациус — мошенник.

Очень сильное впечатление оставила поездка по старинным мечетям. Следы грандиозной, своеобразной культуры. Чай в медрессе сопровождался пением учеников нового типа школы... Надо присмотреться. Кажется, их называют ново-мектебные. По дороге в медрессе шли пешком по коврам. По обе стороны стояли тысячи народа. Большой порядок. Его нарушили десятка два женщин, прорвавших линию и бросившихся в ноги. Просили освободить их сыновей от наряда на работы. Как город — Самарканд растет незначительно.

Г. Наманган. 8 сентября.

Почетный караул — рота Кушкинской дружины и рота тоже дружинников — представились хорошо. Народ крупный и довольно здоровый. Прошли порядочно. Больных немного. Служащие довольно

многочисленны. Депутаций много. Русское население уже 4 000 человек. Купцов мало. Тут же армяне, евреи — свои и туземные, персы, кашгарцы, афганцы. Все подносили хлеб-соль. Со всеми говорил. Пятидесятников много. Не очень хорошо настроены. Тут Гиппиус много напутал. Надевал чалму, читал коран. Поработали члены Думы: Керенский и Тефкелов. Один из представителей города просил снять положение усиленной охраны, так как списки рабочих они поставили. Отчитал его, указав, что слов и писанья мало; надо — дело, что, когда льется русская кровь, нельзя еще говорить о милости.

Выставленные 1 000 рабочих имеют лучше вид, чем видел раньше, но обуви теплой нет. Тысяцкого и сотского выбрали хорошо. У всех бляхи, книжки. Пойдут 28 сентября. Жалоб подано очень много. Все больше об освобождении арестованных. Жалуются, что многих посадили за то, что они не хотели дать взятку. Тюрьма на 60 человек, а посадили 400 человек.

Селекционная станция. 300 десятин. Очень хорошо принимается 3-й год. У управляющего Любченко жена — доктор медицины — американка. Дружно работают. Дал задачу и вписал ее в книгу: 1) дать нам колючку без шипов; 2) привить посевы гаоляна; 3) дать возможность расти в Туркестане эвкалиптусу, вынося морозы (на топливо).

8 сентября Коканд.

Огромное оживление. Жизнь кипит. Уездный город, но 14 частных банков. У хлопковых королей роскошные дворцы. Масса народа встречали меня и принесли сотни жалоб на туземную администрацию и просьб освободить арестованных. Высланный мною вперед с офицером-юристом Радзиевский произвел расследование по поступившим ранее жалобам, и в них все подтвердилось, но улик против уездного начальника Мединского не нашлось. Все же за бездействие власти Мединского придется отчислить от должности. Много депутаций. От русских просили расширения учебных заведений. Но и то на большое расстояние от триумфальной арки стояли ученики и ученицы.

Осмотренная мною «тысяча» рабочих встретила меня бодро. Попечительный комитет в надежных руках. Разъяснял всем царское приказание. Особенно тронули меня пятидесятники. Многие старики плакали — говорили, что помнят, как 40 лет тому назад я первый вошел в Коканд, а теперь богом послан спасти их. Что их грабят их же туземные власти. Нельзя жить. Просят защиты.

Едва прошел в церковь, так много народа.

Гарнизон — несколько рот стрелкового запасного полка Стоят в крепости, которую я занимал 40 лет тому назад с двумя ротами стрелков, кажется, 2-го Турк. стр. полка под командой Машлыкина. Представились хорошо, бледных меньше.

Голодная степь.

На ст. Хилково ездил смотреть голову каналов. Грандиозно. Дают 5 кубов на 50 000 десятин. Разработан план еще на 250 тысяч десятин. К работам не приступали. По теоретическим подсчетам, по докладу провожавшего меня инженера Моргуненкова, воды Сыр-Дарьи могут оросить 1 500 000 десятин, но для этого надо образовать бассейн в Тянь-Шане с оз. Сан-Куов.

Земли по Сыру больше, чем воды. Воды Аму-Дарьи могут оросить 2 500 тысяч десятин, но земли нехватает. Например, по правому берегу в Аму-Дарьинском отделе можно оросить только 100 тысяч десятин. Большую площадь можно оросить в Афганском Туркестане и далее. Надо наполнять котловину в низовьях Аму-Дарьи, куда уже спускались воды в Сары-Камыш.

Осмотренные русские селения — Николаевское, Конно-Гвардейское и Спасское — еще не устроены. Конно-Гвардейское сильнее. Своей земли обработать не могут, а хватают аренду. Отчитал их. Солдаткам надо помочь. Несколько крестьян уже сами не работают, а нанимают работников и кроме своего участка арендуют еще несколько. Сопровождавший меня инж. Моргуненков очень толковый гидротехник, очень убежденный в будущности Голодной степи, говорил мне, что несколько крестьян Спасского получают от 5 до 25 тысяч рублей ежегодной аренды дохода.

Крестьяне с. Николаевского ранее были горькие пьяницы. Теперь отрезвели. Живут беднее других. Нашел там георгиевского кавалера Апшеронского полка участника у меня в колонне в осаде Геок-Тепе. Из 4-го батальона Маголова, который был почти весь уничтожен в вылазку туркмен 28 декабря 1880 г.

Инженер Моргуненков.

Очень интересные мнения высказывал относительно порядка заселения Голодной степи на орошенных землях. Уже в прошлую поездку мою в Джизак я на возвратном пути ехал со станции «Голодная степь» на г. Самсонов и тогда узнал, что часть земель, розданная под устройство русских селений, после двухлетних огромных урожаев стала солончаковою и теперь почти не дает урожаев. По мнению Моргуненкова, надо первые два года эксплоатировать казною, с тем,

что, если окажутся солончаковые земли, то их казною и выщелачивать и уже готовые давать переселенцам. Другой способ — это сдавать их с торгов частным лицам с тем, чтобы после выщелачивания часть земли передавать в их собственность, а большую часть обращать под русские селения.

Процесс, по которому хорошая земля обращается в солончаки, еще недостаточно изучен, равно и способы выщелачивания еще не определены.

13 сентября. Ташкент.

Сегодня инженер Сыромятников, переживший в Семиречьи восстание и едва уцелевший, высказал мне, что главная причина беспорядка — деятельность министерства земледелия, обидевшего киргиз отнятием у них земель в арендные, казенные статьи и для переселенцев.

Сегодня же Татищев, представитель министерства земледелия, докладывал вопрос о наделении Семиреченского казачьего войска землями, отобрав таковые у киргиз. Собираются отобрать до 70 000 десятин. Причина: исполнение закона, по которому казачий надел должен составлять 30 десятин. Чтобы дать такой надел, и собираются выселить киргиз, живущих уже оседло в окрестностях г. Верный, занимающихся земледелием и имеющих участки пахотной земли до 5 десятин на семью. Некоторые построили дома с железными крышами. Придется отнестись к этому вопросу с большою осторожностью. Спрашивал: нельзя ли, оросив земли, отдать их в дополнительный надел казакам, а киргиз оставить на их местах, записав желающих в казаки с уменьшенным наделом? Нельзя ли на земли, что придется отобрать у киргиз в местностях, где была пролита русская кровь, устроить новые станицы, переведя часть казаков из Верненского района? Все это надо обсудить на месте. Нельзя ли часть казаков иметь пешими?

Татищев сказал мне, что предположено сделать обширные изыскания воды в степях, устроить колодцы и этим дать возможность располагаться зимовыми стойбищами и в степи.

Я выразил мнение, что на ту воду, что мы сами добудем, на ту землю, что мы сами оросим, и надо садить русских и увеличивать русский элемент, но отбирать землю у туземцев для поселения русских — это сеять рознь между ними и подготовлять кровавую расправу.

Верненские киргизы вели себя всех спокойнее, а их-то мы и хотим лишить земли.

10 октября. Аулиот.

Вчера выехал из Ташкента в Семиречье. Между 28 сентября и 9 октября ничего особо печального не случилось, но задача моя усложнилась отказом иомудов ставить рабочих. Они открыли военные действия. Напали на отряд Стржилковского. Были отражены с потерею с нашей стороны убитыми 1 офицера и 4 нижних чинов и нескольких ранеными. Со стороны Астрабада за нападение на наш разъезд Габаев перешел в наступление и взял Ак-Калу, но затем опять отошел к Астрабаду. Послал подкрепление. Прольется много крови, и население ждет тяжкое наказание, но власть должна настоять, чтобы требование государя о поставке рабочих было выполнено, иначе престиж власти в Средней Азии будет поколеблен. Персидские иомуды пристают к нашим. Снова просил разрешения сформировать 8 стрелковых баталионов, ибо ныне действует 23 запасных стрелковых роты. Указывал возможность весною направить 8 баталионов, 2-й казачий полк, 2 батареи на помощь Баратову, чтобы разбить турок или, по крайней мере, отогнать их от Тегерана.

В Аулиотинском уезде.

Инженер Тынышбаев, киргиз, что едет со мною переводчиком, подал мне записку о причинах киргизских беспорядков в Аулиотинском уезде. По собранным им сведениям (опросом киргиз, односторонне), беспорядки возникли по вине администрации и русского населения. Администрация не разъяснила населению сущность требований, русское население подучало киргиз не давать рабочих. Стращало их, что заберет в войска. А про себя говорило, что — пусть бунтуют, у них отнимут земли и отдадут им. Когда беспорядки начались, русские грабили и убивали мирное киргизское население.

В действительности киргизы первые сделали гадость: напали на безоружных белобилетников, призывавшихся в войска, и убили до 30 человек. Тела бросили в колодезь. Полторацкий жестоко расправился с правыми и виноватыми.

По дороге до Аулиота киргизы многих волостей встречали меня хлебом с солью. Покорно выполнили все требования. С Аулиотинского уезда (170 тысяч мужского пола) берут 12 тысяч рабочих, по 6—7 с сотни. Первую партию я встретил в пути. Следовала в большом порядке. По 6 человек на подводу. Подводчики русские. Были и бабы за кучеров. По 4 руб. 70 коп. получают в день за парную подводу. С эшелоном шел пристав и человек 8 конных стрелков.

Начальник уезда полковник Кастальский не знал, как будет обеспечено довольствие первого эшелона и остальных в пути. Заготовил

на 10 дней только лепешек. Надо скорее разобрать и направить это дело.

Кастальский мне говорил, что у него в уезде 50 000 кибиток. На каждую кибитку ложится ныне разных податей по 18 рублей. Но для наряда рабочих каждая кибитка обложена 100 рублями. Выставка 12 000 рабочих будет стоить уезду до 5 миллионов рублей. Только одежда стоит свыше 100 рублей на человека. На руки рабочим дают 300—400 рублей. (Я думаю, что если богачи дают более бедных, то такое перемещение сумм выгодно с экономической стороны.)

11 октября. Аулиот.

Новый министр внутренних дел прислал мне теплую депешу с выражением радости наступающему успокоению среди туземцев Туркестана. Действительно мы уже отправили в полном порядке, отлично организованных, 16 поездов рабочих, два поезда туркмен для сторожевой службы.

В своем ответе Протопопову (№ 1001) я поместил, между прочим, следующие строки: «Долгим опытом службы в Туркестане пришел к заключению, что главнейшими началами в деятельности правительственной власти по отношению к туземцам должны служить: полная определенность и устойчивость требований, твердость власти, соединенная с справедливостью и отеческою заботливостью. Надо добиваться, чтобы нас боялись и уважали. Полюбят после».

11 октября. Село Карабалты.

Киргизское население выслало волостных и почетных старшин. Всюду уверяли в исправной поставке. На русских не жаловались. Жалоб подано мало. Признались, что поставка каждого рабочего обошлась им от 300 до 400 руб. с обмундировкою. Говорили, что рабочих больше брали из бедных. При этих условиях можно верить, что некоторые киргизы записывались сами в охотники, как говорил о том уездный начальник Кастальский. Кругом масса зимовых стойбищ. Угодья большие. Если далее не отбирать киргизские земли, то киргиз в будущем в Аулиотинском уезде можно будет устроить хорошо.

Русские селения делятся на старожилов и новоселов. У старожилов все налицо (льгота родившимся в Туркестане), у других масса на войне. У тех и других просьба о прибавке земли, хотя наделы на семью составляют от 8 до 15 десятин. Поливных мало. Теснота, кажется, зависит больше всего от существующей системы пользования ею, ибо землю не удобряют, и она стала мало давать; начали арендо-

вать целину у киргизов. Другая просьба — это об ружьях. Прежде ружья были, но их отобрали до войны. Кастальский объяснил, что отобрано 4 000 ружей, пришедших от дурного содержания в негодность. Просят теперь по 1 ружью на двор, обещают сдать присмотр за оружием старым солдатам. В Чарьдоворе 2 000 душ и не имеют, чем защищать себя. Несколько (30) охотничьих ружей. В Карабалты тоже около 2 000 душ или 1 500 душ, и я нашел защищающую их команду в 15 нижних чинов. Это — срам, русское население, вместо усиления нас в годину испытаний, ослаблено дроблением и без того слабой военной силы. Надо мужскому элементу дать небольшую организацию, выправку и вооружение. Думаю, надо назвать их пожарными командами и так и вести, как пожарные команды, вооружить, обучать строго, дать форму.

Убытков в Аулиотинском уезде, можно сказать, не причинено, кроме сел. Вознесенское близ Мерке, где сожжено несколько домов. Население бежало в Мерке. Один здоровый мужик уверял меня, что он бросил ружье, которое сгорело, и схватил палку. Кастальский говорит, что исчисление убытков преувеличено в несколько раз. С 1882 г., когда я в последний раз проезжал по этому тракту, он много развился. Много русских селений. Тянутся 6—7 верст и все в одну линию. Трудно защищать.

Кастальский хорошо знает уезд. Рассудителен. С подчиненными авторитетен. С губернатором Романовым не ладил. Здоровья непрочного.

12 октября. Пишпек.

Переезд от Карабалтов до Пишпека, 64 версты, идет почти сплошною линиею русских селений. Селения вытянуты в одну линию вдоль дороги. Редко в две линии. Редко делятся на староселов и новоселов. Есть осевшие всего три года тому назад. Живут во временных хатах. По этой линии вкраплено несколько селений с дунганским и сартовским населениями. Но еще больше киргизских земель, отведенных киргизам переселенческим управлением, но арендованных русскими поселенцами за пустую плату. Эти арендованные тоже застроены русскими домами, в них сделаны русскими насаждения, и Соколинский думает, что возврат этих участков киргизам не состоится. Несправедливости, которые ранее сего года чинились через переселенческое управление, Соколинский объясняет несколькими причинами: 1) наплывом самовольно осевших на киргизских землях русских, которых надо было спешно устроить, 2) разностью во взглядах на право киргиз на землю разных генерал-губернаторов, 3) излишним рвением агентов переселенческого дела.

При проезде долее других пришлось остановиться в сел. Беловодское, где были убиты несколько сот безоружных, невинных киргиз. При въезде в сел. Беловодское справа и слева дороги стояли вдовы убитых в киргизском траурном одеянии и, как по команде, подняли плач, прося меня вернуть их мужей. Соколинский считает, что эта жестокая расправа принесла пользу, ибо остановила колеблющихся киргиз разных волостей пристать к бунту, к чему они готовились.

Крепко пригрозил населению, если кто теперь вздумает грабить, будь то киргиз или русский, отдачею под военный суд и виселицею по законам военного времени.

Общие просьбы всего населения: 1) дать оружие, 2) прибавить земли. Оружие обещал дать, а относительно земли указал, что надо учиться более получать с той земли, которая им уже дана: многим до 20 десятин на двор, в том числе пять десятин поливных. Указывал, что надо начать удобрять навозом и привозить для удобрения жмыхи с маслоделательных заводов. Указывал, что надо суперфосфат и томас-шлак. Надо поискать, нет ли суперфосфата на месте. Надо поискать каменный уголь, чтобы сохранить навоз. Киргизское население всюду встречало своими представителями волостными и старшинами. Вид приниженный, подавленный...

Сейчас докладывал мне инженер Тынышбаев, что два пристава в Аулиотинском уезде мошенничают. Один, что в Мерке, обложил киргиз податью в 2 рубля, под предлогом, что родился второй наследник, и с обещанием освободить их от поставки рабочих.

Он же рассказывал, что с приезда выслушивает киргизских старшин волостей, окрестных Пишпеку. Они просят разрешить тем волостям и тем киргизам, которые не участвовали ни в каких беспорядках, возвратиться на их место. Их жены и дети спрятались в горах и там голодают. Обещают поставить рабочих, дать лошадей, выдать виновных. Говорили Тынышбаеву, что ограблены русским населением, что в каждой хате и куточках можно найти много награбленного добра, найдутся у многих целые кибитки.

Рассказывал невероятный случай, будто сегодня, когда население Пишпека готовилось встречать меня, толпа русских на площади забила камнями одного киргиза, заподозренного в том, что он нападал на русских. Этот случай скрыли от губернатора, и он узнал о нем только от меня сегодня вечером. Вместо доклада мне, послал его разобрать претензии киргизских представителей и дело об убийстве киргиза.

Надо крепко установить, что самосуд как с той, так и с другой стороны будет строго караться. Распущенность населения большая.

Соколинского обвиняют, что он мироволит киргизам, и обвиняют в измене. Каждого, кто защитит киргиз, обвиняют в измене. Надо тяжко наказать киргиз, но сурово прекратить и самосуд русских, иначе правильная жизнь не восстановится. Очень трудное положение. Многое испорчено вкорне. Соколинский и уездные начальники считают, что среди русского населения много отбросов, распущенных и даже преступных.

Все обдумываю, как наладить дело в Семиречьи, как восстановить в этом богатом крае мирную жизнь, как помирить русское население с киргизским. Прихожу к заключению, что необходимо на долгий срок разъединить, где представится возможным, эти народности. Надо образовать русский уезд кругом оз. Иссык-Куля, отобрав у киргиз земли вокруг этого озера за совершенные ими злодейства; с другой стороны, надо образовать особый киргизский горный уезд с центром в Нарынском укреплении и с двумя приставствами среди киргиз. Но из этого уезда заброшенные там русские селения перенести на берега озера Иссык-Куль, в том числе и Атайку. Туда же надо перенести и несколько казачьих станиц. К Иссык-Кулю надо скорее провести железную дорогу, и тогда этот край расцветет. Там можно развить огромное скотоводческое хозяйство, даже с привлечением иностранного капитала. Там можно широко поставить государственное коннозаводство. Миллионы пудов пшеницы и миллионы пудов мяса в холодильных вагонах пойдут в Европейскую Россию.

Другую полосу земли, где тоже лилась русская кровь, надо захватить в свои руки — это между Джаркентом и Пржевальском, где было разграблено Каркора. Это даст в долине Текесы огромные угодья для коневодства. В XV веке в этих местах Темерлан собирал огромную конную рать и кормил ее.

Киргизам тоже надо открыть новые задачи для их деятельности. Последние 40 лет точно безмолвно согласились стереть с лица земли это симпатичное, добродушное, наивное, но и дикое еще по нашей же вине племя. Махали на него рукою. Считали, что роль его кончена. Что прогресс для него — это переход к оседлости. Это не так. Киргиз — прирожденный скотовод и кочевник. В этом и надо видеть его силу. Огромная площадь земель в Средней Азии только и пригодна для кочевки и скотоводства. Киргиз же — прирожденный кавалерист. Это тоже надо использовать. По моему мнению, киргизскому населению надо поставить следующие задачи в будущем:

1. Давать нашей армии коневые средства. Для сего всех киргиз надо обратить в коневодов для производства нужной для нашей армии лошади. Идут по ложному пути. Все хотят кровных, нежных пород лошадей скрещивать с киргизскими мат-

ками. В случных конюшнях работа будет носить второстепенное значение. Надо дать жеребцов в киргизские косяки. А жеребец, например, Карабалты, конечно, табунной жизни киргизской лошади не выдержит: слишком нежен. Надо поэтому, не теряя времени, в наших рассадниках лошадей приступить к выработке сурового типа жеребца для киргизских табунов. Станичные табуны Донского войска, виденные мною, могут помочь в этом деле. По моему мнению, первоначальною задачею надо поставить увеличить рост киргизской лошади на один вершок.

Я прочел проект Стаховича о перенесении коннозаводческого дела в Среднюю Азию. Много хорошего, но с его мнением нельзя согласиться. Проект базируется, главным образом, на случных конюшнях, рассадниках лошадей и частном коннозаводстве на манер существующего в Европейской России. О киргизах и киргизской лошади сказано только вскользь. Между тем, главною задачею, по-моему, надо поставить работу самих киргиз как коневодов.

2. Киргизы должны давать миллионы овец на мясо, шерсть, шкуры, овчины и пр. Это дело тоже не регулировано должным образом, и в несколько лет накопленный приплод может пропасть от бескормиц в суровую зиму, что и бывает, когда гибнут сотни тысяч животных.

3. Киргизы — отличные, неутомимые наездники, необычайно зоркие, отлично ориентирующиеся в местности, должны со временем составлять видную, если не главную, нашу силу для укомплектования конницы.

Одним из средств поднять киргизское население для выполнения поставленных выше задач должны служить школы, преимущественно профессиональные, знание русского языка, приобщение их к русскому закону, русской культуре.

Сейчас инженер Васильев подробно докладывал порученные ему работы по оросительным работам из р. Чу. Смутно решен вопрос, что делать с орошенными землями.

Надо попытаться на землях, кои будут орошены Васильевым устроить казаков Семиречья, особо нуждающихся в земле и надеющихся получить земли от оседлых киргиз, давно на них сидящих близ г. Верный.

10 ноября. Аральский поселок.

Тургайский губернатор Эверемон считает себя крепко обиженным. Приезжал повидаться со мною и пожаловаться. Начались волнения в Тургайской области в двух уездах: Тургайском и Иргизском.

По его просьбе, я выслал ему сотню казаков 4-го Оренбургского полка, которые очень помогли Иргизу, уже осажденному киргизами. Эверемон дал депешу, где просил оба эти уезда подчинить мне. Я, конечно, уклонился, ибо там есть свое начальство. Из Петрограда, не объявляя военного положения в уездах, отказавших дать рабочих, назначили оренбургского атамана Тюлина главным [?] этих двух уездов. В то же время Сандецкий выслал на Чалкор и далее войска под начальством Лаврентьева (ген.-лейт.), который не признает Тюлина. Явилось три начальника. Эверемон хочет в отставку. Дал ему совет поставить на первое место дело, а уже потом свои личные интересы, помочь Тюлину и Лаврентьеву всеми силами, охранить киргиз от излишних жестокостей, помочь обеспечению всем необходимым войск. Войска прибыли на ст. Чалкор ранее, чем были для них заготовлены запасы и перевозочные средства.

---

22 декабря закончил большую работу: опрос мнений представителей русского и туземного населения относительно вопросов, связанных с пересмотром «Положения об управлении Туркестанского края». Для такого опроса я посетил Скобелев, Самарканд, Мерв, Асхабад и устроил ряд совещаний с представителями Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей. Много услышал разумного. Многое будет принято во внимание уже теперь для текущей деятельности по управлению краем и после, при проектировании изменений в существующем законе. Устроено мною было более 20 заседаний. Русские крестьяне, сарты и киргизы произвели на меня на этих заседаниях очень благоприятное впечатление. Разумные и не слабые люди. Как на основании ревизии и объезда края, так и на основании всего мною услышанного на докладах и совещаниях, общие выводы о положении Туркестанского края для меня пока вырисовываются в следующих общих заключениях:

I.

Население пришлое.

Около полумиллиона душ. Главная масса русских — земледельцы. В городах пришлое население составляют, вместе с русскими, армяне, выходцы с Кавказа, грузины, татары. Персидские подданные (Асхабад более персидский, чем русский город). Туземные и русские евреи и пр.

Русские, главным образом, группируются в Семиречьи (300 тыс. душ), образуя ряд селений преимущественно по почтовому тракту на г. Верный.

Земледельческая деятельность русских обширна, но русские селения даже 40-летнего существования устроены

только по форме: есть церкви, школы, сельские и волостные управления, народный суд. По существу только небольшое число селений устроено прочно. Общая жалоба прежде всего на необеспеченность водою и на необходимость прибавить земли [1]). Большинство селений в Семиречьи пользуется землею на общинном праве с переделами. Обработка земли довольно первобытная, навоз сжигают, земля выпахивается, дает урожаи очень слабые с 25 до 60 пуд. пшеницы с десятины. Очень многие селения Сыр-Дарьинской и Закаспийской областей не имеют поливной земли. Сеют хлеб богарный, с слабыми и случайными урожаями. В Семиречьи многие селения главные посевы ведут на арендованных у киргиз землях или при переложной системе. Переселенческое управление, быстро основывая новые селения, не приложило забот научить население лучше пользоваться отведенными русским людям землями. Предстоит еще огромная в этом отношении работа. Сады не развиты. Машинный способ обработки применяется; в общем, даже при примитивности хозяйства, население живет зажиточно.

Несправедливость: в Семиречьи остались дома только старые люди — молодежь на службе. В Сыр-Дарьинских селениях вся молодежь дома (родившиеся в Туркестане до сих пор освобождены от военной службы).

Церквами обеспечены. Певчих почти нет.

Школами по статистике обеспечены, но крестьяне, без исключения во всех областях, горячо жаловались на свои одноклассные школы, министерские и церковно-приходские. Утверждали с основанием, что «они ни к чему»: даже не могут приготовить волостного писаря; все волостные писаря — пришлый элемент. Проучившись три года, быстро все забывают, и остается уменье только подписать свою фамилию. Жалуются на преподавательский персонал. Утверждают, что в году собственно учатся только $^1/_3$ года, что занятия идут только до часу дня, а иногда и ранее. Очень просят скорее давать им высшие начальные школы.

Своим сельским, волостным и судебным устройством довольны (в общем). Просят расширить компетенцию волостного суда. Судятся очень редко. Были представители волостей, где волостной суд собирался два раза в год, на кражи не жалуются. До этого года жили дружно с киргизами.

Промышленная и торговая деятельность пришлого населения не в русских руках: евреи, армяне, разные выходцы с

---

[1]) Прибавку земли просят и имеющие на двор 20 десятин. — Примечание в подлиннике.

Кавказа оттесняют русских. Правительство, насаждая русские селения, не озаботилось дать русскому населению средства и уменье стать во главе промышленной и торговой деятельности края. Нет профессиональных школ, нет системы, нет забот передать в руки русских мастерства, создать русских техников, низших и высших.

Масса учебных заведений преследуют общеобразовательные цели и составляют ступень к университетам. Даже дети нижних чинов наполняют гимназии. Дети крестьян, например, из богатых селений в Голодной степи, отдают своих детей в гимназии и потеряют их для земледелия. Надо скорее основывать профессиональные школы. Кавказские выходцы, захватывая мелкую и крупную торговлю, в то же время являются содержателями разных притонов, торгуют запрещенною водкою, вином.

II.

Туземное оседлое население.

Очень трудолюбиво. Хлопок дает огромные доходы. Многие разбогатели. Но за последнее время, с ростом богатства отдельных лиц, есть признаки, что масса не богатеет. Земли переходят в руки богатых и туземных евреев. Очень озабочен выяснением размера обезземеления населения. Туземная администрация, особенно волостные и туземные судьи (казии), забрали в свои руки в трех основных областях края, особенно в Ферганской области, огромную власть. Они угнетают и грабят население. Русская администрация малочисленна и часто не на высоте своей роли. По искам к населению казии выдают исполнительные листы даже на всю, без исключения[1]), землю, и пристава, получившие обязанности судебных приставов, безжалостно, вместе с волостными, продают земли часто за дутые долги. Принимаю меры остановить это зло.

С положением по управлению Туркестанским краем 1887 г. (работа Гирса) от уездной администрации пытались отнять попечительную деятельность, ограничив только полицейскими обязанностями. Администрация наша малочисленна и плохо обеспечена материально. Надзор за туземными школами недостаточен. Надзора за конфессиональными школами нет. Мы за последние 30 лет не приблизились, а отдалились от туземного оседлого населения. В результате — беспорядки на почве поставки рабочих, пролитие крови, разгром, взаимная вражда и взаимное недоверие. Надо много поработать,

[1]) По приказу 6 танапов должен быть минимумом, не подлежащим продаже. Примечание в подлиннике.

чтобы направить деятельность туземного оседлого населения в правильное русло и уберечь его в самом главном: уберечь мелкое землевладение. И тут, в добавление к этой мере, необходимо реформировать туземную школу, сблизить ее с русскою, дать ей практический характер. Надо уменьшить власть казия и волостных, о чем просили сами представители туземного населения. Надо школу для образования переводчиков.

III.

Туземное кочевое население.

Киргизы последние 30 лет и, особенно, последние 12 лет теснились во всех направлениях. У них с 1904 г. только, по Семиреченской области отобрано несколько миллионов десятин земли, часто без разбора, нужны или не нужны жизненно эти земли киргизам. Возник ряд русских селений — это плюс. Но возникла и неприязнь киргиз к русским и русской власти — это минус. В особенности для меня необъяснима отдача в 1913, 1914 и 1915 гг. 1 800 000 десятин Семиреченской области под скотоводство разным лицам, в том числе полицеймейстеру г. Верный Поротикову 10 000 десятин. Боюсь, что это будет хуже знаменитых «башкирских земель». Мы сами не знали, куда клоним. Обращая киргиз к оседлой жизни, наделяли их только пахотною землею, а скотоводческие участки — 1 800 000 десятин — отдавали аферистам, не киргизам. В то же время во всех областях края шла вакханалия с лесными площадями края. Их хозяевами, по существу, явились лесные объездчики, которые стали всеми силами теснить киргиз, туркмен и сартов [1]). Их теснили в пользовании не толькко на участках, отобранных в казну, но и на участках, оставленных в пользовании населения как кочевого, так и оседлого. Принимаю меры остановить самоуправство лесного ведомства. Борьба будет трудная, но не остановлюсь перед самыми решительными мерами.

Уверен, что киргиз можно призвать к новой жизни. Нужно дать им просвет в их безотрадном ныне положении. Надо создать из них полезную для России группу населения. Не надо для этого обезземеливать их и тянуть насильно к переходу к оселой жизни. Как кочевники и как коневоды, они будут более полезны России, чем как плохие земледельцы. С введением и у них воинской повинности, они дадут прекрасный материал для укомплектования нашей конницы и обозных

[1]) Мервские лесничие теснили население даже в Чарджуе и Керке.— (Примечание в подлиннике.)

частей. Об этих взглядах я уже писал управляющему государственным коннозаводством Стаховичу. То же, что до сих пор проделывалось над киргизами, имело результатом восстание их в Семиреченской области и гибель 2 500 русских людей. В совещании с киргизами выяснился отрадный факт: интеллигентные киргизы идут против своих родичей, которые ищут суда по шариату и замены шариатом своего адата.

Киргизы жаловались, что большие денежные жертвы, принесенные ими в целях получить образование, не были использованы. Жаловались, что русско-туземные школы не давали их детям знания русского языка, просили хорошей школы. Представители от киргизского населения высказали дружно свое недовольство судом биев и недовольство самовластием своих волостных старшин. Просили защиты от лесного ведомства. Просили закрепить за ними такие земельные участки, которые по произволу каждого мелкого чина переселенческого управления нельзя было бы отбирать у них. Жалобы — основательные. Просили оградить их от деятельности охранного отделения (провокация).

IV.

Туркмены.

Мои старые друзья туркмены встретили меня родственно. Среди них я отдыхал душою. Мервские туркмены очень разбогатели, но тоже одни пошли слишком вверх, а другие остались бедняками. Главная их жалоба — на недостаток воды и недостаточную обеспеченность ее от захватов управлением Мургабским государевым имением. Это управление поступает с водою туркмен бесцеремонно. Но и областное начальство неправо: выше Мерва допустило каких-то арендаторов, которые поставили машины, подымают воду и орошают отведенные им в аренду землю. Приказал эту аренду прекратить.

Другая очень острая жалоба на провокаторские действия агентов охранного отделения. Вместе с одним армянином они вводят террор: требуют — или деньги (взятку) или попадешь в тюрьму по обвинению в политической неблагонадежности. И таких засажено было немало. Назначенным по моему приказанию расследованием подтвердились жалобы эти, и около 8 человек агентов охранки я засадил в тюрьму.

Теджентские туркмены тоже очень понравились. Асхабадские, очень мне симпатичные, материально обставлены хуже других (менее воды), но работают бодро и надежны. Почти от одного этого уезда выставлен Текинский полк, который отлично дерется на юго-западном фронте.

Туркмены иомуды наделали мне хлопот, а себе горя. Они отказались выставлять рабочих, напали на русские селения, напали на наши посты. Вынудили к отступлению (уверен, напрасно отступили) одну из наших колонн. Идет теперь против них серьезная экспедиция под начальством генерала Мадритова.

II

Рапорт А. Н. Куропаткина на имя Николая Романова.

Секретно.

Его императорскому величеству Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа

Рапорт.

Высочайшее повеление о привлечении туземцев Туркестанского края к работам в тылу армии, сообщенное телеграммой министра внутренних дел 28 июня 1916 г. № 18991, вызвало серьезные беспорядки в областях Туркестанского края как среди оседлого, так, в особенности, среди кочевого населения.

Беспорядки начались в Самаркандской области, и только в этой области, из всех трех коренных областей Туркестана, беспорядки в Джизакском уезде, начавшиеся 13 июля, приняли форму открытого восстания. В самом Джизаке были зверски убиты уездный начальник полковник Рукин и пристав, капитан Зотоглов, а в уезде убиты и изуродованы Зааминский участковый пристав Соболев, жители русского селения Заамин, чины лесной стражи и партия статистиков министерства земледелия; всего по Джизакскому уезду погибло от рук мятежников 83 человека русских людей; 20 человек оказались ранеными, и, сверх того, было захвачено и уведено в плен до 70 чел. преимущественно женщин и детей, причем большинство женщин были изнасилованы. Для подавления мятежа в Джизакском уезде из Ташкента был отправлен особый карательный отряд, действиями которого к 1 августа население было приведено к полной покорности.

В прочих районах области беспорядки ограничились нападениями на чинов низшей администрации, коих было убито 4 человека и ранен 1.

Материальный ущерб от беспорядков выразился: а) в порче железнодорожного полотна и сожжении станционных сооружений на участке от ст. Джизак до ст. Обручево, протяжением 65 верст; в сожжении 40 казенных и 9 частных построек и б) в потере русским населением 150 лошадей, 255 голов крупного и более 1 000 голов мелкого скота.

Утерянное частное имущество оценивается владельцами, повидимому преувеличенно, свыше 1 млн. рублей.

В Сыр-Дарьинской области. 11 июля в туземной части гор. Ташкента произошли беспорядки, хотя и незначительные (ранены были 2 полицейских), но, вследствие особого положения Ташкента, как главного города края, оказавшие влияние на умы туземцев, в частности на развитие беспорядков в Джизаке.

Беспорядки в других пунктах области выразились в противодействии составлению чинами туземной администрации списков подлежавших набору рабочих, причем были убиты 6 чинов туземной администрации.

В Аму-Дарьинском отделе 24 июля толпой киргиз были зверски убиты Чимбайский участковый пристав Микельджанянц и его жена.

С 11 августа в граничившей в Семиреченской областью восточной части Аулие-Атинского уезда, как отголосок киргизского восстания в Семиречье, начались волнения киргиз, разразившиеся к концу августа и в начале сентября дерзкими нападениями на наши почтовые станции и поселки, сопровождавшимися убийствами русских крестьян и уничтожением их имущества.

Особенно пострадало селение Ново-Троицкое, находившееся вдали от других русских поселков, на границе Аулие-Атинского и Пишпекского уездов, где погибло до 40 жителей, сожжено несколько усадеб и угнан почти весь крестьянский скот. Для усмирения мятежников потребовалась высылка особого отряда, с прибытием которого беспорядки 24 сентября прекратились.

В середине ноября тревожное настроение киргиз Казалинского уезда в связи с беспорядками, возникшими в Тургайской области.

Всего в области убито 3 чина русской и 6 чинов туземной администрации; из русского населения убито 45 и ранен 1.

Материальные убытки еще выясняются.

В Ферганской области. Отдельные проявления беспорядков были направлены преимущественно против полиции и лиц туземной администрации и имели целью препятствовать в той или иной форме составлению списков рабочих. Первые беспорядки произошли 9 июля одновременно в городах Коканде и Андижане, причем в последнем толпа, с участием фанатично настроенной молодежи из учеников медрессе, грозила перерезать всех должностных лиц и бросала камнями и палками в полицию и казаков; после нескольких выстрелов, коими были ранены 22 туземца, толпа разошлась.

11 июля в г. Наманган, при рассеянии огромной толпы, угрожавшей воинской команде, убито 12 и ранено 38 сартов.

Во время беспорядков в других пунктах области были убиты 1 русский стражник и 11 чинов туземной администрации.

Материальные убытки еще выясняются.

В Семиреченской области. Первые сведения о мятеже киргизов были получены 6 августа; в этот день, в юго-восточной части Верненского уезда, в долине реки Асы, две волости оказали вооруженное сопротивление помощнику уездного начальника, прибывшему для составления списков рабочих. Того же числа, в районе станции Самсу, в 80 верстах к западу от Верного, скопища киргиз испортили телеграф и нарушили правильность почтового сообщения, разрушая почтовые станции, совершая разбойные нападения на почту, забирая имущество и пассажиров и угоняя лошадей.

К 9 августа уже были разгромлены все почтовые станции от Курдая до Верного.

Взбунтовавшимися затем киргизами 6 волостей в окрестностях Пишпека и Токмака было прервано всякое сообщение с Пржевальском; одновременно началось восстание и в окрестностях Пржевальска. Большие скопища киргиз, частью вооруженных, появившись в районе Кастекских гор и в горных ущельях по долинам рек Асы, Чилика, Сусамыра, Большого и Малого Кебина и в верховьях Таласа, делали набеги на русские селения, истребляя имущество и зверски убивая попадавших в их руки русских жителей.

В действиях киргизских шаек замечалась некоторая организованность: часть их имела особые значки — знамена; у некоторых бунтовщиков на шапках были надеты однообразные металлические бляхи; применялась сигнализация для передачи сведений о движении наших отрядов; в горах были устроены мастерские для изготовления пороха и выделки холодного оружия.

Еще перед началом восстания киргизами был захвачен, после гибели небольшого конвоя из 3 нижних чинов, транспорт оружия из 170 берданок и 40 000 патронов, следовавший в Пржевальск. Часть вооружения была доставлена мятежникам из пограничных местностей Китая.

Главными очагами восстания явились горные местности южной части Пишпекского уезда и весь Пржевальский уезд с прилегающей к нему южной частью Джаркентского уезда. В этом районе подверглись разгрому почти все русские поселки, уцелевшие жители которых укрылись в селении Токмаке и городах Пишпеке и Пржевальске. В одном Пржевальском уезде в имущественном отношении пострадало 6 024 семейства русских поселенцев, из коих большинство потеряло всю движимость. Из чинов администрации погибли: помощник Пржевальского уездного начальника подполковник Каичев и пристав За-

горных волостей Пишпекского уезда Меньшиков со всем своим конвоем, а из отдельных воинских команд: в Нарынском участке 1 прапорщик с 9 казаками и 8 солдатами, в Каркаре — 24 казака и в окрестностях Джаланаша — 6 казаков.

В остальных уездах Семиреченской области не было столь резких проявлений мятежа, но замечалось брожение среди киргизских масс. Около 17 волостей северной части Джаркентского уезда и нескольких кочевых волостей из Прибалхашского района Верненского, Копальского и Лепсинского уездов собирались переселиться в Китай, но, в большинстве случаев, эти попытки не удавались, и киргизы, изъявив покорность, возвращались на свои кочевья.

Для усмирения восстания Семиреченских киргиз из других областей края было направлено 3½ дружины, 7 рот стрелков из состава запасных полков, 5 сотен и 14 орудий. Войска эти высланы были в Семиречье в трех направлениях: со стороны Андижанана Нарынское укрепление, со стороны Черняева — вдоль почтового тракта на Пишпек и Токмак и кружным путем по железным дорогам на Семипалатинск и оттуда походом на Сергиополь — Лепсинск — Верный.

Кроме того, из действующей армии присланы были два казачьих полка с казачьей батареей и двумя кольтовскими пулеметными командами, из коих 7-й Оренбургский казачий полк направлен был через Черняев, а 9-й Сибирский казачий полк через Семипалатинск на Верный. С прибытием этих войск бунтовавшие киргизы, после незначительного сопротивления, оттеснены были в пограничные горы и, терпя недостаток в продовольствии, теряя скот от недостатка в горах подножного корма, вынуждены были просить о помиловании.

Однако 39 волостей мятежных киргиз Пржевальского и Пишпекского уездов и дунгане села Мариинского, вместе с наиболее видными вожаками, после сосредоточения в районе восстания наших войск, через сырты и горы, забрав с собой захваченных ими в плен русских, перебрались в Китай и поселились частью в Кашгарской и Кульджинской провинциях, частью же во внутреннем Китае; вследствие потери весьма значительного количества скота беглецы, по сообщению наших консулов, болеют, бедствуют; ныне получили разрешение вернуться.

По доставленным уездными начальниками сведениям, число жертв мятежа в Семиреченской области из гражданского населения выражается в следующих цифрах:

В Верненском уезде убито	16	чел.
» Джаркентском » »	32	»
и без вести пропало	20	»
В Пишпекском уезде убито	98	»

и без вести пропало . . . . . 65 чел.
В Пржевальском уезде убито . . . . . 2 179 »
и без вести пропало . . . . . 1 299 »

Потери в войсках: убито 3 офицера, 52 нижних чина; ранено 41 нижних чина и без вести пропало 75 нижних чинов.

В Закаспийской области объявление высочайшего повеления о наборе рабочих было встречено населением в общем спокойно, хотя отдельными обществами выражались пожелания о замене натуральной повинности денежной и недовольство тем, что туркмены, подобно сартам, должны будут сделаться рабочими, так как, по мнению туркмен, работа с кетменем и киркой не достойна храбрых людей, призванных быть воинами. Заявляя об этом, туркмены Мервского уезда просили свою бывшую ханшу Гюльджемал быть посредницей между ними и высшим правительством. После объявления туркменам, что поставляемые ими люди будут нести лишь сторожевую и охранную службы, большинство туркменских племен — текинцы Ахала и Мерва (уездов Асхабадского, Тедженского и Мервского), из которых уже ранее был сформирован конный Текинский полк, доблестно несущий боевую службу в действующей армии, беспрекословно выставили потребованное от них число людей. Однако в пограничных с Персией местностях Красноводского уезда, населенных кочевниками из племени иомудов, откочевавших на зимнее время в пределы Персии, глухое недовольство перешло постепенно к проявлениям открытого неповиновения и мятежа.

Первое проявление беспорядков возникло в районе реки Атрека в середине августа: 15 и 16-го числа этого месяца туркменами было оказано вооруженное сопротивление Чикишлярскому приставу, прибывшему в район поста Курбанказ для составления списков стражников, причем были обстреляны патрули и разъезды сопровождавшей пристава команды и убиты 2 и ранены 3 нижних чина. В то же время в окрестностях укрепления Чатлы появились многочисленные скопища иомудов, прервавшие телеграфные сообщения с Чикишляром.

Во второй половине августа большие скопища иомудов начали переходить из русских пределов в персидские степи. Это переселение продолжалось и в сентябре, причем из Красноводского уезда перешло в Персию более 2 000 кибиток иомудов, привлекших на свою сторону также весьма значительную часть племен джафарбайцев, атабайцев и ак-атабайцев.

В 20-х числах сентября в русских поселках по Гюргеню стали появляться случаи угона скота туркменами, а возле Астрабада вооруженные берданками и 3-линейными винтовками туркмены 2 раза обстреляли наш казачий разъезд, ранили 2 казаков и заняли укре-

пление Ак-Кала, откуда открыли сильный огонь по высланному из Астрабада нашему отряду, стреляя разрывными пулями. После двухчасовой бомбардировки Ак-Кала была очищена туркменами, которые, понеся большие потери, бежали к морю.

С 25 по 29 сентября туркменские шайки разгромили в районе реки Гюргень 3 русских имения и произвели ряд нападений на наши поселки; при этом 4 селения были разрушены и 2 селения пострадали; жители этих селений были выведены под охрану русских войск в ближайшие к Гумбет-хаузу поселки.

Выступивший 30 сентября из укрепления Чатлы в Гумбет-хауз наш отряд, силою 100 штыков и 150 сабель, с тремя пулеметами и двумя орудиями сопровождавший обоз и продовольственный транспорт, во время пути 2 раза подвергся нападению больших скопищ вооруженных скорострельными винтовками мятежников, причем в ночь на 1 октября были убиты ротмистр Пожарский и 2 нижних чина и ранены 2 нижних чина.

В течение октября шайки иомудов производили частые и весьма дерзкие нападения на наши отряды, транспорты и посты; при этом было убито 8 и ранено 2 нижних чина, из коих попавшие в руки иомудов 5 нижних чинов были зверски изуродованы.

Из русских поселков в долине Гюргеня особенно настойчивым нападениям подверглись поселки Донской и Саратовский.

В конце октября мятежные скопища появились и в окрестностях Ходжа-Нефеса, склоняя против нас доселе мирных туркмен приморского района; в то же время они осадили Молоканский поселок в устьях реки Карасу и угнали из его окрестностей крестьянский скот.

События, происходившие в районах Атрека и Гюргеня, отразились в октябре и в других местностях Закаспийской области, прилегающих к Персии, выразившись в форме разбойных нападений на наши железнодорожные сооружения и станции и попытках порчи полотна железной дороги, мостов и телеграфа в районе станции Теджен. Произведенная 6 октября попытка внезапного нападения на город Теджен, своевременно предупрежденная, была отбита, причем во время перестрелки у нас были убиты 3 нижних чина и тяжело ранен мостовой сторож.

Близ города Серахса, при формировании партии поставленных населением стражников, произведено было нападение с целью отбить эту партию, но она благополучно проследовала в Теджен.

В ноябре месяце мятежная деятельность иомудов в Астрабадской провинции выражалась в тех же формах, что и в октябре, но замечалось скопление их в более крупные шайки, руководимые главарями:

Баба-Клычем, Шихи-Ханом Диведжи и Эссен-Ханом. В первой половине ноября главные силы иомудов находились в западной части Астрабадского района, на побережьи Каспийского моря, где к ним присоединилось большинство приморских джафарбайцев. В этом районе с 4 по 11 ноября иомуды несколько раз пытались учинить разгром рыбных промыслов в Лианозовых, между поселками Гюмиш-Тепе и Карасу, но были отбиты при участии огня артиллерии и десанта с судов Ашур-Адинской морской станции. С середины же ноября большие мятежные шайки появились в долине реки Гюргеня, образовав три главные группы — одну в районе Ак-Кала, близ горы Морава-Тепе и третью — в районе Чатлы. Последней группой 2 ноября был обстрелян направлявшийся из Кара-Кала в Гумбет-хауз отряд в составе 3 рот и батареи с транспортом из 300 верблюдов и 40 арб; мятежники, понеся большой урон, были рассеяны. В этом же районе 25 ноября сопровождавшие обоз из 400 верблюдов и 160 вьючных лошадей две роты 2-го Сибирского полка и сотня пограничников, по дороге из поста Кизил-Имам на пост Чат, были обстреляны иомудами, причем у нас был убит один и ранено 18 нижних чинов. Стесненный большим транспортом, отряд отступил в Кара-Кала.

К началу декабря для действий против иомудов собраны были весьма значительные, по азиатскому масштабу, силы, составившие Гюргинский отряд под общим начальством генерал-лейтенанта Мадритова (6 баталионов, 15 сотен, 18 орудий и 17 пулеметов).

6 декабря силы отряда, направленные со стороны Астрабада и Чикишляра, заняли оставленное бежавшими иомудами укрепление Ак-Кала, а затем направились к Гумбет — хаузу. При приближении наших отрядов шайки иомудов искали спасения в бегстве.

Очистив от мятежников западную часть Астрабадской провинции, захватив несколько главарей и отобрав при этом до 1 000 винтовок, генерал-лейтенант Мадритов направился вслед за бежавшими к Морава-Тепе.

В то же время к Морава-Тепе направлен был с севера из Кара-Кала отряд, силой в 2 роты и 1 сотню; преодолев упорное сопротивление иомудов, отряд, потеряв убитыми 8 и ранеными 11 нижних чинов, занял перевал через трудно доступный по крутизне хребет Сягирим-Даг; отошедшие иомуды закрепились на следующем хребте — Кара-Баир Даг. Однако приближение главных сил генерала Мадритова к Морава-Тепе с юга заставило иомудов отойти и с последнего хребта, очистив путь к Каракалинскому отряду.

Стиснутая нашими отрядами с севера и юга, главная масса мятежников бросилась на запад, но здесь, настигнутая преследовавшими

их нашими войсками, в боях 28—31 декабря, в районе восточнее линии Чат-Яглы Олум, была разгромлена. Ныне главные вожаки мятежных племен частью захвачены, частью сами явились с повинной, прося о пощаде.

За время экспедиции генерал-лейтенанта Мадритова, в течение декабря, наши потери выразились следующими цифрами: убито 2 офицера и 30 нижних чинов, ранено 28 нижних чинов и без вести пропали 2 нижних чина.

Всего же, за время иомудского мятежа, убито 2 офицера и 59 нижних чинов, ранено тоже 2 офицера и 59 нижних чинов и без вести пропало 3 нижних чина. Сверх того, убит 1 телеграфный чиновник.

Потери среди русских поселенцев еще не выяснены, но ничтожны: материальный же ущерб их определяется приблизительно до 300 000 рублей.

Ныне, с выдачей главарей туркмен-иомудов и прибытием с повинной главного предводителя их Баба-Клыча, можно признать, что беспорядки и восстание прекращены во всем Туркестанском крае.

Принятие военных мер и спокойное ознакомление населения с тем, что от них требуется, твердое указание, что их ожидает, если требования не будут выполнены, отрезвили туземное население. Оно признало свое бессилие противиться русской власти и всюду выполняет высочайшую волю о поставке рабочих.

Выставление рабочих от киргизского населения Семиреченской области запаздывает как вследствие волнений в этой области, так и вследствие необходимости дождаться появления подножного корма.

Эти беспорядки с наступлением теплого времени и появлением подножного корма могут возобновиться, ибо хотя они и подавлены силою оружия, но причины, вызвавшие эти беспорядки, не все устранены, и положение Туркестанского края еще и в настоящее время не может быть признано спокойным.

Такое ненормальное состояние обширного Туркестанского края в то время, когда все силы и средства всей великой России нераздельно должны направляться к достижению полной победы над сильным внешним врагом, обязывает меня с полной откровенностью доложить вашему императорскому величеству о главных причинах, вызвавших беспорядки, о принятых уже мерах военного и административного характера к их прекращению и, наконец, о мерах, кои, по моему мнению, должны быть приняты, дабы устранить в возможной степени возникновение подобных беспорядков в будущем.

Главные причины беспорядков в Туркестанском крае.

а) Поводом и ближайшей причиной беспорядков, несомненно, послужил призыв туземцев Туркестана к выставлению рабочих. Этот призыв, переданный в слишком спешном порядке, с приказанием ставить рабочих немедленно, поставил и население и администрацию края в тяжелое положение. При отсутствии посемейных списков и отсутствии регистрации населения по возрастам, требование выставить на работы мужское население в крае от 19 лет до 31 года представило огромные технические трудности и в то же время ставило население в крайне тяжелое положение, отнимая главную массу рабочей силы в период усиленных работ по реализации урожая.

Всевозможные слухи быстро проникли в народную среду и глубоко взволновали ее. Очень вредным оказался слух, что набор рабочих составляет в скрытом виде привлечение туземного населения к воинской повинности. Население волновали также слухи, что рабочие будут поставлены в сфере действительного огня для истребления их, с целью передать их земли русским переселенцам.

Агитация среди туземцев отчасти, как выяснило судебное разбирательство, велась и на политической подкладке, с участием некоторых представителей туземного духовенства.

Характерным показателем враждебной нам агитации может служить тот факт, что взбунтовавшиеся туземцы Джизакского уезда, избивая русских людей, кричали, что они не хотят быть больше русскоподданными, а хотят быть подданными «германа», в чем им поможет Афганистан.

Следствие устанавливает, что проживавший в Богданском участке, Джизакского уезда сын бывшего Чардаринского бека, Джевачи Абдужабаров, был избран Джизакским беком и открыл поход на Джизак с целью образования самостоятельного бекства.

В Санзарском участке того же уезда некий Таракул Турдабеков был объявлен Санзарским беком.

Наконец, в Зааминском участке, Джизакского уезда, Касым Ходжа был избран Зааминским беком.

Присутствовавшие среди туземцев пленные и агенты Германии и Турции тоже в своей работе нашли подготовленную почву.

б) Неудовлетворительность положения об управлении Туркестанским краем 1887 г. Попечительная забота русской администрации по отношению к туземному населению признана была излишнею. Уездных начальников приравняли к исправникам и этим отодвинули их от населения. Штат определили малочисленный и плохо мате-

риально обеспеченный. Эти меры передали фактическую власть над населением в руки туземной администрации: волостных, казиев и биев. Эти туземные власти заслонили население от администрации и приобрели огромную силу. В большинстве они служат помногу лет и не по выбору, а по назначению. Они, по проявленному произволу, как бы вернули времена до завоевания края русскими (власть беков). Народный суд стал неправым и неравным и вызывал, кроме Закаспийской области, недовольство населения.

Получив приказание о наряде рабочих, уездные начальники приказали туземным должностным лицам составлять призывные списки. Беспорядки и начались с требований населения прекратить эту перепись, выдать составленные списки. При этом сводились счеты с притеснителями (7 волостных, 6 писарей, 10 стражников убито).

Среди волостных, особенно в киргизских волостях, оказалось несколько преданных русскому правительству лиц, самоотверженно боровшихся с своими родичами и защищавших русские поселения и почтовые станции.

Среди чинов русской администрации имеются, особенно в числе уездных начальников, очень опытные и достойные лица. Они умело и самоотверженно работали, чтобы остановить волнение и работают и теперь. Участковых приставов оказалось совершенно недостаточно, и они не имели сил и средств остановить начавшиеся беспорядки.

В общем, чины администрации оказались неосведомленными о том, как отнесется население к призыву рабочих. Ранее чины администрации были неосведомлены о действиях волостных, недостаточно следили за народным судом, за школой и за духовной жизнью туземного населения.

Кроме этих общих причин, вызвавших беспорядки туземного населения, я считаю своим верноподданническим долгом донести вашему императорскому величеству и о причинах, кои в течение последних 30 лет накапливали недовольство своим положением среди различных групп туземного населения Туркестана.

Главнейшие из этих причин следующие:

У оседлого населения трех коренных областей Туркестана.

Развитие хлопкового хозяйства, особенно в Фергане, вызвало прилив в край огромных денежных сумм. Образовалась небольшая группа очень богатых туземцев наряду с обеднением мелких земле-

владельцев. Быстро развившееся в хлопковом деле машинное капиталистическое хозяйство сделало кустарный труд хозяев мелких земельных участков малопроизводительным. Явилась задолженность и потеря этих участков. Происходит скупка земель богатыми туземцами, в том числе и туземными евреями, увеличивая число безземельных. Быстрый рост учреждений мелкого кредита позволяет надеяться, что этот вредный в государственном отношении процесс обращения в пролетариев еще недавно спокойной и работящей части населения остановится. Насколько велика задолженность населения, видно из того, что только в Ферганской области, по сведениям судебного ведомства, за 1914 и 1915 гг. предъявлено было ко взысканию исполнительных листов на сумму свыше 16 млн. рублей.

Охранительные меры в целях сохранить за населением, даже при задолженности его, небольшие участки земли, не подлежащие продаже, на практике не всегда применялись, вследствие неясности и отчасти противоречивости мероприятий охранительного характера, наряду с определенными законоположениями о взысканиях с должников по бесспорным документам.

За долги у туземцев продавались во многих случаях все без исключения земельное имущество и инвентарь.

Волостные старшины и судьи (казии) стали во многих случаях на сторону богачей и решали дела в их пользу с явным пристрастием. Обедневшая масса населения в трех основных областях в значительной степени стала недовольною своими туземными властями, судьями и при возникших беспорядках обрушилась на волостных старшин и писарей.

Обилие денег у части населения сопровождалось падением нравственности, особенно у туземной молодежи. Кутежи, пьянство, разврат и азартная карточная игра возмущали туземное духовенство и стариков и вызывали у них недовольство русским управлением, допустившим такое падение нравственности.

У киргизского населения.

Среди других народностей, населяющих Туркестанский край, киргизское население, составляющее до 2 615 тысяч душ, является наиболее бесправным относительно пользования землею. По существующему закону земли, которые ныне обеспечивают существование киргизского населения при кочевом образе жизни, признаются государственной собственностью и излишки их могут поступать в распоряжение казны. Слишком широкое толкование о размере этих излишков, особенно с 1904 г., повело к тому, что у киргизского насе-

ления были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казенных скотоводческих участков и казенных лесных дач — единственного владения казны. Это явление было отмечено уже при ревизии сенатора графа Палена, но на него не было обращено должного внимания. Но и на той земле, которая оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, это население стеснено в распоряжении этой землей лесною стражей. Малочисленная, дурно материально обставленная и лишенная должного контроля, эта стража является бичом населения. По всем областям при объезде края мне принесены на лесных объездчиков многочисленные жалобы. Старшие чины лесного ведомства признают наличность этих злоупотреблений, но без улучшения материального положения этой стражи, увеличения числа ее и точного определения границ казенных дач, не видят возможности прекратить притеснения и поборы, чинимые лесной стражей даже на землях, оставленных в пользование кочевого населения.

Кроме изложенного, киргизы недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей и своим народным судом биев.

У туркменского населения.

Главная масса туркменского населения, текинцы, осталась спокойна. Выставленный почти полностью этим населением Текинский полк доблестно сражается в рядах нашей славной армии. Туркменское население в большей мере, чем в других областях, довольно своей туземной администрацией, народным судом и земельным устройством. Наибольшие опасения и тревогу населения вызывает водный вопрос. Реки Мургаб и Теджен несут мало летней воды, которая разбирается полностью, и в последние годы количество ее значительно уменьшилось, по причинам, еще недостаточно выясненным, ибо истоки Мургаба и Теджена лежат в пределах Афганистана. Мургабское государево имение, дающее туркменам Мервского уезда очень значительные заработки и служащее примером правильного хлопкового хозяйства, тоже вызывает опасения за будущее: водные бассейны, собирающие весеннюю воду, постепенно заплывают и могут оказаться недействующими.

К сожалению, с 1912 г. среди туркмен, особенно Мервского уезда, возникла между отдельными лицами и отдельными партиями острая рознь из-за неумелой, а в отдельных случаях и преступной деятельности низших агентов охранного отделения. Неосторожное набирание охранных агентов, даже среди невежественных туркмен, дало этим избранным вредную и опасную власть. Начали сводиться личные счеты

на почве политической неблагонадежности, взимались взятки, а не дающих заключали в тюрьму по доносам об их политической неблагонадежности. Командированный по моей просьбе военным министром судебного ведомства генерал-лейтенант Игнатович подробно выяснил виновность отдельных лиц, кои, прикрывшись целью политического сыска, преследовали только личные цели.

Наиболее опасным и беспокойным среди туркмен элементом оказались, как то было и ранее, иомуды. Имея свои зимовые стойбища в пределах Персии, эти иомуды решили силою оружия не подчиняться распоряжению о поставке рабочих и, откочевав ранее обыкновенного в пределы Персии в район р. Гюргень, произвели, как указано было выше, ряд нападений на русские посты и русские селения.

Другая группа иомудов, подчиненная хивинскому хану, тоже до сих пор является угрозой спокойному течению жизни населения Хивинского ханства.

Причина смелости туркмен-иомудов, наших подданных, поднявших на нас оружие, крылась в надежде на нашу военную в Туркестане слабость и поддерживалась преувеличенными слухами о неудачах наших войск, действующих в Персии, и скором появлении турок в Тегеране.

Неспокойное состояние туркмен-иомудов в Хивинском ханстве поддерживается слабостью хивинских властей и несправедливым, в некоторых случаях, отношением их к нуждам этих туркмен-иомудов.

Вышеизложенная сложная и тревожная обстановка, создавшаяся в Туркестанском крае, обязывала к принятию ряда мер:

1) имевших целью, невзирая на беспорядки, оказывать содействие нашей армии в достижении полной победы;

2) мер военного и военно-политического характера, обеспечивающих внутреннее спокойствие края и охрану границ его со стороны Персии, Афганистана и Китая;

3) мер общего характера в целях успокоения и лучшего устроения Туркестанского края;

4) мер, принятых по военному положению края и вызванных восстанием туземного населения.

Приемлю смелость доложить кратко вашему императорскому величеству о главнейших из уже принятых мер.

Меры эти принимались как по указаниям центральных властей, так и мною лично, по предоставленным мне, доверием вашего императорского величества, правам главнокомандующего.

I.

Меры к содействию нашей армии в достижении полной победы.

Выставление населением Туркестана рабочих для тыловых работ и работ на оборону внутри империи налажено и ныне происходит в полном порядке.

По 1 февраля уже 110 тысяч, из них 4 163 человека проследовали через Семипалатинск на Омск, 4 373 по Средне-Азиатской железной дороге на Красноводск и далее на Баку; остальные по Ташкентской дороге на Оренбург.

Кроме того, по разрешениям из Петрограда, оставлено в пределах Туркестанского края для работ на железных дорогах и в предприятиях, работающих на оборону, свыше 10 000 туземцев.

Всего выставлено свыше 120 000 рабочих и будет еще выставлено до конца мая до 80 000 чел.

В течение войны отправлено из Туркестанского края нужных для армии грузов:

Хлопка 40 899 244 пуд.
Кошмы 38 004 кв. арш.
Хлопкового масла 3 109 000 пуд.
Мыла 229 000 пуд.
Мяса в заготовке отправлено 300 000 пуд.
Рыбы 473 928 пуд.
Клещевины 50 000 пуд.
Отправлено лошадей 70 000.
» верблюдов 12 797.
» повозок 270.
» юрт 13 441 шт.

Пожертвовано населением на нужды войны 2 400 000 руб.

Наиболее важною мерою для содействия армии нашей к победе является полное спокойствие и упорная работа на армию всего Туркестанского населения. В этом отношении особую важность и для Туркестанского края приобретает водворение и поддержание в нем спокойствия.

Независимо тех мер, кои перечислены ниже, для обеспечения спокойствия в Туркестанском крае потребовалось обеспечить население продовольствием до нового урожая и семенами для посева. Население, особенно Ферганской области, усиленно занимаясь посевами хлопка, живет в значительной степени привозным хлебом.

По донесениям военных губернаторов, общая потребность до нового урожая в привозном хлебе, считая и потребность в хлебе населения Бухары, определялась свыше 20 миллионов пудов.

Рядом принятых мер по лучшему использованию местных средств и по подвозу хлеба из Сибири и Европейской России, при полном содействии министров земледелия и путей сообщения, население края до сих пор обеспечено хлебом и притом по цене, доступной для бедной части населения. Тревогу вызывает лишь обеспечение даже в настоящее время части киргизского населения Семиреченской области, бросившей при восстании свои посевы и при движении наших войск укрывшейся в пределы Китая. Трудность подвоза продовольствия даже возвратившимся в наши пределы и изъявившим покорность бунтовщикам вызывается местными условиями (снега в Тянь-Шанских горах, отсутствие колесных путей, огромные высоты перевалов), но и по отношению к этим киргизам меры для доставки им хлеба принимаются. Но если по тем или другим причинам прекратится определенный ныне подвоз хлеба по железным дорогам, население Туркестанского края станет испытывать острую нужду в хлебе, и возможность возникновения беспорядков на почве голодовки еще не устранена до нового урожая.

Принимаются меры, чтобы и далее, до достижения нашею армией победы, все продукты, лошади, верблюды, скот, рыба, самым энергичным образом доставлялись в армию, не считаясь с временным недостатком этих средств для местного населения.

II.

Меры военного и военно-политического характера для обеспечения внутреннего спокойствия края и охраны внешних границ.

Волнения и восстания, охватившие обширные районы в Туркестанском крае, вызвали усиленное передвижение войск и использование для действий против бунтовщиков части маршевых рот запасных полков. Некоторые части войск, двинутые в Семиреченскую область, еще не возвращены на места постоянных стоянок. Военные действия в Гюргенском районе только что закончены.

Для поддержания спокойствия внутри края приняты меры к охране железных дорог, всех городских и некоторых сельских поселений и составлены соображения для быстрого передвижения войсковых частей к угрожаемым пунктам. В Семиреченской области и Гюргенском районе, куда трудно подать подкрепления, сосредоточены достаточные силы для первого отпора. После данного населению урока можно ожидать, что спокойствие не будет нарушено в трех основных областях края и в Закаспийской области.

Нельзя однако ручаться за то, что часть киргиз Семиреченской и даже Сыр-Дарьинской областей с появлением подножного корма не сделает новую попытку вооруженного выступления. Меры против такой опасности принимаются.

Что касается наших сил, предназначенных для охраны государственной границы, то таковые очень незначительны и вынужденно были ослаблены выделением частей из гарнизонов Термеза, Керки и Кушки для борьбы с мятежниками.

Опасность слабости нашей границы с Китаем облегчается нашими союзными отношениями с Японией. Под угрозой удара со стороны Японии, надо надеяться, Китай не осмелиться напасть на нас, что китайцам особо выгодно сделать со стороны Кульджи.

Слабость охраны нашей границы с Афганистаном более тревожна. Но и в этом случае наш союз с Англией создает столь действительную угрозу Афганистану, что эмир Афганистана, по имеющимся сведениям, намерен держать строгий нейтралитет. Но, если военные действия на европейских фронтах пойдут для держав Согласия неудачно, если, в особенности, турки на персидском театре войны вновь достигнут значительных успехов, Афганистан может еще стать в ряды наших врагов.

То же соображение применимо и к Персии. Взятие турками Тегерана и Тавриза может послужить сигналом возникновения в Персии переворота в целях вооруженного выступления против России совместно с турецкими войсками. Тогда волнения могут возникнуть в Закаспийской области, а с выступлением против нас Афганистана нельзя ручаться, что мусульманское население Бухары и даже всего Туркестана останется спокойным.

По этим соображениям, я придаю по отношению к Туркестанскому краю особое значение действиям в Персии корпуса генерала Баратова.

Если с переходом в наступление турки будут вытеснены из пределов Персии, уверен, что и Афганистан сохранит нейтралитет; тогда и поддержание спокойствия в Туркестане будет обеспечено. В целях усиления отряда генерала Баратова я предложил сформировать в Туркестанском крае две стрелковых бригады и их вместе с двумя казачьими полками направить на усиление генерала Баратова. Предложение это ныне приводится в исполнение, и два казачьих полка уже отправлены в Энзели.

Приемлю смелость высказать мнение, что обеспечение огромной государственной границы Туркестанского края по окончании великой войны полной победой славных русских войск, руководимых державной волею вашего императорского величества, потребует прочного, отвечающего величию России, решения по отношению к Персии. При

этом мне представляется неизбежным возврат России достояния Петра Великого — провинций Астрабадской, Гилянской и Мазандеранской, кроме того, по соглашению с Англией, принятие под протекторат России северной части Персии с Тавризом, Тегераном и Мешедом.

По отношению к Афганистану перемены границы не требуется, но союзничество с Англией, закрепленное и для мирного времени, должно изменить враждебное и унизительное для России отношение афганского правительства и открыть афганский рынок для эксплоатации его. Ныне афганцам открыт доступ в русские пределы, а русским доступ в Афганистан запрещен. Независимо от сего России должен быть обеспечен полный контроль за расходом в пределах Афганистана вод рек Аму-Дарьи, Мургаба и Теджена, и, наконец, по соглашению с Англией, Россия должна связаться через Афганистан с Индией железнодорожной сетью.

Что касается Китая, то опасность со стороны этой империи с 400-миллионным населением в будущем для России несомненна. Наиболее уязвимым для России участком границы, как и 800 лет тому назад, останутся великие ворота народов, через которые орды Чингиз-хана хлынули в Европу.

Пока Кульджа будет в руках китайцев, охрана Туркестана со стороны Китая будет очень затруднительна или потребует в будущем большого количества войск.

Нельзя оставлять эти ворота в руках китайцев. Изменение нашей границы с Китаем настоятельно необходимо. Проведением границы от массива Хан Тенгра [1]) и Тянь-Шаня по прямой линии на Владивосток наша граница сократится на 4 000 верст, а Кульджа, северная Монголия и северная Манчжурия войдут в состав Российской империи.

III.

Меры общего характера в целях успокоения края и лучшего устроения его в будущем.

1) Прежде всего были приняты меры к разъяснению населению сущности предъявляемых к нему требований по поставке рабочих и причин, вызвавших эту меру. При объезде края я пользовался каждым случаем говорить с представителями населения. Представляемый при сем приказ от 23 августа 1916 г., за № 220 (приложение 1-е) [2]), переведенный на туземные языки и отпечатанный в большом числе

[1]) Высочайшего во всем Тянь-Шанском хребте (27 000 футов).— (Примечание в подлиннике.

[2]) Это и другие приложения к рапорту Куропаткина нами не публикуются.— Ред.

экземпляров, был распространен среди населения и способствовал вместе с другими ранее принятыми мерами успокоению населения, особенно оседлого. Привлечение в каждом из уездов, по выбору населения, почетных, надежных туземцев к непосредственному участию в деле поставки рабочих принесло большую пользу. Эти выборные образовали волостные и уездные порайонные комитеты.

2) Для приостановки распродажи за долги земельных участков даже без сохранения той части земли, которая определяется на каждые три года приказами генерал-губернатора как неотчуждаемая,— принимаются меры.

3) Равно принимаются меры к полному выяснению прав кочевого населения на участки земли, оставленные в его пользовании, по пастьбе скота и пользованию топливом, в целях ограничения злоупотреблений со стороны лесной стражи.

4) Принимаются меры, чтобы успокоить туркменское население Мервского уезда, волнуемое в целях наживы или сведения личных счетов под флагом политического сыска. Несколько человек, уличенных в провокаторстве, заключены в тюрьму, и дело о них передается прокурорскому надзору.

5) Во всех городских поселениях организована борьба с возрастающей дороговизной и продажею спиртных напитков. Довольно значительное число лиц (74 чел.) пришлось, по представлению военных губернаторов, выслать из края, выдержав под арестом или наложив значительный штраф.

В целях лучшего устроения края в будущем с 31 августа приступил к выполнению высочайшей воли по составлению нового положения по управлению Туркестанским краем. В основание этой работы положены начала, изложенные в высочайше утвержденном 23 февраля 1913 г. особом журнале Совета Министров.

Для получения материалов по главнейшим отделам положения были запрошены старшие начальствующие лица в крае и лица, ранее служившие по военно-народному управлению края.

Пока получено 26 отзывов по заданным вопросам. Ввиду их разноречивости мною предпринят был вторичный объезд главных пунктов края, в которые по особому расписанию созывались представители русского и туземного населения. Эти представители давали мне откровенные ответы по вопросам, связанным с устройством быта сельского населения, земельными и податными вопросами и народным судом. Такие же совещания были устроены мною в Ташкенте. Отдельные, опытные лица, сопровождавшие меня при объездах, ревизовали уездные управления, областные правления и подробно знакомились с деятельностью народных судов. Материал собран обширный.

Всего по составлению проекта положения под моим председательством было, считая и совещания с представителями населения, 50 заседаний.

К 1 февраля почти закончены отделы краевого, областного, уездного и сельского управлений (русского и туземного). Главная часть работы по составлению новых штатов закончена. Приступлено к рассмотрению обширного материала по народному суду.

Вместе с усилением краевой власти, проектировано значительное усиление власти начальств областного и уездного путем объединения в совещательных органах — областных правлениях и уездных съездах — представителей различных ведомств.

Попечительные функции уездной администрации, почти уничтоженные положением 1887 г., проектировано восстановить и расширить.

По мере ознакомления при ревизии края с местными нуждами, выясняются необходимые добавления и поправки к правительственной программе для Туркестанского края, диктуемые быстрым ростом населения Туркестанского края в разных направлениях.

IV.

Меры, принятые по военному положению края, для охраны государственного порядка, нарушенного вооруженным выступлением и восстанием туземного населения.

Целью этих мер было прекращение беспорядков, наказание бунтовщиков и лучшее, чем ныне, обеспечение безопасности и спокойной деятельности населения в Туркестанском крае, в особенности населения русских селений Семиреченской области.

1) Как изложено выше, от беспорядков и восстания туземного населения в Туркестане пострадало во всех областях 3 709 русских людей. Из них в значительной степени зверски убито 2 325, пропало без вести 1 384. Из русских должностных лиц убито 7 человек, во всех областях, из туземных представителей русской власти убито 22 человека. Разрушено или разорено свыше 9 000 хозяйств, разрушен был участок железной дороги, сожжены мосты, сельскохозяйственные школы, уничтожено и пострадало несколько храмов и больниц. Для усмирения беспорядков было употреблено 14½ батальонов, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов.

Военные действия против бунтовщиков охватили в разных областях края с 13 июля до 25 января 1917 г. [sic!] Войска понесли потери: убитыми 97, ранеными 86 и без вести пропавшими 76 человек.

Значение этих потерь станет рельефнее, если привести потери наших войск при завоевании различных областей Туркестанского края.

Убитых, раненых и контуженных при завоевании территорий:

1) Семиреченской области 103
2) Сыр-Дарьинской области с Аму-Дарьинским отделом 744
3) Ферганской области 134
4) Самаркандской области 811
5) Закаспийской области 1 582

При усмирении восстания, поднятого населением в Андижанском уезде в 1898 году, войска наши потеряли убитыми 18 и ранеными 22 человека.

Все главные виновники нападения на наши войска в 1898 г. были схвачены. Суду предано 420 человек. Из них 20 человек казнено, более 343 человек сосланы были в каторжные работы. Независимо сего, волею вашего императорского величества, в 1898 г. на виновных в восстании туземцев в Андижане, по представлению Туркестанского генерал-губернатора, была наложена контрибуция в 300 тысяч рублей. Ввиду необходимости особо строго покарать туземцев за мятежное восстание в Андижане, сопровождавшееся пролитием русской крови, ваше императорское величество соизволило повелеть, чтобы земля, на которой была пролита русская кровь, была изъята из владений туземцев как недостойных того доверия, какое было оказано им русским правительством, оставившим эту землю во владении туземцев после завоевания ее силой русского оружия. Всего было отобрано в Андижане 286 десятин.

Кроме, того ваше императорское величество соизволили утвердить представление Туркестанского генерал-губернатора о сносе с лица земли трех туземных селений, где возник заговор, и о конфискации в казну принадлежавших этим селениям 2 954 десятин земли и обращении этой земли на образование русского селения. Воля вашего величества была приведена в исполнение, и на этих землях в настоящее время находится обширное (в 200 дворов) и зажиточное русское селение, носящее название «Русское село».

Тяжкие преступления, совершенные в прошлом году туземцами Туркестана, забывшими свой верноподданнический долг и перед вашим императорским величеством и перед общей для всех народов, населяющих Россию, великою нашею родиною, требовали и тяжкого наказания.

Русские в Туркестане составляют около 540 тысяч человек и разбросаны среди 7 млн. туземного населения, составляя лишь 7½% все-

го населения, не вооружено и не воинственно. Все родившиеся в Туркестане со времени его завоевания русские люди были освобождены от отбывания воинской повинности. При возникновении беспорядков русские люди, живущие в селениях, составили не силу нашу на Туркестанской окраине, а слабость: приходилось дробить войска, назначая их для охраны угрожаемых нападением селений.

Необходимо, чтобы туземное население твердо усвоило, что пролитая русская кровь карается не только казнью непосредственных виновников, но и отобранием земель у туземцев, оказавшихся недостойными владеть ею, как то было поступлено с виновниками Андижанского восстания. Этот принцип, твердо проводимый в жизнь при каждой вспышке туземного населения, имевшей в результате пролитие русской крови, должен заставить благоразумную часть населения удерживать неблагоразумную от попыток бороться против русской власти силою оружия. Эти начала были проведены и при наказании туземцев Туркестана за преступления против русского правительства в прошлом году.

1) По судным делам, уже решенным и утвержденным мною, к 1-му февраля было присуждено к смертной казни 347 человек, к каторжным работам 168 человек, исправительным арестантским отделениям 228 человек, тюремному заключению 129 человек. Считая, что главными виновниками являются главари и туземцы, непосредственное участие которых в убийствах русских людей доказано, я признал возможным смягчить наказания для темной массы виновных. В конечном итоге казнено было 51 человек.

2) Конфискация земель у туземцев Туркестана, в целях охраны государственного порядка, мною признана необходимою в двух районах: а) в Джизакском уезде Самаркандской области и б) в Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах Семиреченской области.

В Джизакском уезде мною объявлено было населению о конфискации у него около 2 000 десятин земли на участках, где была пролита кровь русских людей. Из них 800 десятин незастроенной земли, числящейся в черте города, между русскою и туземною его частями, на которой были зверски убиты бунтовщиками Дзижакский уездный начальник полковник Рукин и пристав Зотоглов. Остальные 1 200 десятин, предназначенных к конфискации, представляют несколько участков, на которых было убито 73 русских. Эта мера, объявленная всему населению, с указанием, что в случае новых вооруженных выступлений, кроме казни виновных, будет у туземцев отбираться земля, где они прольют русскую кровь, содействовала отрезвлению туземного населения и удержала от вооруженного выступления колебавшихся.

Предназначенная к конфискации земля в настоящем году будет использована под культуру лекарственных растений,— главным образом, клещевины,— нужных нашей армии.

В Семиреченской области восстание киргиз охватило местности преимущественно Пишпекского, Джаркентского и особенно Пржевальского уездов. Теснимые нашими войсками, бунтовщики покинули, значительною частью с семьями, скотом, имуществом, земли в этих уездах, отведенные им для кочевий и зимовых стойбищ, и частью укрылись в Нарынском горном районе, Пржевальского уезда, пустынном от русского населения, значительною же частью скрылись в пределы Китая. Весь Пржевальский уезд в проектированных ныне границах был очищен самим киргизским населением, но следы их неистовств остались в виде совершенно разрушенных и сожженных селений, разрушенных храмов, школ, сожженных мостов. Озлобление русских поселенцев, понесших тяжелые жертвы или лично потерявших членов семей, или видевших следы чрезвычайных зверств киргизского населения, очень велико. Приходится принимать строгие меры, чтобы охранить безоружных киргиз, уже изъявивших покорность или даже не принимавших участия в восстании, появляющихся среди русских поселенцев. Были случаи, что киргиз, не имеющих охраны, безжалостно убивали уже после их усмирения. При такой обстановке возвращение киргиз, изъявивших покорность, в места их прежнего жительства совместно и вперемежку с русскими, совершенно невозможно. Поэтому, с целью охранения государственного порядка, на земли, очищенные самими бунтовщиками-киргизами, особенно в Пржевальском уезде, мною приказано не допускать возвращения киргиз, а отводить им новые земли, где нет русских поселений. В целях проведения этой меры в возможном порядке из территории Пржевальского уезда выделен весь Нарынский край с образованием нового Нарынского уезда с киргизским населением. С прибавлением к Пржевальскому уезду части Джаркентского уезда образован уезд с исключительно русским населением. На бывших киргизских землях в этом уезде приступлено к основанию первых пяти казачьих станиц. Две из этих станиц предположено образовать из бывших сосланных уральских казаков, если они изъявят полную покорность; ими уже посланы, по моему разрешению, ходоки в Пржевальский уезд. Эти бывшие казаки ныне перечислены в мещане и на общем основании не лишены права обратного перечисления в казачьи войска. Очень незначительное число поселенцев, живших на территории нового Нарынского уезда и покинувших свои жилища при восстании, расселяются, по их желанию, в Пишпекском или Пржевальском уезде; в юго-западном углу Нарынского уезда, в плодородной местности Тогуз-Торау, будут основаны

две казачьих станицы для охраны главного пути между Семиречьем и Ферганой, проходящего по местности Тогуз-Торау.

Размещение киргиз, находящихся ныне в пределах Китая, возвращение которых ожидается весною сего года, тоже предположено в Нарынском уезде. На основании составленных при участии местных чинов министерства земледелия расчетов, для обеспечения киргиз, уже находящихся в пределах Нарынского уезда и вновь там водворяемых, земель окажется достаточно, как для зимовий, так особенно для летних кочевий (приложение 2-е).

Все соображения и расчеты по конфискации земель у туземцев Джизакского уезда и уездов Симиреченской области и употреблению в целях укрепления русского элемента в Туркестанском крае уже заканчиваются и будут направлены к военному министру для доклада вашему императорскому величеству.

По вопросу о том, какое наказание и в каком размере должно понести восставшее население, кроме конфискации у него земель для возмещения убытков казны и частных лиц, собираются все необходимые сведения.

Заведывающий переселением в Семиреченской области, участвовавший в совещании в городе Верном под моим председательством 16 октября прошлого года, с участием представителей всех ведомств, для обсуждения наиболее соответственного государственным интересам решения вопроса поземельного устройства русского и киргизского населения в местностях, наиболее пострадавших от восстания, донес непосредственно от себя министру земледелия о состоявшихся вышеприведенных решениях. Министр земледелия в отзыве от 11 декабря прошлого года за № 995 сообщил мне, что он всецело разделяет мои предположения. Означенный отзыв представляется при сем в копии (приложение 3-е).

V.

Меры военно-политического характера, принятые по военным обстоятельствам в пределах персидской территории и в ханстве Хивинском.

Эти меры приняты в целях охраны государственного порядка в пограничных с Персией и Хивой местностях Туркестанского края.

1) В то время как главнейшее туркменское племя — текинцы — спокойно подчинялось распоряжению о поставке рабочих на охранную службу, туркмены-иомуды Красноводского уезда, проводящие зимние месяцы в пределах Персии, преждевременно откочевали туда и в резкой форме отказались поставить назначенное от них число рабочих.

Все принятые меры и увещания подчиниться высочайшей воле результатов не имели.

Развитие успеха выступления иомудов грозило тяжкими осложнениями в приграничных местностях Туркестана и несомненно отозвалось бы и на спокойствии в основных областях этого края.

Требовались поэтому решительные меры и сбор достаточных для замирения иомудов сил.

С целью сломить сопротивление бунтующих иомудов и строго наказать их был сформирован значительный по азиатскому масштабу силы отряд в 6 батальонов, 15 сотен, 18 орудий и 17 пулеметов, общей силой около 8 тысяч человек, вверенный командованию генерал-лейтенанта Мадритова. Ныне иомуды усмирены, изъявили покорность. Наказание их приводится в исполнение.

Генералу Мадритову было предписано (приложение 4-е):

1) захватить всех главарей, 2) отобрать все оружие, 3) отобрать у бунтовщиков иомудов всех лошадей, 4) отобрать у них для помощи нашей армии половину всего скота и кибиток, 5) выставить определенное моим приказом число рабочих. По донесениям генерала Мадритова, главари частью захвачены, частью сдались добровольно; отобрано пока у мятежников: 3 200 винтовок, лошадей — 780, верблюдов 4 800, баранов 75 000, рогатого скота — 2 500 и юрт — 500.

На представляемой при сем карте видно, что территория, на которой нашим войскам пришлось действовать, составляет большую часть персидской Астрабадской провинции; значительная часть этой территории, занятая, в целях охранения государственного порядка, в приграничных местностях Туркестанского края, составляет незаселенную нейтральную зону между зимовыми кочевьями туркмен и оседлым персидским населением. На этой нейтральной зоне не только после завоевания русскими местностей Закаспийского края, но и ранее, никогда не проявлено было действия персидских властей; ни один персидский чиновник или персидский сарбаз не могли являться на эту территорию. Между тем, без занятия ее нашими постами, поддержать спокойствие на наших границах по р. Сумбару и Атреку ныне не представляется возможным. Поэтому в настоящее время нашими войсками заняты, как опорные пункты: а) укрепление Гумбет-хауз, где с 1898 года пребывал наш комиссар с конвоем, б) укрепление Ак-Кала на р. Гюргене, взятое у иомудов, в) с. Баяндур и г) ур. Морава-Тепе, где возводится небольшое укрепление. Эта новая гюргенская линия имеет около 200 верст длины, к югу от нее для охраны русских поселений выставлены пешие и конные заставы, показанные на представляемой карте. Независимо сего, на путях в долину Гюргеня с Эльбрусского хребта — близ самых перевалов выставлены посты.

Никаких протестов со стороны персидских властей, ввиду их полного бессилия, на занятие нами этой территории не поступало.

Занятая территория составляет земли, находившиеся в пользовании туркмен-иомудов и отчасти гокланов. Только в западной ее части, предгориях Эльбрусского хребта, имеются персидские селения с оседлым населением, тоже требующим охраны туркмен. Всего занятая территория составляет около 20 000 квадр. верст.

С образованием в Гумбет-хаузе в 1898 году нашего комиссариата, большая часть этого пространства находилась уже в фактическом управлении комиссара и пользовании русского населения. На этой территории уже возникло 11 русских селений с 936 душами русского населения.

Ввиду полной неопределенности земельных прав в этой местности многие русские предприниматели, в том числе и должностные лица, заключили с разными туземцами сделки, частью фиктивные, на продажу или аренду значительных участков земли и начали привлекать на эти земли, во вред русским интересам, персидских рабочих.

С этим видом землевладения необходимо бороться.

35-летний опыт оставления русскоподданых туркмен-иомудов двухданниками, при условии пребывания их часть года на персидской территории, не дал надежных результатов. Пользуясь территорией двух государств, туркмены-иомуды явились ненадежным элементом, всегда готовым к смуте. Необходимо поэтому, чтобы вся территория, которою они владеют издавна, тоже стала русскою.

Великая Россия не может терпеть, чтобы безнаказанно нападали и грабили русские селения, брали в плен, убивали и уродовали русских воинов и нападали на русские пограничные посты. Поэтому, при слабости персидского правительства, занятие нашими войсками указанной выше территории неизбежно получит постоянный характер. Поэтому в государственных интересах важно использовать богатейшие земли бассейна р. Гюргень и северных скатов Эльбрусского хребта, в целях заселения их русскими людьми, особенно нижними чинами, отличившимися на войне.

В этих целях, по соглашению с представителями министерства земледелия в Туркестанском крае, мною дано представляемое при сем в копии предписание начальнику Гюргенского отряда от 31 декабря прошлого года за № 7784 (приложение 5-е).

2) В связи с вопросом о полном подчинении русской власти русскоподданных туркмен-иомудов находится и вопрос о более прочном подчинении хивинских туркмен-иомудов власти хивинского правительства, а также вопрос о принятии по отношению к Хивинскому ханству таких мер, которые в лучшей степени, чем ныне, обеспечили бы спо-

койствие этого ханства, окруженного со всех сторон русскими владениями.

По воле вашего императорского величества, в этих целях решено учредить в Хиве должность военного комиссара, с необходимым для его успешной деятельности личным составом.

29 января сего года, во исполнение сего, мною заключено соглашение с ханом хивинским, которое при рапорте 15 февраля с. г. за № 2914 представлено вашему императорскому величеству.

VI.

Меры административного характера, принятые по военному положению в целях скорейшего успокоения Туркестанского края и предотвращения возможных беспорядков в будущем.

Одной из главных причин беспорядков и восстания туземцев, нарушавших спокойную деятельность населения Туркестанского края, несомненно, надо признать крайнюю малочисленность чинов администрации. Огромные пространства уездов с кочевым населением не могли успешно управляться уездным начальником и его помощником с двумя-тремя приставами. В местностях с оседлым населением есть несколько уездов с населением в полмиллиона душ, которые тоже управлялись ничтожным по составу числом чинов администрации.

Поэтому при усмирении мятежа, в целях охраны государственного порядка, мною добавлено в виде временной меры, до проведения ее в установленном порядке, следующее число административно-полицейских чинов:

1) Для вновь образованного Нарынского уезда и. д. уездного начальника . . . . . 1.

И. д. его помощника . . . . . 1.

2) Для уездов Верненского и Копальского прибавлено в район озера Балхаша, совершенно лишенный надзора, по одному приставу на уезд . . . . . 2.

Для уезда Пржевальского приставов . . . . . 2.

Для уезда Джаркентского пристав . . . . . 1.

3) В Джизакском уезде для наблюдения за горными местностями, где гнездится наиболее свободолюбивое население, и. д. приставов . . . . . 2.

4) В Гюргенском районе в помощь нашему комиссару в Гумбетхаузе назначен и. д. помощника . . . . . 1.

Всего прибавлено 15 административно-полицейских чинов с обязанностями, присвоенными соответствующим должностям по положению об управлении Туркестанским краем.

Все расходы, вызываемые учреждением этих должностей, я приказал временно относить на реквизиционные суммы, вырученные от продажи скота, отбитого у бунтовщиков, до утверждения должностей в установленном порядке.

Испрашивается:

Из числа всех приведенных мероприятий, принятых мною во исполнение воли вашего императорского величества по поставке рабочих от Туркестана и по усмирению оказавших сопротивление выполнению высочайшей воли, следующие меры приняты мною по военному положению для охраны и поддержания государственного порядка:

1) Объявлено населению Джизакскаго уезда о конфискации 2 000 десятин земли в местностях, где было зверски убито 76 человек.

2) Приказано не допускать обратного возвращения на территорию Пржевальского уезда проживавших в нем киргиз, бежавших с отведенных им земель после разрушения ряда русских селений и убийства 2 179 русских людей.

3) Бывшие земли киргиз в Пржевальском уезде обратить под основание казачьих станиц и русских поселений.

4) Приказано приступить к образованию на свободных землях Пржевальского уезда станиц из бывших уральских казаков, с перечислением их в Семиреченское казачье войско.

5) Киргиз Пишпекского уезда, восставших и напавших на русских, а затем разбитых нашими войсками и большею частью бежавших в пределы Китая, не допускать на земли, которыми они пользовались, а поселять, если они возвратятся из пределов Китая, во вновь образованный Нарынский уезд.

6) Восставших киргиз части Джаркентского уезда, прирезываемой ныне к Пржевальскому уезду, тоже бежавших большею частью под напором наших войск в пределы Китая, не допускать на земли, которые находились в их пользовании, а поселить их, если они возвратятся из пределов Китая, во вновь образуемый Нарынский уезд и частью в Джаркентский уезд.

7) Образовать из западной части Пржевальского уезда и участка южной части Пишпекского уезда новый Нарынский уезд, в котором и разместить бунтовавшее население Пржевальского и частей Пишпекского и Джаркентского уездов.

8) После усмирения в бассейне р. Гюргеня туркмен-иомудов продолжать оставаться на занятой нами силою оружия территории

Астрабадской провинции, как показано на представляемой при сем карте.

9) Принять особые заботы, чтобы возможно большая часть занятой в долинах Гюргеня, Карасу и Атрека площади послужила для русской колонизации преимущественно нижними чинами, отличившимися на войне.

10) Для поддержания порядка и спокойствия в Туркестанском крае увеличено, в виде временной меры, до проведения ее в установленном порядке, число положенных штатами военно-административных чинов на 1 уездного начальника, 1 помощника уездного начальника, 1 помощника комиссара в Гумбет-хаузе и 12 приставов.

Временно расходы по этой мере отнесены мною на реквизиционные суммы.

Все перечисленные десять мер приняты мною в местности, объявленной на военном положении, и были признаны мною необходимыми для охраны государственного порядка.

По представленным мне доверием вашего императорского величества правам главнокомандующего, меры эти приняты в порядке статьи 12-й приложения к статье 23 свода губернских учреждений (т. II св. зак. Росс. имп. изд. 1892 г.).

По всем этим мероприятиям мною делаются соответствующие представления в установленном порядке, но в целях скорейшего проведения их в жизнь, приемлю смелость верноподданически просить одобрения вашим императорским величеством сих мероприятий.

Приложение: 1) приказ № 220, 2) копия с отзыва министра земледелия от 11 декабря, № 995, 3) справка о количестве киргизских хозяйств и количестве земли в Нарынском уезде, 4) копия с предписания Мадритову 2 ноября 1916 г., № 3564, 5) копия с предписания Мадритову от 31 декабря, № 7784, 6) карты.

Февраля 1917 г.
№ [?].
г. Ташкент.

Борьба со стачечным движением накануне мировой войны.

Мизерные политические и экономические завоевания русского рабочего класса в годы первой революции отнимались царизмом и буржуазией в период политической реакции и экономической депрессии. Вздорожание жизни, падение реальной заработной платы и безработица дополняли картину бедственного положения рабочих. Годы контр-революции были годами разгула и насилия особенно по отношению к рабочему классу. Царское правительство и капиталисты бешено м с т и л и революционным классам и пролетариату в первую очередь (Ленин). Но без смены экономической и политической системы классов уничтожить нельзя. «Столыпинские галстуки», каторга и тюрьмы могли вырвать из среды рабочего класса наиболее передовых, смелых и нетерпимых. Но рабочий класс остался. Осталась нетронутой база, порождавшая противоречия. Даже наоборот. В силу поражения революции 1905 г. данная база была временно укреплена, так что противоречия стали воссоздаваться на новой, высшей, более расширенной основе. Все классы и их политические партии вышли из революции не теми, чем были до нее. Вот почему в объективном положении страны была заложена неизбежность нового взрыва революционной войны. Ликвидаторы напрасно пытались доказать тезис об эволюции помещичьего самодержавия к буржуазному, парламентско-правовому порядку. Этого не было. Самодержавие сделало только несколько шагов в этом направлении, шагов — правильных, но проводимых классом крепостников в интересах крепостников. Вот почему, чем больше внешняя видимость давала факты о приближении крепостнически-буржуазной страны к типам передовых капиталистических стран, тем больше нарастало противоречий в экономике и политике. Рабочий класс в своем повороте к стачечной борьбе, начиная с 1911 г., это блестяще проиллюстрировал. Опыт стачечной борьбы 1905—1906 гг. в невиданно-широком размахе не прошел для рабочего класса даром. Смену в экономической конъюнктуре — промышленный подъем — рабочий класс, руководимый большевиками, стремился использовать для контр-наступления.

Цифровое отображение этого контр-наступления за завоевание отнятых позиций в годы реакции очень ярко свидетельствовало о нарастании новой революции. И если Левицкие, Ежовы и др. ликвидаторствующие интеллигенты вопили о вредном стачкизме и стачечном азарте, о ненужности нарушения гражданского спокойствия экономическими требованиями, то большевики, предвидя еще раньше неизбежность взрыва, считали массовую стачку тараном по царизму и буржуазии. Резолюции совещания ЦК РСДРП

с партработниками 1912—1913 гг. отмечали, что экономическая и политическая борьба рабочего класса являлась условием и залогом мощи движения и успехом на пути к пролетарской революции.

Вот, например, картина общего размаха стачечной борьбы рабочего класса по данным надзора фабричной инспекции (без горных и казенных предприятий):

ВСЕГО:

Годы	Число забаст.	Число баст. раб.	Число потер. дн.
1910	226	46 623	256 385
1911	466	105 110	791 063
1912	2 032	725 491	2 375 606
1913	2 404	887 096	3 863 257
1914	3 534	1 337 458	5 755 072

Динамичность цифр очень красноречива. Растущая дороговизна жизни, падение реальной заработной платы, полицейский гнет, наступление буржуазии—вот где корень этой динамики. Несмотря на большой рост числа рабочих за счет новых, вливавшихся из пролетаризирующейся деревни слоев, переплет экономической и политической борьбы давал хорошие предметные уроки для революционизирования рабочей массы. Но, конечно, главное дело не в этих слоях рабочих. Вопрос заключался в том, что «старые» слои рабочих не хотели жить в старых условиях политического бесправия. Рабочий класс после 1905 г. настолько политически вырос (особенно огромна в этом отношении воспитательная роль большевистских газет «Звезды» и «Правды»), что каждая стачка становилась своеобразной политической стачкой против существующего порядка.

Особенно политический рост рабочего класса обнаружился в политических стачках и демонстрациях. Соотношение этих последних и экономических стачек говорит за это.

Из общей цифры стачек, указанных нами выше, политические и экономические стачки идут в таком виде:

ГОДЫ	Забастовки экономические			Забастовки политические		
	Число забаст.	Число баст. рабоч.	Число потер. дней	Число забаст.	Число баст. рабоч.	Число потер. дней
1910	218	42 846	252 636	8	3 777	3 749
1911	442	96 730	782 783	24	8 380	8 280
1912	732	175 678	1 863 113	1 300	549 813	512 493
1913	1 370	384 634	3 336 659	1 034	502 442	526 601
1914	969	278 347	3 984 015	2 565	1 039 111	1 771 057

Число участников в политических стачках во много раз превышает число участников экономических стачек. Правда, в политических стачках нет такой длительности, но это понятно, так как они грозны своим мощным единодушием выступления. Ведь только в политических стачках рабочий класс выступает как передовой класс всех трудящихся.

Например за год—с 1 мая 1912 г. по 1 мая 1913 г.,—рабочий класс дал, по официальным отчетам инспекторов, 1 290 000 участников в политических стачках. В практике борьбы уже установились свои революционные дни, которые отмечались политической демонстрацией. Указанный выше миллион с третью участников политстачек составился из выступлений: Лена и 1 мая — 670 тыс.; протест против приговора над севастопольскими матросами — 250 тыс.; «избирательная» стачка — 75 тыс.; открытие IV Госуд. Думы — 50 тыс.; «страховая» стачка — 60 тыс.; 9 января 1913 г.— 150 тыс.; 4 апреля 1913 г. — 135 тыс.

Вот этого боялся царизм.

Но большевизм никогда не отрывал политическую стачку от экономической и обратно. «Без экономических требований, без непосредственного и немедленного улучшения своего положения масса трудящихся никогда не согласится представлять себе общий «прогресс» страны. Масса втягивается в движение, энергично участвует в нем, высоко ценит его и развивает героизм, самоотвержение, настойчивость и преданность великому делу не иначе, как при улучшении в экономическом положении работающего». Так писал В. И. Ленин летом 1912 г., отбрасывая гнилые доводы ликвидаторов-либералов о ненужности сочетания экономических и политических стачек.

Мы привели эти данные для того, чтобы у читателя получилось полное представление о той почве, которая породила публикуемый ниже документ.

В 1913 г. буржуазно-помещичья Госуд. Дума серьезно обсуждала вопрос о содействии широкому распространению в народе балалаек, дабы увлечением музыкой отвлечь крестьянство от проявления «вольного духа». А осенью 1916 г. командующий Петроградским военным округом кн. Туманов против «вольнодумия» рабочих предлагал фабрикантам и заводчикам забавлять их в обеденный перерыв почаще граммофоном и туманными картинами патристического содержания.

Конечно, хотя это не анекдот, а исторический факт, все же надо сказать, что не это характерно в политике царизма и буржуазии в рабочем вопросе. Отмеченные выше факты размаха стачек не могли не волновать буржуазию и царских чиновников. Они прекрасно понимали, что балалайка и граммофон не есть лекарство от социальных зол. Даже больше. Политика удушения рабочих в крови (как Лена) не всегда стала находить одобрение у «гуманной» части буржуазии. Макаровское «так было, так будет» приятно щекотало нервы буржуазии, но дело-то в том, что кривая стачек шла вверх. Рабочий класс на эти погромные фразы отвечал новым взрывом стачек протеста. Такое положение, — к тому же при благоприятной промышленной конъюнктуре, — было для буржуазии невыгодным. Вот почему к этому периоду относятся проекты об узаконении 1 мая как праздничного дня по табели, попытки поставить вопрос о профсоюзах и т. д. Угловатую «азиатскую» политику русских твердолобых в борьбе с революционным движением рабочих либеральная буржуазия пыталась заменить более утонченной, правовой, западно-европейской тактикой калача и кнута.

Нигде так это ярко не сказалось, как в попытке видоизменить устав о промышленности, заострив все его статьи против стачек, против рабочих. В апреле 1914 г. министерство торговли и промышленности — этот деловой орган буржуазии в аппарате само-

державия — внесло на Совет Министров вопрос о необходимости видоизменения устава 1886 г. Мы на этом считаем нужным более подробно остановиться потому, что проект нового устава имеет прямую связь с печатаемым документом об изыскании мер против забастовок рабочих.

Признавая стачки «явлением, свойственным экономическим отношениям между промышленниками и рабочими», буржуазия (т. е. министерство торговли и промышленности) занялась вопросом о стачках с точки зрения «применения правовых начал и оснований» и особенно вопросом о последствиях стачек. Дело в том, что прежний устав о промышленности (1886 г.) устарел и приноровлен он был не к той обстановке и задачам. Буржуазии надо было так разрешить вопрос, чтобы уменьшить число ленских расстрелов, но на правовом основании выжимать все соки из рабочего. В связи с отменой в 1905 г. уголовного наказания за стачку, буржуазия считала нелепостью такой договор по уставу, когда его рабочий мог не соблюдать, участвуя в стачках. Буржуазия считала себя обиженной рабочими. Как же? Если за рабочим признается право стачки, — вопит она, — то «нельзя в законе создавать в этом отношении в их пользу привидегий, нарушая право той стороны, против которой предпринимается стачка».

Все старые статьи закона в уставе, касающиеся договора о найме, ее не удовлетворяют, так как они исходили из задачи исправить нерадивых. Буржуазия доказывает, что теперь налагать дисциплинарные взыскания на стачечников нельзя, так как они вызывают новые возмущения. Желая обосновать необходимость локаута, буржуазия обрушивается на условия расторжения договора о найме. Она не хочет мириться с тем, что рабочего надо предупреждать за 2 недели, что надо иметь кряду 3 дня неявки или 6 дней в течение месяца, чтобы прогнать рабочего.

Что значит понятие «неявки на работу» или понятие «прогула»? Рабочий-де является на работу, но не работает (итальянская забастовка). Так как большинство политических стачек продолжается в среднем $^1/_2$—1 день, то буржуазия хочет иметь право немедленно увольнять рабочих, не неся за это никаких последствий по букве закона.

Министерство торговли и промышленности (т. е. буржуазия) в своем служении кошельку доходило до того, что требовало не платить за простои и той части рабочих, которая, не принимая участия в стачках, не могла работать по причине связанности производственного процесса. Классовая слепота буржуазии доходила до того, что толкала наиболее в политическом отношении отсталые слои рабочих к стачечной активности.

Характерно, что тут привлечена правовая казуистика, лишь бы доказать, что все ученые жрецы права считали, что плата дается только за труд («вознаграждение есть ответное действие за труд»). Ведь не может же платить предприниматель за простой от наводнения, разрушений от грозы, пожара и пр. — вопрошает буржуазия. Простой части рабочих, не принимавших участия в забастовке, есть тоже явление, происшедшее вследствие стихийных сил. Поэтому и по букве теории права, и в силу законов природы — буржуазия должна быть свободна от несения расходов. «Из изложенного нельзя не заключить, что лежащая на предпринимателе в силу договора найма обязанность уплатить заработную плату не может служить основанием права рабочего на вознаграждение за время, которое он фактически не работал». И тут приказчик буржуазии, т. е.

министерство торговли и промышленности, прямо приходит в экстаз от чувства своей правоты в обосновании необходимости изменения устава о промышленности, заострив его каждым пунктом против стачки: пожалуйста, рабочие, делайте стачки, это ваше право, мы-де тоже, как на Западе, правовое государство, но вы будете немедленно выброшены из предприятия по закону, — таков основной мотив суждений проекта. Но мы были бы неправы, если бы не отметили некоторого несогласия «приказчика» (министерство торговли и промышленности) с «хозяином» (буржуазией). Основанием для спора был пункт о предупреждении разрыва договора при обычном нормальном течении жизни предприятия. Представители промышленности, — так пишет министерство торговли и промышленности в Совет Министров, — настаивали на 3 днях вместо 2 недель по уставу, а министерство на 7 днях. «Спор» создан для видимости. Надо же показать общеклассовому органу помещичье-буржуазного государства, что министерство стоит на страже интересов всего народа.

Любопытна аргументация промышленников. Надо, чтобы закон не касался этого пункта, это дело договаривающихся сторон (рабочего всегда можно прижать). Прочный договор с предупреждением и обязательствами целесообразен при наличии профсоюзных организаций рабочих, а у нас их нет. Обязательность предупреждения — это нарушение равенства договаривающихся сторон: рабочий может уйти, а предприниматель законом стеснен в праве немедленного увольнения. Жди, когда рабочий не придет три дня по неуважительным причинам или 2 недели по уважительным! Или — как доказать на суде дурное поведение, чтобы уволить рабочего!

И тут начинаются изощрения в описании ужасов, кои следуют из наличия в уставе сроков обязательного предупреждения: деморализация рабочих со стороны «ловких и изворотливых, держащих в страхе своих товарищей»; закон стесняет и самого рабочего, когда ему надо спешно выехать в деревню (а тут жди 2 недели), — самое же главное это то, что обязательство о предупреждении за две недели является орудием в пользу стачки.

Ясно, что основной мыслью творцов проекта нового устава было стремление убить стачечную активность рабочих. Надо было обставить дело так, чтобы практика борьбы (локауты, черные списки, выбрасывание на улицу за стачку, отказ от уплаты за простой в дни политических демонстраций и т. д.) нашла свое полное обоснование в законе, полное сочетание с законом. Как-никак и в России уже есть «общественное мнение»! Совесть обывателей из ученой и служилой буржуазной среды надо успокоить правовым основанием всех действий по отношению к рабочему классу. Правда, накануне империалистической войны более дальновидные деятели буржуазных партий стали доказывать наличие в стране нового политического тупика. Русский «бисмаркизм» не снял противоречий между объективным развитем в экономике и ростом классовой сознательности, с одной стороны, с политической надстройкой и политикой господствующего класса — с другой. Но буржуазия в целом цепко держалась за фалды горностаевой мантии, ибо животный страх перед революционностью рабочего класса был сильнее здравого смысла. Поэтому отдельные попытки—вернее, разговоры о попытках—ввести европейские порядки во взаимоотношения труда и капитала не находили отклика. Получался жалкий поли-

тический эклектизм из западно-европейских доказательств и словесных трюков и «азиатских» держимордовских конкретных выводов. Конечно, и западно-европейская буржуазия не относилась к рабочему классу иначе, она также была классом эксплоататоров. Русская буржуазия пыталась заимствовать у нее ее более тонкую «рабочую политику», более гибкие организационные формы взаимоотношений труда и капитала. Но не вытанцовывалось. Каждый вопрос упирался в основное содержание — в самодержавие, в помещичью диктатуру. Боясь посмотреть в глаза действительности (по понятным причинам, пережитым в 1905 г., и видя взмах стачек, имевшихся налицо теперь), буржуазия обходила эту проблему. Поэтому на каждом историческом документе, вышедшем из недр буржуазии, ярко лежит эта печать двойственности. Видно это на проекте устава, о котором мы говорили выше, еще ярче это видно на публикуемом ниже документе. Проект устава о промышленности и «заключение междуведомственного совещания для изыскания мер против забастовок рабочих» — это два документа, являющиеся откликом на стачки рабочих и ставившие себе одну и ту же цель — удушение политической активности рабочего класса. Они и по форме есть дополнение один другого, так как вышли из-под пера одних и тех же лиц, из одного учреждения. Правда, в сравнении с проектом устава печатаемый ниже документ имеет те особенности, что на нем лежит отпечаток большей консервативности. Это понятно, так как представители министерства внутренних дел, министерства земледелия и др. присутствовавшие на этом междуведомственном совещании не могли не внести указанной окраски. Но характерная черта его, как и устава, в основном та же. Документ свидетельствует о тупике, о безысходности, о двойственности «души» русской буржуазии и правящей бюрократической клики.

В чем тупик? Тупик в том, что своей борьбой рабочий класс как руководитель всех трудящихся ставил на данном этапе первой задачей раздавить самодержавие. Буржуазии объективно это было так же необходимо, как необходим воздух, субъективно же она была против этого, ибо классовый страх перед пролетариатом был сильнее политического здравого смысла. Этому классовому страху есть также свои экономические основания, коренящиеся в истории вызревания русского капитализма, в его характерном росте, в источниках этого роста, в формировании партий буржуазии. Наблюдатель не может не отметить, как западно-европейская биржа до революции 1905 г. непрочь была оказать давление на необходимость изменения политической структуры в России. Не то после 1905 г. Голоса о необходимости политических реформ, наоборот, теперь стали раздаваться из среды «вчерашних» носителей консерватизма, носителей отечественной струи капитализма, что так рельефно сказалось в годы войны. Вот почему эти два капиталистических начала в русской экономике не могли не отразиться и в политике. Печать их лежит на каждом крупном историческом документе, к числу которых принадлежит и печатаемый ниже. Капитализму западно-европейской ориентации невыгодны были всякие реформы и особенно реформы в области взаимоотношений труда и капитала. Поэтому все начинания буржуазии или были бесплодны в своей «прогрессивной» части или насквозь противоречивы в общей установке. Нижеприводимый документ тому доказательство.

К. Сидоров.

Отношение министра торговли и промышленности Тимашева на имя управляющего делами Совета Министров Ладыженского от 9 июля ст. ст. 1914 г. № 42 [1]).

Секретно.

Милостивый государь

Иван Николаевич.

Препровождая при сем к вашему превосходительству для внесения в Совет Министров представление о заключениях созванного под моим председательством междуведомственного совещания об изыскании мер против забастовок, считаю долгом присовокупить, что в означенном совещании принимали участие представители министерств: внутренних дел, юстиции, морского, военного, финансов, путей сообщения, императорского двора и уделов и торговли и промышленности.

Пользуюсь случаем просить вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

С. Тимашев.

«Представление» министра торговли и промышленности в Совет Министров от 9 июля ст. ст. 1914 г. за № 41 о заключениях междуведомственного совещания для изыскания мер против забастовок рабочих.

Секретно.

В заседании 24 октября 1913 г. Совет Министров положил образовать под председательством министра торговли и промышленности междуведомственное совещание для изыскания мер против забастовок рабочих. Вследствие сего 24 апреля и 1, 8, 22 и 29 мая текущего года состоялись заседания упомянутого совещания.

Останавливаясь на предлежащей совещанию задаче, министр торговли и промышленности указал, что меры противодействия забастовочному движению могли бы, главным образом, вылиться в следующие три формы. Во-первых, средством борьбы с указанными проявлениями рабочего движения служит уголовная репрессия со стороны государственной власти. Засим, во-вторых, важное в этом деле значение имеют постановления, касающиеся собственно договора найма рабочих. Действующее наше законодательство о найме рабочих не предусматривает особых правил о влиянии забастовок на наемные отношения. Между тем опыт последних лет показывает, что обстоятельство это создает нередко совершенно несправедливые преимущества для бастующих рабочих. Наконец, в-третьих, особого внима-

[1]) Воспроизводится с подлинника, напечатанного, как и текст «представления», типографским способом. Подлинник нумерован (№ 9); на нем помета: «К № 9/42». Подлинник хранится в Архиве Рев. и Внешней Политике в Москве.

ния заслуживает вопрос о мерах, могущих содействовать мирному улажению возникающих между хозяевами и рабочими недоразумений. В этом отношении следует заметить, что практика западно-европейских государств выработала для указанной цели как специальные суды для разбирательства вытекающих из выполнения договора найма исков, так и учреждения для примирительного разбирательства споров между работодателями и рабочими.

I. Останавливаясь на вопросе о борьбе с забастовками при помощи репрессивных мер и переходя, прежде всего, к оценке действующего уголовного законодательства в связи с наблюдаемыми ныне формами забастовочного движения, совещание заметило, что по отношению к простому, не сопровождающемуся насилием или угрозами, участию в забастовках наше законодательство, с изданием высочайшего указа 2 декабря 1905 г. (Собр. узак. 1905 г., ст. 1923), отказалось от наказуемости такого рода действий, установив, в виде исключения, уголовную ответственность за простое участие в забастовке только для служащих в правительственных установлениях, а также для пользующихся правами государственной службы служащих в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение (ст. 1359[5] Улож. наказ., по прод. 1912 г.). В отношении всех других забастовок уголовная кара установлена лишь за причинение участниками стачки повреждения или уничтожения принадлежащего предприятию или служащим оного имущества, а также за принуждение посредством насилия или угроз других рабочих к прекращению работ (ст. ст. 1358[1], 1358[2], 1359[4] и 1359[7] Улож. наказ., по прод. 1912 г.). Кроме того, уголовное наказание предусмотрено за возбуждение к забастовкам в таких предприятиях, безразлично казенных или частных, прекращение деятельности коих угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия (ст. 1359[3] Улож. наказ., по прод. 1912 г.).

Сообразив изъясненные постановления уголовного закона, совещание заметило, что по смыслу названных законов ненаказуемым остается собственно участие в забастовках, а в отношении предприятий, не имеющих государственного или общественного значения, также и возбуждение к стачкам. В отношении собственно экономических забастовок едва ли представляется соответственным вносить в действующий уголовный закон какие-либо дополнительные правила. Забастовки эти, несомненно, составляют неустранимое условие современной, основанной на свободе труда промышленной жизни. Принимавшиеся как в Западной Европе, так и у нас меры к пресечению означенных стачек путем наказания участников не содействовали уменьшению числа забастовщиков или количества стачек. При этих

условиях нельзя не предвидеть, что возвращение в настоящее время к наказуемости упомянутых забастовок не только не привело бы к ослаблению этих проявлений рабочего движения, но дало бы повод к возбуждению раздражения и недовольства среди рабочего населения.

Не находя поэтому соответственным установление наказания за участие в означенных забастовках, совещание полагало, равным образом, едва ли правильным признание преступным и возбуждение к экономическим забастовкам, само собою разумеется поскольку возбуждение это не сопровождается насилиями и угрозами. Нельзя не иметь в виду, что в обычных условиях нашей фабрично-заводской жизни экономические забастовки нередко возникают из собеседований отдельных рабочих или небольших групп их о неудовлетворительности существующих в предприятии условий труда и о возможных в этих условиях улучшениях. Выражение недовольства условиями и указания друг другу на желательность настояния на их улучшении едва ли вообще могло бы быть пресечено и, поскольку оно не вызывается посторонними внешними влияниями, вряд ли могло бы быть признано предосудительным. Несомненно, возбуждение к экономическим забастовкам часто исходит от лиц, для коих благополучие рабочих имеет безразличное значение и которые, побуждая рабочих к забастовкам, хотя бы и экономическим, преследуют чуждые интересам рабочего люда политические и партийные цели. Вполне сознавая крайнюю желательность устранения таких элементов из рабочей среды в интересах ее оздоровления, совещание признало, что установление с этой целью наказуемости возбуждения к экономической забастовке представлялось бы мерою обоюдоострою. Не говоря уже о том, что такое определение закона в одинаковой мере коснулось бы и упомянутых выше мирных рабочих, пекущихся лишь об улучшении своей судьбы, нельзя упускать из внимания, что наказание и означенных агитаторов за деяния, кои в глазах рабочего оценивались бы как направленные к поднятию их материального положения, могло бы повести к крайне вредному усилению значения и авторитета названных лиц.

Но должно заметить, что за последние годы в наших крупных промышленных центрах получили большое развитие забаставки рабочих, не имеющие связи с экономическими нуждами рабочего люда. Не подлежит, конечно, сомнению, что подобные выступления рабочих, хотя они внешним образом выражаются в тех же формах, как экономические забастовки, представляются явлением иного порядка. Выступления эти, не вызываемые заботою об улучшении экономического положения участвующих в них рабочих, носят характер недопустимых политических демонстраций, вносящих по

временам смятение и тревогу в общественную жизнь. Изъясненные свойства означенных забастовок ставят их в положение тех деяний, пресечение коих составляет задачу карательной деятельности государственной власти.

Признавая поэтому с принципиальной стороны вполне соответственным установление уголовной кары для всех видов участия в рассматриваемых политических забастовках, совещание не могло однако не заметить, что введение уголовной наказуемости для столь обширного круга лиц, без сомнения, встретило бы едва ли преодолимые препятствия к практическому осуществлению предположенной меры. Собранные за последние годы сведения о забастовочном движении показывают, что число одновременно участвующих в политической забастовке лиц достигает часто нескольких десятков тысяч. Не говоря уже о совершенно исключительных трудностях судебного разбирательства с такою массою обвиняемых, едва ли в местах заключения оказалось бы достаточно помещений для отбытия осужденными наложенного наказания. Нельзя также упускать из внимания, что, в случае привлечения к ответственности и осуждения столь значительного числа рабочих, промышленные предприятия, лишившись потребных для них рабочих рук, вынуждены были бы приостановить свою деятельность, и таким образом проведение изъясненной меры создало бы серьезное нестроение в правильном течении народно-хозяйственной жизни.

Соображение это привело совещание к заключению о возможности установления уголовной ответственности не для всех участников политических забастовок, а лишь для тех, кои являются собственно виновниками возникновения такой забастовки, что было бы равносильно распространению принципа, положенного в основание ст. 1359[3] в отношении определенной категории предприятий, на все виды предприятий, раз возникающие в них забастовки имеют политический характер. Не подлежит сомнению, что громадные массы рабочих относятся совершенно безразлично ко всем тем явлениям общественной и политической жизни, по поводу коих возникают за последнее время демонстративные забастовки, и по собственному почину, конечно, не нарушали бы обычного порядка своей трудовой жизни. Успех указанных забастовок обусловливается инертностью рабочих масс и увещеваниями, а иногда и угрозами, небольшого сравнительно круга руководителей рабочего движения. Таким образом, преследование именно этих лиц, казалось бы, являлось мерою, способною привести к ослаблению означенных демонстративных забастовок. В случае одобрения приведенного предположения, отношение уголовного закона к забастовкам определилось бы в следующем виде:

а) мирные участники всяких забастовок как экономических, так и политических, не подвергались бы уголовной каре;

б) уголовная ответственность устанавливается за насилие, угрозы и повреждение имущества при забастовках той и другой категории и

в) уголовно наказуемым признается возбуждение к политическим забастовкам.

Обращаясь к вопросу о мере наказания за деяния, указанные в п.п. «б» и «в», совещание не могло прежде всего не отметить, что в данном вопросе очень большое значение имеет процессуальная его сторона. В самом деле, одним из существенных условий оздоравливающего влияния на рабочую среду наказания виновных в рассматриваемых преступлениях, — что составляет главную цель карательных по этим делам законов, — является быстрое осуждение привлеченных к ответственности лиц. Между тем разбирательство означенных дел обыкновенно происходит спустя значительное время после забастовки, его вызвавшей. Кроме того, в настоящее время судебное преследование за происшедшие при забастовках преступления вообще возбуждается сравнительно редко, хотя не составляет тайны, что почти не бывает забастовок, которые не сопровождались бы действиями, предусмотренными уголовным законом.

По сему поводу некоторые члены совещания высказали, что едва ли не приходится признать изъясненные несоответствия, серьезно умаляющие практическое значение карательного воздействия на означенных нарушителей закона, неизбежно свойственными судебному порядку преследования по указанным делам. Нельзя упускать из внимания, что судебные власти обыкновенно встречают немалые затруднения привлечь свидетелей, кои могли бы установить виновность обвиняемых лиц. Рабочие, кои могли бы удостоверить необходимые для суда обстоятельства, обыкновенно уклоняются от дачи показаний или дают их не с должной свободой из опасения мести со стороны неспокойно настроенных рабочих. Ввиду этого такие процессы в редких случаях могут завершаться обвинительным приговором. Едва ли однако надо упоминать, что оправдательные по таким делам вердикты способны получить в рабочей среде истолкование безнаказанности тех действий, за кои состоялось привлечение к суду, и благодаря этому содействовать усилению значения лиц, вносящих непорядки в рабочую массу. Указанные неудобства не возникают при преследовании в порядке административном. Однако действующий закон предоставляет губернской власти издание соответственных обязательных постановлений, могущих служить основанием к наложению на виновных в их нарушении взысканий, лишь в местностях, находящихся на особом положении; с другой стороны, в законе содержится существенно

стесняющее борьбу с забастовочными явлениями правило, воспрещающее издание обязательных постановлений по предметам, предусмотренным уголовным законом. В целях более действительного преследования нарушителей порядка фабричной жизни, возможно было бы устранить из закона изъясненные ограничения губернской власти в деле издания по рассматриваемым вопросам обязательных постановлений и в наложении взысканий за их нарушение.

Вполне разделяя важное значение приведенных суждений, другие члены совещания прежде всего заметили, что едва ли составленный на указанных основаниях законопроект получил бы одобрение законодательных установлений. Но, независимо от сего и по существу своему, предположенная мера вряд ли внесла бы прочное улучшение настроения некоторых частей рабочего населения. Нельзя не иметь в виду, что судебный приговор в глазах рабочей массы имеет больший авторитет, чем распоряжение административного начальства. Нередко приходится наблюдать, что лица, подвергшиеся административной каре, приобретают среди рабочего населения, благодаря понесенному взысканию, значение радетелей о рабочих нуждах, причем поводы наложения взыскания обыкновенно получают несоответствующее действительности истолкование. Судебный процесс, с гласным обсуждением вменяемых в вину поступков, в значительной мере лишает почвы указанные превратные толки. Что же касается упомянутых промедлений в разбирательстве дел о забастовках, то это неудобство могло бы до некоторой степени быть устранено распоряжением министерства юстиции о рассмотрении этих дел вне очереди, по свежим следам, что могло бы значительно облегчить суд в выяснении обстоятельств дела, относящихся до виновности привлеченных к ответственности лиц.

Признавая возможным этим путем достигнуть ускорения производства дел по отношению к забастовкам экономическим, совещание не могло однако не заметить, что существующее в силу действующего закона направление дел по забастовкам политическим не дает достаточных гарантий в правильном их разрешении. Выше отмечены уже трудности привлечения к суду за преступления, совершенные при забастовках, вследствие уклонения свидетелей от дачи показаний и невозможности посему установить виновность привлеченных к ответственности лиц. Затруднения эти при политических забастовках, ввиду отношения к ним некоторых элементов рабочей среды, еще более усиливаются. Однако положение дела облегчилось бы, если бы политические забастовки были приравнены к деяниям, предусмотренным ст. ст. 129, 130 и 131 Угол. улож., к чему есть достаточное основание, так как возбуждение к рассматриваемым забастовкам является, несомненно, деянием, направленным против существующего порядка.

При такой постановке означенных преступных деяний, дела о них направлялись бы в порядке, установленном для суждения дел о государственных преступлениях. Вследствие этого, прежде всего, при возбуждении дознания чинами отдельного корпуса жандармов, виновные могли бы подвергаться задержанию в порядке предварительного заключения, и таким образом из рабочей среды устранялись бы наиболее вредные элементы; кроме того, судебное установление при разбирательстве дела имело бы возможность пользоваться данными, добытыми указанным дознанием.

С другой стороны, отнесение политических забастовок к преступлениям против государственного порядка имело бы последствием и повышение меры наказания за возбуждение к таким забастовкам, с присуждением виновного к заключению в исправительном доме. Устанавливая повышенное наказание за возбуждение к политическим забастовкам, совещание нашло соответственным повысить для случаев этих забастовок наказание и за повреждение имущества, принуждение к забастовкам путем насилий, угроз или отлучения от общения, определив сию кару в виде заключения в исправительном доме на срок не свыше трех лет.

По изложенным соображениям, совещание полагало бы дополнить Угол. улож. следующими ст.ст. 131^1 и 131^2.

Ст. 131^1. Виновный в возбуждении служащих в правительственных или общественных установлениях, либо рабочих в правительственных, общественных или частных предприятиях к самовольному, по соглашению между собой, прекращению, приостановлению или невозобновлению служебных обязанностей или работ, с политическими целями, наказывается:

заключением в исправительном доме.

Ст. 131^2. Служащие или рабочие в установлениях или предприятиях, упомянутых в ст. 131^1, самовольно, по соглашению между собой, с политическими целями, прекратившие отправление своих служебных обязанностей или работ, виновные в умышленном повреждении имущества, принадлежащего означенным установлениям или предприятиям или служащим в сих установлениях или предприятиях лицам, а равно в принуждении других служащих или рабочих в этих установлениях или предприятиях — посредством угроз, насилия или отлучения от общения — к прекращению, приостановлению или невозобновлению работ, если содеянное ими не составляет более тяжкого преступления, наказываются:

заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет.

II. Переходя затем к рассмотрению относящихся до обсуждаемого вопроса постановлений действующего закона о найме (Уст. пром. ст. 86—156, Свод зак., т. XI, ч. II, изд. 1893 г., по прод. 1912 г.), совещание заметило, что правильная постановка закона о наемных отношениях, при которой на предпринимателей не налагались бы несправедливые ограничения в пользу участников забастовок, едва ли

не является наиболее действительным средством упорядочения стачечного движения. Законодательство наше о найме рабочих сложилось в восьмидесятых годах, когда промышленность была еще мало сравнительно развита, а рабочее население являлось в отношении фабрикантов стороною слабою, неспособною не только домогаться справедливого улучшения своего положения, но и противиться наблюдавшимся иногда злоупотреблениям нанимателей. Сообразно с сим, закон 1886 г. озабочивался главнейше установлением мер, ограждающих рабочих от возможной эксплоатации их со стороны заводоуправлений. В числе этих мер установлены правила, ограничивающие заводоуправления в праве увольнения рабочих. Основное в этом отношении постановление определяет, что договоры, заключенные на срок, не могут быть расторгаемы ранее истечения обусловленного времени, а договоры о найме на срок неопределенный, наиболее распространенные в промышленном быту, не могут быть прекращаемы без предупреждения о сем другой стороны за две недели вперед (ст. 96 Уст. пром.). В виде отступления от этого правила заводоуправлению дозволяется увольнять рабочего, не явившегося на работу более трех дней сряду или в сложности более шести дней в месяц без уважительных причин или более двух недель сряду по уважительным причинам (ст. 105, п. 1, Уст. пром.). Кроме того, без соблюдения установленных сроков разрешается увольнение рабочего вследствие дерзости или дурного поведения, если оно угрожает имущественным интересам фабрики или личной безопасности лиц, принадлежащих к заводоуправлению. Вводя изъясненные ограничения, закон, вместе с тем, полагал, что исправное выполнение рабочими их обязательств может быть обеспечено мерами дисциплинарного воздействия. С этой целью заводоуправлению предоставляется налагать на рабочих штрафы, между прочим, за прогулы, под коими разумеется неявка на работу в течение не менее половины рабочего дня. Размер этого штрафа ограничивается для получающих поденную плату — суммою поденного заработка за каждый день, а для получающих задельную плату одним рублем в день (ст. 145 Уст. пром.). По мысли закона 1886 г., борьба с забастовочным движением не входила в задачи заводоуправлений. Участие в стачках признавалось уголовно наказуемым деянием, и пресечение этих нарушений фабрично-заводской жизни принимала на себя государственная власть. Когда же в 1905 г. последовала отмена уголовного наказания за простое участие в забастовках, то одновременно никаких изменений в закон о найме введено не было. При отмеченном выше малом в то время развитии промышленности и почти полном отсутствии рабочего движения, установленный законом 1886 г. порядок отвечал существовавшим условиям фабричного быта и достигал цели

поддержания должного на фабриках и заводах благоустройства. За истекшие 30 лет промышленность наша достигла крупного развития. Количество промышленных рабочих увеличилось в несколько раз. Равным образом, и положение рабочих в общем укладе фабрично-заводской жизни заметно изменилось. События последних десяти лет показывают, что рабочие особенно крупных промышленных центров, в коих собственно сосредоточивается наибольшее число отечественных предприятий, являются ныне стороною, оказывающей немаловажное влияние на внутренний строй фабрик и заводов.

Оценивая эти явления, нельзя не заметить, что изъясненные постановления нашего закона представляются особенно несоответственными для упорядочения забастовочного движения, создавая совершенно несправедливые преимущества участникам забастовок и лишая заводоуправления возможности принять меры к поддержанию необходимого порядка работ. Между тем опыт всех промышленных стран показывает, что забастовочное движение может быть умерено и поставлено в условия, при которых стачки возникают лишь при наличности веских и серьезных поводов, мерами противодействия этому движению со стороны фабрикантов. Западно-европейские законодательства не знают ограничений, подобных установленным нашим законом, права нанимателей расторгать договор найма. Благодаря этому при возникновении забастовок вследствие требований, удовлетворение коих признается нанимателями несоответственным, промышленникам открывается возможность уволить рабочих с завода и таким образом избежать расходов по уплате заработной платы. Кроме того, при забастовках, имеющих затяжной характер, поддерживаемых рабочими других однородных по производству фабрик, иногда применяется увольнение рабочих и таких предприятий, в коих забастовок не было. К этому же средству нередко прибегают для борьбы с демонстративными забастовками. Так, например, прекращение рабочими своих занятий в день первого мая нередко сопровождается закрытием фабрики на два, три дня. Поясненные меры имеют для общего направления рабочего вопроса то значение, что они вносят в фабричную жизнь важную для правильной деятельности предприятия дисциплинированность рабочих и, сверх того, воспитывают в рабочих сознание серьезности стачечных выступлений. Зная наперед, что такие выступления угрожают тяжелым материальным ущербом в смысле потери заработка, а, быть может, и занятий, рабочие решаются на забастовки только при наличности серьезных поводов. Между тем у нас собранные о стачках данные свидетельствуют прежде всего о громадном количестве демонстративных выступлений и, сверх того, о крайне малой успешности для рабочих предпринятых ими

экономических забастовок, при сравнительно малой средней продолжительности отдельных стачек (за 1914 г. около 4,8 дня). Обстоятельства эти указывают, что рабочие с тою же легкостью, с какою они бросают работы, возвращаются к своим занятиям на прежних условиях.

Независимо сего, нельзя не принять во внимание и того, что сохранение силы договора во время стачек и обязательство для фабриканта выплачивать заработную плату за время простоя фабрики, если бы эта остановка последовала распоряжением фабриканта как ответная мера на забастовку, способны воспитать в рабочих крайне превратное понятие о существе вытекающих из договора найма для них прав и обязательств. Нежелание исполнять лежащую на рабочих по найму обязанность, выражающееся в прекращении рабочими по стачке работ, отказ от исполнения работ обусловленным в договоре порядком не могут не быть признаны явным нарушением рабочими договора найма, каковое, в свою очередь, должно бы вести к освобождению нанимателя от принятых им на себя по договору обязательств. Однако, ввиду указания в законе перечня поводов к расторжению договора и отсутствия упоминания о возможности прекращения договорных отношений в случае забастовок, к стачкам, выражающимся в прекращении работ, получило применение содержащееся в ст. 105 Уст. пром. (по прод. 1912 г.) правило о расторжении договора найма в случае неявки рабочего на работу более трех дней сряду или, в сложности, более шести дней в месяц без уважительных причин. При таких условиях, в течение трех дней забастовки, промышленник оказывается лишенным права уволить бастующих рабочих. Кроме того, помянутые правила открывают для рабочих возможность избегнуть их применения путем прекращения работы на один, два дня, с возобновлением их и новым затем прекращением с таким расчетом, чтобы каждая отдельная забастовка длилась не более трех дней, а все забастовки вместе не более шести дней в месяц. Кроме того, множество забастовок, особенно политические, объявляются вообще на срок не свыше одного дня. Правда, Правительствующим Сенатом разъяснено, что забастовка является дурным поведением рабочего, которое дает, в силу п. 4 ст. 105 Уст. пром., право заводоуправлению расторгнуть с таким рабочим договор найма немедленно. Однако, ввиду отсутствия в законе твердой почвы для такого толкования, судебные решения отличаются по этим делам большою пестротою. Кроме того, сами предприниматели, не имея уверенности в успешном для них на суде исходе подобных дел, не всегда решаются прибегать к описанной мере.

Таким образом, при отсутствии в законе положительных указаний о праве нанимателя прекращать в рассматриваемых случаях наем-

ные отношения, предприниматель, расторгнув при забастовке договор, подвергает себя опасности потерпеть крупные убытки вследствие предъявления рабочими исков о вознаграждении за убытки, понесенные вследствие увольнения без предупреждения, в общем порядке, за две недели. Что же касается стачек, выражающихся в самовольном нарушении условий договора найма или в изменении обычных приемов выполнения работ, причиняющем предприятию имущественный ущерб, то расторжение предпринимателем договора, в случаях сих забастовок, на почве действующего закона не может быть вовсе обосновано.

Единственным средством воздействия на рабочих, коим фабриканты по закону располагают, служит наложение денежных штрафов в пределах, установленных законом (на получающих поденную плату в размере дневного заработка, на получающих задельное вознаграждение в размере не свыше одного рубля). Однако средство это надо признать мало пригодным к борьбе с забастовочным движением. Прежде всего, при существующей почти на всех крупных фабриках и заводах системе задельного вознаграждения, штраф в размере одного рубля, при высоких теперь заработках, доходящих на механических заводах до пяти и более рублей в день, не представляется сколько-нибудь чувствительным взысканием, способом удержать рабочего от участия в стачке. Но, независимо сего, самое применение к забастовщикам такой меры дисциплинарного воздействия сопряжено с серьезным неудобством. Не следует упускать из внимания, что наложение штрафа на всех рабочих завода или фабрики за забастовку поселяет в них крайнее раздражение. Благодаря этому напряженное состояние отношений между заводоуправлением и рабочими, обусловленное забастовкой, еще более усиливается новыми поводами недовольства всей рабочей массы, вызванными оштрафованиями. При таком положении дела сколько-нибудь нормальная работа в предприятии становится невозможной. Заводы наши, в силу приведенных причин, вообще не прибегают к наложению штрафа за забастовки. Практика показывает, что оштрафование рабочих за забастовку нередко не только способствует водворению на фабрике порядка, но вызывает иногда новые стачки.

Помимо изъясненных затруднений освободиться от договора с бастующими рабочими и иметь благодаря этому возможность на их место нанять других, действующие постановления открывают возможность предъявления со стороны рабочих, явно к стачке не примкнувших, исков о заработной плате за время простоя фабрики вследствие забастовки. Участие в забастовке, подводимое, по закону, под прогул, лишает забастовавшего права на заработную плату. Правило это к рабочим, прямо не участвующим в стачке, не могло бы получить при-

менения. С внешней стороны они находятся в положении лиц, лишившихся не по своей вине возможности исполнять обусловленную договором работу. Практика последних лет показывает, что, в целях причинения наибольшего ущерба предпринимателям, забастовка организуется таким образом, что явными участниками ее выступают те рабочие, от прекращения деятельности которых может остановиться все предприятие. Деятельность современного промышленного предприятия слагается из ряда процессов. Остановка одного из них ставит в невозможность продолжение других. Благодаря тому, что предприниматель не может прекратить наемных отношений с этими лицами ранее истечения определенного в законе срока предупреждения, а также ввиду отсутствия в их поведении внешних признаков прогула, рабочие эти оказываются в праве требовать уплаты за время остановки фабрики. Таким образом создается совершенно ненормальное положение, в силу коего промышленник вынуждается давать плату лицам, предпринявшим против него забастовку.

Описанные выше виды забастовок — прекращение работ и самовольное изменение условий труда — являются наиболее распространенными. Однако современное забастовочное движение прибегает к самым разнообразным способам достижения своей главной цели — нанесения предпринимателям имущественного ущерба. В числе этих способов последнее время нередко наблюдается особая форма забастовок, именуемая обыкновенно итальянской. Сущность означенной забастовки заключается во всемерном понижении интенсивности труда. Рабочие приступают к работе и формально как бы выполняют ее, но работают так, что производительность предприятия падает до пределов, сопряженных для владельца с значительным ущербом. Кроме того, необходимо иметь в виду, что промышленные предприятия разделяются часто на ряд производств, непосредственно зависящих одно от другого. Планомерная деятельность всего предприятия построена на том расчете, что производства эти работают с тою напряженностью, которая обычно свойственна занимаемым в них рабочим. Вследствие сего при указанной итальянской забастовке в одном из производств, от которого зависят другие, вся деятельность фабрики может быть приведена в полное замешательство. Имея в виду, что изъясненная форма забастовок по существу сходна с описанными выше, представляется справедливым предположенные ныне правила распространить и на эти случаи нарушения договора найма.

Если нельзя признать, что настало время вовсе исключить из закона, по примеру западно-европейских законодательств, правила об обязательных сроках предупреждения при расторжении найма, то представляется настоятельным ныне ввести постановления, устра-

няющие изъясненные выше несправедливости в положении сторон во время забастовок. В указанных видах министерством торговли и промышленности был составлен проект следующих правил:

1) Сверх случаев, указанных в ст. 105, договор найма может быть расторгнут заведывающим фабрикой или заводом с рабочими, которые самовольным прекращением своей работы вызовут приостановку деятельности всего предприятия или какой-либо части его, а также с теми, которые без законных оснований нарушат обусловленное договором найма рабочее время или иные условия договора найма, а равно с теми, которые допустят изменение обычных для них приемов выполнения работ, причинившее предприятию имущественный ущерб.

2) Если вследствие предусмотренных в ст. 1 действий, совершенных частью рабочих, заведение лишено возможности при установленном в данном заведении порядке производства работ предоставить другим рабочим те работы или занятия, для исполнения которых они были наняты, то оно освобождается от платежа им за происшедшее от этого прогульное время; в сих случаях рабочим предоставляется право немедленно расторгнуть договор найма.

3) Если вследствие угроз или насилий над лицами заводского управления, а равно порчи орудий производства или материалов с целью приостановить деятельность всего заведения или отдельной части его работы в заведении, по распоряжению заводоуправления, прекращаются, владелец заведения освобождается от обязанности уплачивать заработную плату за происшедшее вследствие сего прогульное время; в этих случаях рабочим предоставляется право немедленно расторгнуть договор найма [1]).

Вполне одобряя по существу изъясненные предположения и не встретив возражений против проектированных правил, изложенных в ст. ст. 2 и 3, совещание не пришло к единогласному заключению по поводу изложенных в ст. 1 условий, при наличности коих допускается немедленное расторжение договора.

Некоторые члены совещания заметили, что настоящие правила преследуют вполне справедливую цель освобождения предпринимателей от договора найма с участниками стачки. Сообразно с сим в правилах этих должен найти выражение признак, характеризующий стачку. Таким признаком является стремление рабочих вызвать прекращением своих работ приостановку деятельности предприятия. Между тем, в ст. 1. составленных министерством торговли и промышленности правил поводом к расторжению договора признается собственно прекращение работ, вызвавшее приостановку деятельности предприятия, без означения того существенного для понятия стачки субъективного момента, заключающегося, как пояснено выше, в том,

[1]) Соображения, положенные в основание проектированных правил, приведены в прилагаемом при сем представлении министерства торговли и промышленности об изменении некоторых постановлений Устава о промышленности. — [Примечание в подлиннике. Характеристику этих соображений см. в предисловии к настоящей публикации.— Ред].

что эта приостановка составляла намерение стачечников. Помимо того, что в таком изложении ст. 1, казалось бы, не вполне соответствует поставленной этим правилом задаче, постановление это на практике, в связи с правилом ст. 2 проекта, может создать едва ли справедливые последствия. Согласно ст. 2 наниматель в праве не платить заработную плату тем рабочим, кои лишились работы вследствие остановки фабрики ввиду указанных в ст. 1 действий рабочих. При отсутствии упоминания в ст. 1 на остановку предприятия по стачке, изъясненное правило ст. 2 давало бы промышленнику право не платить рабочим и в таких случаях, когда остановка предприятия вызвана не стачкою, а неисправным поведением какой-либо группы рабочих, от работы которых зависит деятельность других отделов фабрики. Достаточно было бы, например, остановиться фабрике вследствие неявки загулявших рабочих машинного отделения, чтобы лишить всех остальных рабочих заработка за происшедший простой. Допуская предположенное ст. 2 правило, являющееся серьезным отступлением от общих норм гражданского права, ввиду той связи, которая может существовать между указанными в этой статье рабочими и забастовавшими рабочими, необходимо однако применение этих правил поставить в определенные рамки. Кроме того, в той части ст. 1, которая касается так называемых итальянских забастовок, полезно было бы в видах точности заменить выражение «об изменении приемов работ» указанием на «изменение обычной степени старательности в исполнении возложенных на них работ». По сим соображениям правило ст. 1 надлежало бы, по мнению упомянутых членов совещания, изложить следующим образом:

1. Сверх случаев, указанных в ст. 105 Уст. пром., договор найма может быть немедленно расторгнут заведывающим фабрикою или заводом: 1) в случае прекращения рабочими возложенных на них работ в целях приостановления деятельности всего предприятия или какой-либо части его; 2) в случае самовольного изменения рабочими обусловленных договором найма продолжительности или времени возложенных на них работ, либо других условий означенного договора, и 3) в случае изменения рабочими, в целях причинения предприятию имущественного ущерба, обычной для них степени старательности в исполнении возложенных на них работ.

Вполне признавая, что с теоретической стороны предлагаемое изменение редакции ст. 1 представлялось бы более совершенным, другие члены совещания полагали, что при включении упомянутой поправки правило это значительно потеряет в своей практической ценности. Нельзя упускать из внимания, что, в случае такого изложения ст. 1, на нанимателе лежала бы обязанность, при предъявлении иска, доказывать намерение рабочего остановить фабрику, причем,

так как иски в таких случаях подаются вразбивку отдельными рабочими, то такое доказательство надлежало бы представить в отношении каждого истца. Едва ли надо пояснять, какие трудности встретились бы на пути предъявления таких доказательств. Вместе с тем несомненно, прекращение работ, вызвавшее остановку целого предприятия или части его, в подавляющем большинстве случаев происходит по стачке рабочих. Таким образом предположенное министерством торговли и промышленности изложение, не открывая практической возможности применения означенного правила к случаям, не подходящим под рассматриваемое явление заводской жизни, вместе с тем избегает серьезных затруднений в целесообразном осуществлении проектируемой меры. Кроме того, надо иметь в виду, что намерение остановить фабрику, несомненно, отсутствует у рабочих при многих забастовках политического характера, когда остановка предприятия является собственно последствием желания устроить демонстративное выступление. Наконец, высказанные опасения возможности несправедливых последствий этого правила для оставшихся без занятий рабочих практически едва ли основательны. Случаи приостановления деятельности всего предприятия вследствие массового прогула рабочих какого-либо его отделения на практике почти не встречаются; изменять же в изъясненном направлении ст. 1 проекта лишь во внимание к этим совершенно исключительным случаям не представлялось бы целесоответственным. По сим соображениям часть членов совещания полагала изложить рассматриваемую статью в редакции, предложенной отделом промышленности.

Независимо от вышеизложенного, рассматривая касающиеся вопроса о расторжении договора найма нормы Устава о промышленности, совещание остановило свое внимание на том обстоятельстве, что, согласно сему Уставу, предприниматель может в известных случаях расторгнуть договор с рабочими без посредства суда (ст. 105 Устава), тогда как рабочий, в случае намерения расторгнуть договор, обязан, в силу ст. ст. 98 и 106 того же Устава, обращаться в суд. Находя правильным поставить рабочего, как одну из сторон в договоре найма, в равные с другой стороной условия, совещание признавало бы правильным изменить постановления ст. ст. 98 и 106 Уст. пром. (по прод. 1912 г.) в смысле предоставления рабочему, в указанных сими статьями случаях, права расторгать договор без обращения в суд.

III. Переходя, наконец, к вопросу о возможности умерения забастовочного движения путем посредничества между рабочими и нанимателями в случаях возникновения между ними несогласий на почве экономических отношений, совещание заметило, что вопрос этот, без сомнения, является одним из тех, которые наиболее привле-

кают к себе в настоящее время внимание правительств и законодательств промышленных стран.

Законодательство наше при первых проявлениях у нас рабочего движения остановилось на организации посредничества между нанимателями и рабочими. Задачи эти возложены еще законом 1886 г. на фабричную и горную инспекцию. Деятельность в этом отношении инспекции за истекшие 30 лет была вполне плодотворна и удовлетворительна. Поэтому сохранение этих обязанностей и впредь за инспекцией отвечало бы интересам этого важного для промышленной жизни дела. Осложнившееся за последние годы рабочее движение ставит однако по временам посреднику между нанимателями и рабочими столь сложные задачи, что успешное разрешение их для одного фабричного инспектора или окружного инженера может оказаться в некоторых случаях крайне затруднительным. В подобных случаях могли бы оказать в улажении спора помощь особые органы примирения. Соображая изъясненные обстоятельства, совещание нашло, что ближайшим образом указанной цели могли бы служить предположенные министерством внутренних дел комиссии, в составе губернатора, члена окружного суда и фабричного инспектора. В случаях особо серьезных забастовок, прекращение коих не достигнуто посредничеством инспектора, губернатор мог бы, если признает то соответственным, созвать комиссию и попытаться при ее посредстве привести спорящие стороны к соглашению. Для осуществления поясненной меры не встречается надобности в издании особого закона, ибо по действующим законам губернатору принадлежит право принимать меры к улажению возникающих на фабриках несогласий и созывать для этой цели комиссии из представителей подлежащих ведомств. Таким образом, для приведения означенного предположения в действие главным начальникам соответственных ведомств (юстиции и торговли и промышленности) настояло бы лишь сделать распоряжение о принятии подчиненными им чинами участия в созываемых указанным порядком губернским начальством комиссиях. Само собою разумеется, что посредничество таких комиссий не может быть для сторон обязательным и что решения их могут иметь только нравственное значение. Представляясь, таким образом, организациею далеко несовершенною, намечаемые совещательные органы имеют то большое преимущество, что они могли бы быть образованы незамедлительно, в порядке управления.

Изъясненная мера не устраняет, конечно, вопроса о возможности создания у нас, по примеру некоторых стран Западной Европы, особых учреждений для разбирательства возникающих между нанимателями и рабочими несогласий. При этом необходимо иметь в виду, что по компетенции своей учреждения эти бывают двоякого типа.

С одной стороны, сюда относятся специальные суды (промысловые), учреждаемые для разбирательства исков, возникающих на почве договора найма в промышленных заведениях. Особенность организации этих судов заключается в том, что, наряду с коронным элементом, в состав суда входят представители от рабочих и работодателей. Таким образом, названные учреждения являются собственно судебными установлениями для определенного круга дел, они действуют на общих для сих установлений основаниях, вынося приговоры, имеющие обязательную для сторон силу. Главнейшие соображения, приводимые в пользу учреждения таких специальных судов, сводятся к тому, что наем в промышленности создает ряд особых отношений, правильная оценка которых возможна лишь при близком знакомстве с технической стороной производства и со всем укладом фабрично-заводской жизни, что не всегда доступно общему суду.

Помимо описанных промысловых судов в отдельных государствах Западной Европы существуют примирительные учреждения, в задачи коих входит не разбирательство исков о применении существующего между сторонами договора, а примирение сторон по поводу возникающих между ними недоразумений, угрожающих разрешиться или фактически разрешившихся забастовками. На эти учреждения возлагается приведение нанимателей и рабочих к соглашению по спору о тех условиях, на которых может продолжаться работа в предприятии, уже остановленном забастовкой или ею угрожаемом. Организация таких примирительных камер отличается в различных государствах большим разнообразием. В Англии для разбирательства возникающих между рабочими и нанимателями споров существуют так называемые постоянные комитеты примирения, которые обслуживают известный район или отрасль промышленности. Комитеты эти составляются из определенного числа членов от нанимателей и такого же числа членов от рабочих. Члены от нанимателей избираются владельцами и члены от рабочих — рабочими тех предприятий, кои обслуживаются данной камерой. Председатель избирается самой камерой, причем, по обычаю, председатель избирается из числа фабрикантов, а вице-председатель из числа рабочих. Описанный тип примирительного учреждения не является единственным в Англии. Наряду с ним нередко образуются для отдельных споров третейские суды. Позднейшими законами министерству торговли предоставлены широкие полномочия по примирению работодателей и рабочих. Ему предоставляется уполномачивать одно или нескольких лиц, выступать в качестве посредников. Кроме того, названное министерство может предлагать сторонам избрать представителей, кои, под председательством избранного ими лица или назначенного министерством торговли,

принимали бы попытки к улажению спора. Наконец, в 1911 г. последовало учреждение промышленного примирительного совета при министерстве торговли, состоящего из председателя, назначаемого министром торговли, и 26 членов — 13 от промышленников и 13 от рабочих, приглашаемых министром торговли, из числа наиболее влиятельных председателей крупнейших организаций работодателей и представителей, обыкновенно генеральных секретарей рабочих союзов. В задачи совета входит изыскание мер к улажению наиболее серьезных споров, затрагивающих крупные отрасли промышленности. В Германии примирительное разбирательство приурочивается к промысловым судам. Председателем является непременно председатель промыслового суда, ему принадлежит право приглашать в качестве советников заседателей. Стороны участвуют через своих доверенных, назначаемых сторонами каждою в одинаковом числе. Наконец, в некоторых государствах посредничество возлагается на должностных лиц. Во Франции эти обязанности исполняют мировые судьи. Общим для всех примирительных учреждений условием является представительство в этих учреждениях сторон; порядок избрания сторонами своих представителей законами не определяется.

Обращение к примирительному разбирательству не является обязательным. Даже в том случае, если одна из спорящих сторон заявила примирительному учреждению о своем желании разрешить спор при посредничестве этого учреждения, для другой стороны не является обязательным принять участие в этом разбирательстве. Равным образом, и состоявшиеся решения принудительной силы не имеют. С юридической стороны решение примирительного учреждения, хотя бы и одобренное участвовавшими в сем учреждении представителями спорящих сторон, может не быть принято к исполнению самими сторонами. Таким образом, решения эти имеют главнейше моральное значение. Практическое их значение обусловливается тем, что при сильном развитии на Западе профессиональных организаций рабочих, организации эти, коль скоро они одобряют состоявшиеся примирительные решения, имеют возможность оказать на своих сочленов, являющихся одною из спорящих сторон, необходимое для соблюдения решения воздействие.

Оценивая результаты деятельности примирительных учреждений в деле умерения забастовочного движения, нельзя не отметить крайне слабой успешности посредничества этих учреждений во всех сколько-нибудь крупных забастовках. Обстоятельство это, повидимому, не в малой степени обусловливается самыми свойствами многих промышленных конфликтов. Рабочие массы стремятся достигнуть возможно большего вознаграждения и возможно большего облегчения условий

труда. Выставляя свои требования, они, конечно, не исходят из каких-либо сколько-нибудь точных подсчетов о тех изменениях в издержках производства, которые последовали бы для предпринимателей в случае принятия этих требований. Недостаточная обыкновенно их осведомленность с этой стороной промышленной деятельности, а иногда и развивающееся на почве невежества рабочих масс влияние демагогических элементов не позволяют рабочим судить о тех пределах улучшения, которых возможно в данное время домогаться. Поэтому в рабочих массах складывается убеждение, что чем упорнее и продолжительнее будет забастовка, тем более благоприятны для них окажутся результаты нового соглашения с предпринимателями. При этих условиях всякое примирительное производство, направленное к изысканию среднего решения, особым доверием и сочувствием среди рабочих не пользуется. К нему прибегают обыкновенно лишь тогда, когда по течению стачки можно ожидать, что она не приведет к ожидавшемуся при ее возникновении успеху. Упомянутым примирительным учреждениям лишь в отдельных случаях удавалось быстро улаживать стачки. Однако успех этот едва ли не приходится отнести к личным качествам суперарбитра. В Англии, как пояснено выше, принимался ряд мер к развитию и усовершенствованию примирительных учреждений. Учреждениям этим однако не удалось устранить самые крупные и серьезные забастовки (углекопов и железнодорожных служащих). Улажение этих конфликтов достигнуто было посредничеством правительственного комиссара.

У нас трудность организации примирительных учреждений еще усугубляется сравнительно с западно-европейскими государствами. Не следует упускать из внимания, что практически результат примирения спорящих сторон выливается обыкновенно в форму коллективного договора между предпринимателем и бастующими рабочими. Соблюдение этого договора со стороны предпринимателя обеспечивается имущественной состоятельностью владельца фабрики. В отношении рабочих таких гарантий не существует. На Западе это обеспечение доставляется профессиональными организациями рабочих, которые, с одной стороны, обладают нередко значительным имуществом, могущим быть обращенным на покрытие происшедших для предпринимателя вследствие нарушения договора убытков, а с другой стороны, организации эти способны оказывать на своих сочленов влияние в смысле побуждения их к выполнению изложенных в договоре условий. У нас, при современном своем состоянии, профессиональные общества подобного обеспечения соблюдения коллективных договоров, конечно, представить не могут. Вследствие сего нельзя не опасаться, что выполнялись бы, по преимуществу, такие лишь примирительные соглашения,

кои клонились бы в пользу рабочих. Опасение это находит себе подтверждение в той попытке осуществить коллективное соглашение, которое было сделано в 1904 г. между бакинскими промышленниками и рабочими. Несмотря на то, что соглашение было принято избранными местными рабочими делегатами, в самом непродолжительном времени вновь возникли на почве тех же условий найма забастовки, так как рабочие не стали подчиняться соглашению.

Обращаясь затем к возможной организации у нас примирительных учреждений, если бы установление их признано было соответственным, совещание рассуждало, что приурочение для этой цели какихлибо из существующих для других целей учреждений, конечно, представлялось бы наиболее целесообразным. Этим путем избегались бы поводы к преувеличенным толкам на этой почве в рабочей среде, а равно облегчалась бы организация названных учреждений. Наиболее пригодными для указанной цели являлись бы промысловые суды, в состав коих входят представители как нанимателей, так и рабочих, что является существенным условием организации примирительных для подобных дел учреждений. Ввиду однако отсутствия у нас промысловых судов, подходящим органом представлялись бы проектированные страховые суды, в состав коих также включаются промышленники и рабочие.

Однако возложение дела примирения на страховые суды возбуждает серьезное сомнение. Суды эти являются учреждениями новыми, на которые возлагается крайне сложная и большая работа по разбирательству споров о вознаграждении за последствия несчастных случаев. Составу сих судов, особенно выборным членам, совершенно не имевшим доселе опыта в судейской деятельности, предстоит потратить немало труда на ознакомление с этим сложным делом. При этих условиях едва ли целесообразно вначале же осложнять работу страховых судов возложением на них дополнительных обязанностей, самих по себе очень серьезных и сложных, по посредничеству в случаях несогласий между нанимателями и рабочими. Кроме того, нельзя упускать из внимания, что проект страховых судов был встречен довольно несочувственно в кругах промышленников. Ввиду сего возложение на страховые суды, помимо непосредственно подлежащих их компетенции дел, также и задачи улажения забастовок могло бы еще более усилить недовольство промышленников этими судами. Между тем для правильной работы этих важных в деле страхования рабочих от несчастных случаев учреждений содействие со стороны предпринимателей представляется крайне ценным. Изложенные соображения побудили совещание придти к заключению, что организация примирительных камер в настоящее время, повидимому, могла бы быть осуществлена

путем создания самостоятельных для сего учреждений, причем представлялось бы предпочтительным именовать их примирительными судами.

Останавливаясь на вопросе о составе сих учреждений, совещание заметило, что успех примирительных учреждений как в смысле широкого обращения к их посредничеству, так как [1]) и в отношении получения решениями сих учреждений признания, особенно в рабочей среде, возможно [1]) лишь в том случае, если состав этих учреждений будет пользоваться доверием и авторитетом у заинтересованных сторон. Такое положение едва ли мог бы приобрести примирительный суд, состоящий из правительственных чинов. Указанному условию мог бы удовлетворять, как то показывает и опыт западно-европейских стран, примирительный суд, в который входят представители обеих заинтересованных сторон, т. е. фабрикантов и рабочих. Председателем сих учреждений правильнее всего назначать представителя правительственной власти, как стоящей вне интересов сторон и заботящейся лишь о справедливом улажении возникающих несогласий. Таким образом, состав означенных судов определялся бы в следующем виде: председатель — правительственный чин, заседатели — выборные в равном числе от промышленников и рабочих.

В частности, относительно председателя примирительного суда совещание заметило, что, в видах придания ему подобающего авторитета, было бы соответственно, чтобы лицо, состоящее председателем сего суда, не занимало иных должностей на государственной службе. Кроме того, должности этой следовало бы присвоить сравнительно повышенное служебное положение. По мнению совещания, представлялось бы правильным означенную должность, в отношении служебных прав и преимуществ, приравнять к должности товарища председателя окружного суда.

Что же касается заседателей, то в отношении порядка их избрания возможно допустить две системы. Заседатели могут быть избираемы по поводу каждого поступающего на рассмотрение суда дела; по разрешении этого дела полномочия заседателей прекращаются. Иная система предполагает постоянный состав заседателей, выбираемых на определенный срок.

Сообразив этот вопрос, совещание нашло предпочтительным остановиться на постоянном составе заседателей примирительного суда. Устройство по случаю каждого дела выборов названных заседателей способно внести лишнее возбуждение в рабочую среду, настроение которой при забастовках и без того повышено. Важным условием

[1]) Так в подлиннике.

авторитетности решения такого суда является уверенность сторон в беспристрастности судей; это условие могло бы быть достигнуто постановлением, в силу которого из состава суда подлежал бы устранению заседатель, который является, по положению своему, заинтересованным в находящемся на рассмотрении суда деле.

Остановившись на таком заключении, совещание заметило, что в отношении заседателей от рабочих надлежало бы указать, что обязанности сих заседателей могут исполнять лишь те рабочие, кои проработали в данном районе не менее определенного числа лет и кои имеют известный возрастный ценз, например, не менее 25 лет, а равно удовлетворяют другим условиям, кои установлены для выборов в члены правления больничных касс.

В отношении вопроса о способе избрания заседателей, совещание пришло к заключению о необходимости возложить выборы заседателей от владельцев предприятий на правления страховых товариществ, а заседателей от рабочих — на правления больничных касс. Останавливаясь на таком решении, совещание не могло не заметить, что изъясненный порядок представляет некоторые серьезные неудобства. Прежде всего, этим путем на правления больничных касс возлагаются совершенно несвойственные им функции, что в настоящее время, при замечаемом в некоторых кассах стремлении расширить значение в рабочей среде правлений сих касс, вряд ли представляется желательным. С другой стороны, порядок этот мог бы вызывать недовольство рабочих, так как в правления касс избираются лица для ведения хозяйства сих касс, причем лица эти могут быть и не подходящими для выбора представителей в примирительные суды, ибо представители эти, по понятиям рабочих, неизбежно должны быть деятелями в области рабочего движения. Но с этими недостатками приходится мириться, ибо другие способы представляют еще большие неудобства. В самом деле, иной порядок избрания мог бы заключаться в особых для указанной цели выборах рабочими всех предприятий того района, который обслуживается примирительным судом. Нельзя не предвидеть, что на почве этих выборов партийные среди рабочих деятели приложили бы особые усилия создать возбуждение в рабочих массах и воспользовались бы этим случаем для усиления своей агитации. Опыт Германии, где культурный уровень рабочих значительно выше наших, показывает, что выборы заседателей промысловых судов вносят нередко крайне неспокойное настроение в рабочую среду. Едва ли надо упоминать, что в настоящее время желательно всемерно избегать возможности таких осложнений нашей промышленной жизни.

В отношении порядка возбуждения дел в названных судах, по мнению совещания, полезно предоставить инициативу в сем вопросе

как председателю и заинтересованным сторонам, так равно и чинам фабричной инспекции или горного надзора, по принадлежности. На означенных чинов, кроме того, по мнению совещания, следовало бы возложить сообщение председателю суда о всех дошедших до их сведения забастовках, дабы этим путем облегчить председателю возможность предлагать суду принять меры к приведению спорящих сторон к соглашению.

Неизбежным условием примирительного разбирательства является предоставление заинтересованным сторонам права присутствовать на суде и давать объяснения. Осуществление представительства интересов предпринимателей, повидимому, затруднений не вызвало бы, так как давать объяснения суду могли бы или владелец предприятия, или заведывающий, или иное какое-либо лицо по их указанию. Наоборот, организация представительства рабочих связана с крайне серьезными затруднениями. Избрание означенных представителей непосредственно заинтересованными рабочими представлялось бы, очевидно, неуместным, ибо при таком порядке неизбежно возникновение митингов и собраний забастовщиков, которые могли бы представлять серьезную угрозу общественному спокойствию и порядку. Вместе с тем, без определения в законе порядка избрания означенных представителей, предоставить самим рабочим озаботиться изысканием способов указания суду таких лиц, подобно тому, как это теперь делается при переговорах во время забастовок с фабричным инспектором, представлялось бы несоответственным уже потому, что при таком порядке открывалась бы возможность появления самозванных представителей. Равным образом, современное не вполне спокойное настроение рабочих не позволяет ожидать пользы от возложения рассматриваемого представительства на так называемых рабочих старост, ибо введение таких старост могло бы угрожать созданием на фабриках и заводах особых стачечных комитетов.

Повидимому, и для целей рассматриваемого представительства приходится обратиться к органам больничных касс. Вполне отдавая себе отчет в тех неудобствах, кои связаны с таким порядком, совещание находило, что порядок этот имеет то, главным образом, преимущество, что избрание названных представителей может быть осуществлено без особых осложнений в фабрично-заводской жизни. С этой точки зрения, избрание упомянутых представителей от рабочих могло бы быть возложено на членов правления больничной кассы при том предприятии, в коем происходит забастовка, к улажению которой приступил примирительный суд.

Наконец, останавливает на себе внимание вопрос о силе принятых судом решений. Все законодательства Западной Европы, предусма-

тривающие учреждение примирительных судов, устанавливают, что решения сих судов принудительной санкции не имеют. Такая постановка, конечно, вытекает из самого существа как сих учреждений, так и выносимых ими решений. В самом деле, учреждения эти призываются к изысканию способов приведения сторон к соглашению. Коль скоро какая-либо сторона с предложенным названным учреждением способом разрешения спора не согласна, очевидно, соглашение не достигается. Введение для придания указанным решениям силы каких-либо мер внешнего воздействия не представлялось бы соответственным уже потому, что такая мера сводилась бы к принуждению принять к исполнению условия договора о найме, которые признаются стороною неудовлетворительными. Такой порядок, противореча всему укладу найма, основанному на свободе договора, мог бы внести только лишнее раздражение в рабочую среду и обострение взаимных отношений между фабрикантами и рабочими. Во внимание к сему, совещание признало, что подчинение решению примирительных судов может быть лишь добровольное.

Таким образом, в случае признания соответственным учреждение примирительных судов, суды эти, по мнению совещания, могли бы быть построены на следующих главных основаниях:

1) Примирительные суды учреждаются для примирительного разбирательства тех споров между владельцами предприятий и рабочими, кои вызвали или угрожают вызвать остановку работ предприятия, поскольку споры эти не подлежат ведению гражданского или уголовного суда.

2) Примирительный суд состоит из председателя и заседателей в равном количестве от владельцев предприятий и рабочих, причем общее число присутствующих заседателей не должно быть более десяти.

3) Председатель назначается высочайшей властью, по представлению министра юстиции, и по условиям назначения, а также служебным правам и преимуществам, сравнивается с товарищем председателя окружного суда.

4) Заседатели от владельцев предприятий избираются правлениями страховых товариществ, заседатели от рабочих — правлениями больничных касс округа примирительного суда. Тех и других избирается по пяти человек и засим по пяти заместителей к ним на срок в два года. Для избрания в заседатели от рабочих требуется, чтобы они проработали на фабриках округа примирительного суда в течение известного числа лет (например, 3) и удовлетворяли условиям, которые предуказаны в ст. 103 Положения об обеспечении рабочих на случай болезни (прил. к ст. 156[26] Уст. пром., по прод.).

5) Дела в примирительных судах могут возбуждаться как по инициативе самого суда, так и по просьбам заинтересованных сторон. Кроме того, чины фабричной инспекции и горного надзора передают в примирительный суд дела о тех забастовках, кои не могли быть прекращены посредством названных чинов. Чины фабричной инспекции и горного надзора сообщают председателю примирительного суда о дошедших до их сведения забастовках, по поводу коих стороны не обращались к посредничеству сих чинов.

6) Если в примирительный суд обратилась одна из сторон, то председатель уведомляет о том другую сторону и предлагает ей или ее представителям также обратиться к примирительному разбирательству.

7) Спорящие стороны могут присутствовать в суде через своих представителей и давать объяснения. Представители рабочих избираются членами правления больничной кассы при том предприятии, в коем вызван спор, находящийся на рассмотрении суда.

8) В заседание примирительного суда обязательно приглашается фабричный инспектор или окружной горный инженер, по принадлежности, в ведении которого находятся предприятия, между владельцами и рабочими коих возник поступивший на рассмотрение суда спор.

9) При рассмотрении дела примирительный суд должен склонять стороны к примирению. Если примирение состоится, то о сем составляется акт, подписываемый председателем, заседателями и представителями сторон. Акт этот объявляется сторонам.

10) Если примирение не состоится, то примирительный суд составляет решение по всем спорным между сторонами вопросам. Решение постановляется простым большинством голосов. Решение это объявляется сторонам.

11) Решение суда не приводится в исполнение принудительно, и подчинение сему решению зависит от воли сторон.

Министр торговли и промышленности С. Тимашев.

Управляющий отделом В. Литвинов.

К истории интервенции в Сибири.

Публикуемые ниже документы обнаружены недавно среди разнообразных архивных материалов, поступивших за годы революции в хранилища Центрархива. Хронологически документы охватывают декабрь 1917 г. — февраль 1918 г., освещая события этого времени, происходившие в Сибири, главным образом, в Иркутске и Томске. Значение документов однако гораздо шире указанных хронологических рамок и территориальных границ. Конец 1917 и начало 1918 гг. — начальный момент подготовки «союзниками» интервенции. Сибирь являлась одним из первых опорных пунктов интервентов. Отсюда понятна исключительная ценность донесений французских агентов в Сибири Жандро, Буржуа и майора Пишона французскому посольству в Петрограде. В особенности ценны донесения майора Пишона, копии с которых, как видно из пометок на документах, направлены были посольством в Париж французскому министру иностранных дел Пишону.

Жандро был в то время французским коммерческим агентом в Иркутске, Буржуа — генеральным консулом, а майор, впоследствии полковник, Пишон был членом французской военной миссии в Петрограде, по специальному поручению французского посольства прибывший в Сибирь после Октябрьского переворота. В своих донесениях все они,— в особенности Жандро и Буржуа, — очень много внимания уделяют местным событиям: борьбе за власть в Иркутске, продовольственному положению, настроению обывателей и т. п., освещая эти события под углом зрения мелкого лавочника, мелкого буржуа, изливая свои чувства в отборнейшей, бессильной площадной брани по адресу большевиков, солдат, рабочих и крестьян, осмелившихся поднять восстание против капитала, выйти из мировой бойни, «предать» «союзников». («В своей трусости солдаты обрушиваются с ненавистью на Францию и Англию, когда им говорят, что Франция и Англия предпочитают скорее погибнуть, чем просить о мире. Их головы наполнены заимствованными от немцев рассуждениями, которые они принесли с фронта. Они стали рабами их. Нужно чудо, чтобы освободить их от этого навождения. Они верят только подкупленным жидам и низкой сволочи, которую русское тупоумие вырвало из глубины тюрем»... — вот своеобразный «стиль» одного из корреспондентов французского посольства — Жандро).

Разумеется, не описания местных событий и заборная ругань потерпевшего от революции мелкого лавочника представляют интерес в донесениях Жандро, Буржуа и

Пишона. Донесения интересны тем, что они дают ряд новых фактов из истории контрреволюции и интервенции.

В письме от 7 декабря Жандро, сообщая о том, что «почти вся Сибирь перешла под власть Советов» (это донесение написано до декабрьской борьбы в Иркутске), говорит о настроении иркутян так: «Почти все население объединено в одном порыве — найти тирана, который спасет Россию. Где этот тиран, этот диктатор, чьи капризы и фантазии уже заранее готовы исполнить, лишь бы он обеспечил России скромное, но почтенное будущее?» Письма отражают это стремление агентов французских империалистов помочь найти «тирана», «диктатора» для трудящихся России.

Красной нитью во всех донесениях проходит мысль о полной невозможности установить «порядок», наладить «нормальную» жизнь в стране без вмешательства иностранцев. Одновременно подчеркивается нетерпеливое ожидание обывателями «спасителей» — интервентов. Во всех письмах усиленно муссируются сведения о количестве немецких военнопленных в Сибири и их роли в революционном движении. Агенты «союзников» видят в этом благовидный предлог, повод для иностранной «экспедиции» в Сибирь.

«Я не могу не пожалеть об отсрочке «sine die» союзной экспедиции, намечавшейся к началу прошедшего января, — пишет Буржуа, — экспедиции, которая дала бы возможность реального интернирования врагов»... Здесь Буржуа выбалтывает то, о чем открыто в это время, — в феврале 1918 г. — еще не говорили. До сих пор еще в печати не было документальных данных о том, что вопрос о «союзной экспедиции» в Советскую Россию был решен задолго до Бреста, повидимому, сразу же после Октября... Одно это сообщение делает письмо Буржуа документом большого исторического значения.

Неменьшее значение эти донесения имеют для характеристики взаимоотношений так называемого «Временного правительства Автономной Сибири» и «союзников». Буржуа пишет, что «упомянутое правительство..., испытывая крайнюю нужду в деньгах, хотело бы получить от союзников финансовую помощь и было бы счастливо, если бы я взял на себя истолкование этого желания перед французским правительством». Буржуа на это «не ответил ни да, ни нет». Он считал, что это «были бы деньги, брошенные на ветер, что, субсидируя это дело, мы шли бы за знаменем, не имеющим никакого авторитета, и, боюсь, без будущего»...

Буржуа, находясь в Иркутске, был менее осведомлен, чем майор Пишон, приехавший к тому времени в Томск, где формировалось «Сибирское правительство. Пишон иначе расценивал роль и значение этого «правительства». «Сибирское правительство, — пишет Пишон, — ...показало себя с превосходной стороны: его теперешний председатель, г. Дербер, умный, деятельный, энергичный человечек, решительно и беспощадно порвал с большевиками». Далее Пишон расшифровывает сущность своих отношений с этим правительством и его «главой», Дербером: «У меня явилась, к счастью, возможность завязать, благодаря моим личным усилиям, связи и завоевать относительное доверие нескольких членов «правительства» и, в частности, председателя»... — пишет он. «Они прекрасно почувствовали и поняли ошибку, — пишет он далее, — совершенную с самого начала, выразившуюся в их „социалистической“ непримиримости, исключавшей

все неокрашенные одной краской „элементы"»... «Я уверен, что нам удастся расширить базу существующей организации, но на этот раз в правую сторону, вернув биржевые и торговые элементы, успокоившиеся насчет проводимой политики, быть может, присоединив также Потанина и кадет... Я не смею слишком надеяться, но уверен, что к этому искренно стремятся». Как видно из этого, Пишон принимал активное участие в организации этого «правительства», определении линии его поведения в отношении так называемых «цензовых» элементов, его финансировании и т. д.

Характерно, что даже разрешение вопроса о «резиденции» дербероского правительства произошло не без участия Пишона. В своем донесении от 6 февраля, т. е. за два дня до массовых арестов членов Сибирской Областной Думы и Областного Совета и за три дня до официального избрания «Сибирского временного правительства» (9 февраля), Пишон высказывал такое предположение: «Если не будет получено формального и точного сообщения о немедленном прибытии с фронта многочисленных и надежных частей, я полагаю, что было бы целесообразнее перевести провинциальное Сибирское правительство в Читу, чтобы сохранить его живым». Осуществлению этой мысли (переезду «правительства» в Читу) Пишон готов «способствовать». «Я определенно способствую, — пишет он: — 1) переезду Сибирского правительства в Читу; 2) признанию этого правительства, как только оно получит обеспеченное материальное существование. Бесполезно признавать его раньше, поскольку его могут задушить большевики; 3) ...я довожу до вашего сведения, что последую за Сибирским правительством в Читу, если оно туда переедет...».

Зачем же нужно было агентам «союзников» это «кочевое», «бродячее», «никого», по словам Буржуа, не представляющее «правительство»? На этот вопрос Пишон дает совершенно определенный ответ: он считает,что «вопрос об иностранной помощи очень тяжело ставить: это, совершенно очевидно, очень неприятный шаг: это означает риск получать от всех упреки и удары со всех сторон». Отсюда вывод: раз нельзя вопроса о «союзнической» интервенции ставить прямо, значит, нужна маскировка. Пишон об этой маскировке говорит так же недвусмысленно: «Формула»: «восстановление порядка русскими войсками», которым помогают организоваться, мне кажется наилучшей, «под ответственностью Сибирского правительства», которому должна быть оказана поддержка, и гара/нтирует легальность этих действий с международной точки зрения. И если бы впоследствии пришлось прибегнуть к интервенции по просьбе Сибирского правительства, обосновавшегося сперва в Чите, затем... в Иркутске, в зависимости от успехов его «отвоевания» Сибири, то это было бы совсем иное, а не самопроизвольная интервенция: это был бы приход союзников...» Как мы видим, Пишон готовил не союзническую интервенцию, а ...«приход союзников»... по просьбе Сибирского правительства. А для этого нужно было сколотить во что бы то ни стало это самое «правительство», нужно, чтобы оно было послушным, нужно было, чтобы Дерберы были марионетками в руках иностранных майоров, полковников и генералов.

Публикуемые документы дают возможность утверждать, что Дербер и его «правительство» оказались очень подходящими на подготовленную им майором Пишоном роль.

В «Красном Архиве» [1]) были опубликованы документы, иллюстрирующие «политику» дербероского правительства после отъезда его на Дальний Восток. Опубликованными тогда документами удалось доказать, что эсеровское «правительство» Дербера в то время все усилия прилагало к тому, чтобы заключить союз с махровыми черносотенцами типа Хорвата, финансовыми тузами из породы Путиловых и самим Колчаком.

Майор Пишон разоблачает Дербера до конца. Оказывается, еще до оформления Сибирского правительства, т. е. до 9 февраля, Пишон «получил уверенность [конечно, от Дербера?], 1) что даже к.-д. вернутся в это Сибирское правительство. Не открыто — это должно держаться в секрете — вследствие действия заколдованного слова: «реакция». 2) Что есаул Семенов находится в связи с областным правительством. 3) Что казаки тоже пойдут за ним»... Упомянутые нами документы говорили о связи Дербера с Гамовым — палачом благовещенских рабочих — Пишон открыто говорит о связи Дербера с Семеновым, от союза с которым открещивался даже Колчак.

Можно ли верить Пишону? Надо прочитать целиком цитируемое нами донесение. Оно поражает осведомленностью его автора. Пишон в феврале точно описывает всю процедуру предполагаемого собрания Сибирской Областной Думы, которое состоялось нелегально 9 февраля.

Отношения Пишона к Дерберу характеризуются одной фразой Пишона: «я подготовил понемногу Дербера, который очень легко пошел на это»... В данном случае речь шла о подготовке армии, «исполняющей приказы без рассуждений», «слепом орудии гражданской власти».

Повидимому, такая «подготовка» имела место и в других случаях. Пишон в одном месте, говоря о необходимости присылки в Сибирь советника по финансовым делам, прямо пишет: «Весьма существенно, чтобы он [советник] обладал инициативой; ибо, ввиду неопытности членов правительства, он должен быть в состоянии с а м о с у щ е с т в л я т ь н а м е ч е н н ы е п р о е к т ы».

Между прочим Пишон решительно высказывается за немедленную финансовую помощь Дерберу: «Деньги необходимо дать немедленно, а дискутировать потом». И далее: «Я думаю, ему [Сибирскому правительству] необходимо оказать финансовую поддержку, даже до признания его, даже если бы его не следовало признать потом». Расчет был правильный: надо было во что бы то ни стало создать базу в Сибири и чем ни скорее, тем лучше. Пишон указывал, что крупным шансом на успех является отсутствие в Сибири армии, которая к тому времени еще не вернулась с фронта. При этих условиях он считал возможным «с хорошо дисциплинированной дивизией отвоевать всю железную дорогу до Омска»... «Наконец, в самом худшем случае, — говорит Пишон, — можно потерять Центральную Сибирь, но Забайкалье и Иркутск всегда можно будет удержать, и даже без больших усилий, а это — уже чего-нибудь да стоит.

---

[1]) «Красный Архив», 1928 г., т. IV (XXIX). «Временное правительство Автономной Сибири».

Во всяком случае, за это стоило вступить в союз с сибирскими эсерами и дать им некоторое количество денег. Тем более, что эсеры сами усердно домогались у «союзников» денег (см. донесение Анри Буржуа).

Недурно разработанный план союзнической интервенции в Сибири в феврале — марте 1918 г., не был осуществлен не по вине эсеров и Пишона.

6 февраля писал свое донесение Пишон. В этот же день Центросибирью был отдан приказ об аресте центра заговорщиков — членов Сибирской Областной Думы и Областного Совета. В приказе прямо говорилось, что каждый день пребывания заговорщиков на свободе дает им возможность открыто налаживать единый фронт против Советов с иностранными интервентами. Аресты были произведены в ночь на 8 февраля. Центр контрреволюционной организации понес большой урон. Пришлось перестраивать все заново, а «правительству» Дербера спешно удирать на Дальний Восток.

На Пишона аресты произвели большое впечатление. «Только что произошли массовые аресты, — пишет он, — страшно досадно, как раз в самый критический момент»...

Разгром Сибирской Областной Думы отодвинул разрешение вопроса об интервенции, диктатуре на несколько месяцев. В дальнейшем Пишон еще раз пытался ставить ставку на дербероское «правительство». По крайней мере, в своем докладе, опубликованном в СССР несколько лет назад, он высказывался за необходимость «предложить законным представителям Сибири, находящимся в Харбине, в частности членам Учредительного Собрания — сибирякам и представителям всех партий, принимающим нашу программу борьбы против большевизма, организовать временное коалиционное правительство, приемлемое для союзников и имеющее осуществлять свои полномочия впредь до созыва Сибирской думы» [1]).

На этот раз «хозяева» майора Пишона предпочли другие силы. Роль дербероского правительства сыграл «Комуч» и Сибирское правительство Вологодского-Михайлова, а «хорошая дисциплинированная дивизия» для занятия сибирской магистрали нашлась в лице подкупленных чехо-словаков.

В. М.

---

[1]) Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. ГИЗ. 1925 г., стр. 55.

Письмо управляющего французским консульским агентством в Иркутске Жандро от 7 декабря 1917 г. [1])

Копия.

Иркутск. 24 ноября (7 декабря) 1917 г.

Г. граф.

Почти вся Сибирь перешла под власть Советов.

19 ноября Советы солдат и рабочих решили, после некоторых колебаний, завладеть властью. Большевики присвоили себе, таким образом, всю власть — власть, которой никто не признает и против которой все готовятся бороться всеми средствами. Глухая борьба завязалась между большевиками и властью, которую они претендуют заместить. Никто не хочет уступить. Дума, избранная городом, намеревается управлять им и будет продолжать управлять. Большевики же захотели урегулировать снабжение и бороться со спекуляцией. Дума не уступит ни пяди. Борьба начинается. И исход этой борьбы может сыграть огромную роль для других сибирских городов. Население на стороне думы. Командующий войсками перешел на сторону солдат и согласился разделить власть с прапорщиком, избранным на его место.

Все страшно поражены известиями, приходящими с фронта. Никто не хочет этого мира, который унизит Россию на многие века. Жиды продали Россию немцам, мы погибли. Это — вечный позор, вечное рабство. Союзники будут побеждены, будут побеждены окончательно, как мы. Мир принадлежит Германии. Пусть союзники заключают поскорей мир, если хотят сохранить независимость и клочок своей территории. Союзники объявят нам войну. Но все равно, мы — изменники. Старый режим обманул их, и наша гнусная демократия обманывает их с цинизмом, подобного которому не знает история. Вот одни и те же песни, которые мы слышим с утра и до вечера. А ночью они повторяются в различных вариантах на митингах.

Нужно иметь очень испытанные нервы, чтобы жить, не теряя духа, в этой атмосфере трусости, позора и бесчестья. Что отвечать тем, кто бросает нам в лицо, нам, союзникам, слова поражения? Можем ли мы быть побеждены? Разве весь почти мир объединился для того, чтобы потерпеть непоправимое поражение? Окажется ли еще Россия способною в смертельном трансе на вспышку энергии под влиянием угрызений совести? Следует ли надеяться на это? В своей трусости солдаты обрушиваются с ненавистью на Францию и Англию,

[1]) Как в этом, так и в следующих письмах Жандро адресат не указан.

когда им говорят, что Франция и Англия предпочитают скорей погибнуть, чем просить о мире. Их головы наполнены заимствованными от немцев рассуждениями, которые они принесли с фронта. Они стали рабами их. Нужно чудо, чтобы освободить их от этого навождения. Они верят только подкупленным жидам и низкой сволочи, которую русское тупоумие вырвало из глубины тюрем. Говорят, японцы приближаются, хотя никто не может подтвердить этого. По слухам, они заняли Владивосток. Приводят тысячи разговоров японских офицеров с «товарищами». Порядок, как-будто, будет восстановлен. Все облегченно вздыхают. И Иркутск ждет прихода желтых избавителей. Придут ли они? Придут ли?

Семьи, где сохранилось еще немножко патриотизма, совершенно убиты, разбиты, потеряли рассудок от стыда и отчаяния. Преступления множатся. Никто не чувствует себя в безопасности.

Иностранцы приходят ко мне, умоляют меня сказать им, что союзники победят. Француженки плачут, как дети, ввиду возможного несчастия. Все запрашивают меня о намерениях союзников. На улицах незнакомые люди забрасывают меня тысячью вопросов. Покинут ли союзники Россию? Что сделают союзники в случае победы? Какую судьбу готовят они изменнице-России? Покорит ли Германия мир? Исчезнет ли Россия? Имеет ли какое-нибудь значение американская армия?

Всюду отчаяние. А способно ли на что-либо отчаяние? Это русское отчаяние — способно ли оно на возмущение? Что сказать всему этому несчастному люду? Я осушил уже много слез своим крайним оптимизмом. Ноша союзников очень тяжела в этот момент, — хватит ли у них сил донести ее до конца?

Два дня назад я получил обе почтовые посылки и распространил в клубах фотографии и журналы. Если не считать ненависти солдат, — симпатии к союзникам растут больше по отношению к Франции, чем к Англии, которую, по наущению немцев, постоянно обвиняют в том, что она ничего не делает, что слишком корыстна и что она выкачала все деньги из России.

Фотографии генералов и развалин выставлены во многих магазинах.

Почти все население объединено в одном порыве — найти тирана, который спасет Россию. Где этот тиран, этот диктатор, чьи капризы и фантазии уже заранее готовы исполнить, лишь бы он обеспечил России скромное, но почетное будущее?

Жандро,

управляющий французским консульским агентством в Иркутске.

Письмо управляющего французским консульским агентством в Иркутске Жандро от 23 декабря 1917 г.

Копия.

Иркутск, 23 декабря 1917 г.

Г. граф.

Кризис большевизма, о котором я вам писал как о неизбежном, разрешился, наконец, возмущением и избиениями, которым нет равных. В течение недели, с 8 до 18 декабря, Иркутск был театром непрерывных битв, превзошедших своими ужасами все, что могла дать зловещего война. С одной стороны — юнкера, казаки, с другой — большевики вели ожесточеннейшую борьбу, заставлявшую содрогаться от ужаса даже тех, кто провел три года на фронте. Все уголовные Сибири собрались в Иркутске, чтобы поддержать Советы рабочих и солдат. Томск, Омск, Ачинск, Красноярск, Канск, Черемхово собрали в Иркутске свои банды выпущенных на свободу каторжников. У большевиков было 6 тысяч человек, юнкеров было 600; у первых было 18 пушек, у вторых — митральезы. Юнкера и казаки проявили чудеса храбрости и бесстрашия. Почти все население было на их стороне. Социалисты-революционеры, обещавшие свое содействие, попрятались в погреба на все дни крови и огня и вылезли на свет после бури, чтобы произносить речи и образовать новое правительство, основанное на победе юнкеров. Неделю население провело в погребах. Деревянные дома не служили надежным убежищем от пуль. А каменные дома в Иркутске — редкость. Преследуемый пулями, я укрылся в погребе, который мне пришлось оставить, когда открыли огонь по этому кварталу. Под безжалостным градом пуль я отправился в другой квартал города, где нашел кров и убежище. Наконец, битва кончилась под давлением населения, видевшего, как их дома рушатся один за другим. Иностранные представители выступили посредниками между борющимися. Юнкера предложили большевикам закончить дело за пределами города, предлагая им выбрать какое угодно место. Большевики отказались. Наконец, мир был заключен на следующих условиях: Красная гвардия разоружается, солдаты отправляются по домам, за исключением трех воинских частей которые должны остаться в городе для поддержания порядка, школы прапорщиков распускаются, военная школа остается.

Население осталось крайне недовольно этими условиями, и социалисты-революционеры захотели видеть в них новый источник борьбы. В виду такого вздора, юнкера принесли себя в жертву и оказались вынужденными скрыться; они переоделись, чтоб бежать, и огромное количество их отправилось по направлению к Манчжурии, чтобы

спастись от смерти, которой грозили им красногвардейцы и солдаты. В России вещи никогда не принимают того оборота, который здравый смысл и логика предписывают им на Западе. Большевики остались господами положения, и в данный момент они управляют Иркутском.

После подписания мира я вернулся к себе. Моя квартира была разграблена, у меня ничего не осталось. Знамя Франции оказалось поруганным. Я заявил энергичный протест перед начальником большевистской банды, Борисом Шуминским [1]). А социалистическая пресса г. Иркутска нашла, что у меня очень скверный характер.

Шуминский — полный хозяин Иркутска и командует всем правительством. Действия иностранных консулов несколько нервируют его и налагают узду на его тиранию. Он хотел расстрелять нескольких офицеров, мы воспротивились этому и спасли их. Несколько китайцев и греков были убиты, и сотня иностранцев — ограблены. В Харбине пронесся слух, что я убит, и японский генеральный консул прислал телеграфный запрос, чтобы проверить этот слух и выяснить положение в городе. Мы ответили ему самой тревожной телеграммой. Положение остается попрежнему угрожающим. Роллан Сибер опишет во всех подробностях в «Русской газете».

В а ж н а я в е щ ь. Военнопленные приняли в довольно большом количестве участие в борьбе, особенно в качестве артиллеристов. Некоторые были убиты, другие взяты в плен. В с е э т о с о в е р ш е н н о д о с т о в е р н о.

Письмо управляющего французским консульским агентством в Иркутске Жандро от 1 января 1918 г.

Копия.

И р к у т с к, 1 я н в а р я 1918 г.

Г. граф.

Иркутск оправляется с трудом от дней кризиса, который залил огнем и кровью очень значительную часть города. Положение попрежнему угрожающее. С Запада и с Востока приходят самые тревожные вести, но ничего достоверного, все смешалось, все брошено на произвол судьбы. Нервозность населения доходит до мании и до безумия; все хотят бежать, но никто не знает, куда. Кто побогаче, отправляются в Китай, в Японию, даже в Америку. Офицеры покидают армию, остаются только несколько мерзавцев, которые воображают себя призванными сыграть большую роль.

[1]) Следует: Шумяцким.

Большевистское движение кажется отсюда восстанием сумасшедших, дегенератов, выродков, представители которых в Иркутске до того физически отвратительны, что тебя тошнит.

Манчжурия целиком оккупирована китайскими войсками. Один казак, по фамилии Семенов, двигается из-за Манчжурской границы, разгоняя Советы, наводя порядок и принося мир населению, исстрадавшемуся от тирании большевиков. Семенов со своей армией, состоящей из казаков, китайцев и японцев, двигается, будто бы, к Чите. И жители Иркутска праздновали бы его прибытие. Большевистский отряд отправился навстречу ему. Но большевики признаются, что они не рассчитывают на победу. Семенова трудно победить,— говорят они, он — только авангард интернациональной армии, которую они определяют в 25 000 чел. и которая должна овладеть всей Сибирью.

Дутов со своими казаками — в Челябинске. Большевики ничуть не успокоились. Между ними начинают обнаруживаться разногласия.

Ненависть к заграннце выражается все сильнее и сильнее у сторонников Ленина. Мне кажется, что они особенно злы на французов, но я не знаю точно, за что. Я думаю, что жизнь иностранцев постоянно в опасности. Кто защитит нас? Знамя не играет никакой роли в этой гражданской войне, где психопаты играют первые роли и занимают первые места. Действительно, можно бояться русской глупости, которую самодержавие так гениально скрывало пред лицом цивилизованного мира.

Здешние газеты много пишут о французской военной миссии, цитируя телеграммы, которые пахнут немцем.

Я только что получил два пакета, о которых получил уведомление. Ходят все более упорные слухи, что немцы заняли Петроград. Военнопленные живут здесь почти на свободе. Они ходят в кино, в театр, совсем как добрые русские граждане. Они зарабатывают от 10 до 20 руб. в день — и с каким презрением смотрят они на этих добрых русских, которые всегда в восторге от их внимания! На это подлинно омерзительно смотреть нам, их союзникам.

Что принесет нам весна? Смогут ли русские подписать мир с немцами? Здесь ничего неизвестно о том, что делается в России. Только «Русская газета» сообщает нам некоторые новости о российской анархии, но она не успокаивает нас насчет будущего, она не говорит нам больше о победе,— говорят мне наши бедные французы, подвергшиеся столь жестоким испытаниям благодаря большевистским событиям.

Эти иркутские газеты принимают с готовностью статьи, которые вы нам присылаете, и охотно печатают их. Они так плохо осведомлены в настоящее время, что с жадностью хватаются за случай, который

вы им предоставляете. Само собою разумеется, что так как сообщение было прервано на десять дней, вследствие большевистского кризиса, то посланные статьи были получены с некоторым запозданием. Но в обычное время мы их получаем на восьмой-десятый день.

Газета социалистов-революционеров «Сибирь» набрасывается с жадностью на «Юманите» и «Виктуар», в надежде найти свет в этих листках и объяснение событий, развертывающихся на наших глазах. Социалисты следят настороженно за Германией; они хотели бы открыть один секрет: они стараются разглядеть, не брезжит ли там революционное движение, которое явилось бы одобрением и торжеством русской революции, которою весь мир отказывается восхищаться. В своей наивности азиатских славян они не понимают, как может мир оставаться столь равнодушным.

Благодаря событиям последних недель, консулы играют важную роль по отношению к большевикам. По существу, в Иркутске есть только две власти: большевики и консулы. И мы заставляем их дрожать перед силой, которая стоит за нами. Эти доблестные большевики не могут мне простить энергичного напоминания о том, что консульское агентство подверглось грабежу и насилию. Презрение и отвращение к их поведению, которые явно сквозят в нашем тоне и жестах, не дают им покоя. В ответ на наши требования они обещали все сделать для охраны интересов иностранцев, но они не прощают нам презрения к себе. Нам нечего ждать чего-нибудь хорошего от них, ибо у них — психология преступников и дегенератов.

Жандро.

P. S. Военнопленные принимали участие в борьбе большевиков. У меня есть многочисленные свидетели этого.

Письмо управляющего французским консульским агентством в Иркутске Жандро от 8 января 1918 г.

Копия.

Иркутск, 8 января 1918 г.

Милостивый государь.

Я послал вам в конце ноября два письма и одну телеграмму, на которые вы не откликнулись. Только что я получил вашу почтовую посылку с альбомом Эльзаса. Спасибо за газеты. Французские генералы на своем посту и пользуются влиянием. Присланные телеграммы печатаются в трех газетах. Редакторы берут их с радостью. Сегодня утром я получил телеграммы от 13 декабря. Причиной тому — боль-

шевистские дни; нормальная жизнь едва вошла в колею. Я получил из Омска письмо от майора Пишона. На улицах Иркутска мы встречаем нескольких румынских офицеров. Несколько японских офицеров проследовало через Иркутск по пути в Японию. Здесь нервы до того напряжены, что малейшему событию придается значение, и каждое незнакомое лицо играет роль в близком будущем, которого все желают и ждут. Томление и тоска вызывают кошмары у этого населения, неспособного здраво и логично рассуждать.

Положение попрежнему угрожающее. Погромы возможны всегда. Большевики выпускают на-слово арестованных. Последние устраивают прогулки по городу и очень часто забывают о данном слове, забывают вернуться в тюрьму и грабят буржуазию. Самые необычайные кражи совершаются среди бела дня, на самых людных улицах.

Большевики держат Иркутск в своих когтях и управляют им самым фантастическим образом, от которого кружится голова.

Несколько сот офицеров явились в агентство с просьбой принять их во французскую армию; они хотят во что бы то ни стало покинуть Россию, а некоторые говорили даже, что никогда не вернутся на свою родину. Многие вызывают подлинное сострадание. И я охотно подарил бы свои симпатии тем, кто принимал участие в великих днях Иркутска. Но такие слишком редки: свыше тысячи окопались. Их помощь могла бы спасти Иркутск от большевистского террора, который сейчас заставляет всех дрожать. Чита собирается повторить большевистские дни в Иркутске. Но казаки и буряты достаточно многочисленны и довольно хорошо вооружены, чтобы уничтожить отряды, посланные для того, чтобы навязать городу Советскую власть. Есаул Семенов обещал населению Забайкалья избавить его от большевистского ярма. Иркутск также ждет спасителя; может быть, Семенов, водворивший некоторый порядок в Манчжурии, дойдет до Иркутска, который подстерегает голод. Граница закрыта китайцами, которые ничего не пропускают. Однако, благодаря вмешательству иностранных консулов, имеющих резиденцию в Иркутске, китайское правительство согласилось на посылку в Иркутск продовольствия на несколько месяцев. И город рассматривает нас как своих спасителей и освободителей. Мы рассчитываем на Иркутск, и большевики, действительно, не любят нас, ибо на каждом шагу мы ставим им палки в колеса. У нас 12 тысяч китайцев, 500 греков, 250 японцев, 50 французов, 40 итальянцев и пр., которых нужно защищать, и мы не пренебрегали ничем, чтобы поставить их в абсолютно безопасное положение. Однако это удалось нам не без труда, ибо нам приходится предугадывать и предотвращать вероломство этой орды с психологией дикарей.

Прибытие французского генерального консула из Тяньцзина объявлено на ближайшие дни. Его будут, кажется, сопровождать американский военный атташе в Токио и несколько других видных лиц. Население хотело бы придать этому визиту большое значение и возлагает на него огромные надежды. Бедные сибиряки так несчастны и так мало верят в себя самих и в русских, что только иностранец, каков бы он ни был, единственно способен бросить им якорь спасения: румынский офицер — вестник счастья. Когда же прибудут японцы? Или эта интернациональная армия, столь желанная и столь страстно ожидаемая, никогда не появится?

Мы все еще накануне кровавых дней. Большевики никого не удовлетворяют. Некоторые полки — 11-й и 12-й, — принимавшие участие в борьбе на стороне большевиков, поднялись теперь против них. Партия с.-р. решилась, наконец, с некоторым опозданием, бороться против большевиков. Правда, эта партия обещала поддержку и славным юнкерам перед большевистскими днями, но в течение всей недели она ничем не сумела помочь, даже речами, и в страхе попряталась в подвалы. Большевики нашли в своем лоне и других врагов. На Черемховских каменноугольных копях занято 10 000 рабочих, все большевики, из них две трети — протеже позорной памяти Керенского. Эти преступники социализировали копи. Совет рабочих и солдат Иркутска, представляющий всю Сибирь, хочет национализировать эти же самые копи. Делегаты от Иркутского Совета были отправлены в Черемхово для решения этого важного вопроса.

Рабочие приняли их очень плохо, и делегаты вернулись в Иркутск с заявлением, что только силой можно справиться с этими каторжниками.

Консульский корпус играет важную роль в Иркутске, это ясно, все благодарят нас за удачное посредничество.

Представители шведского Красного креста и других учреждений энергично и неловко протестовали против наших действий, обвиняя нас в нарушении международных законов и в переходе границ нейтралитета, находя, что иностранцы абсолютно ничем не пострадали от доблестных большевиков. Все население было этим очень взволновано, находя крайне неуместными протесты этих слуг Германии.

Так как Иркутск был очень мало осведомлен о действиях представителей Швеции в Аргентине, то я нашел этот случай подходящим, чтобы осветить в местной прессе все подробности дела. Тогда шведы и их многочисленные германские приспешники замолкли. Эти доблестные шведы не постеснялись заявить, что дела в России шли и развивались как нельзя лучше. Немцы иначе не говорят [1]).

[1]) Эта копия, без подписи, напечатана на той же машинке, на такой же бумаге как и предыдущие.

Отношение французского генерального консула в Иркутске Анри Буржуа на имя французского посла в Петрограде от 26 января 1918 г. № 2.

Иркутск, 26 января 1918 г.

Честь имею при сем препроводить вам копию депеши, отправляемой мною в департамент, по поводу положения в Иркутске на сегодняшнее число.

А. Буржуа.

Депеша французского генерального консула в Иркутске Анри Буржуа на имя французского министра ин. дел от 26 января 1918 г. № 2.

Иркутск, 26 января 1918 г.

Положение в Иркутске.

Своей телеграммой от 22 с. м. я сообщил вам о своем прибытии в Иркутск. Настоящим я имею честь довести до вашего сведения об условиях, в которых я застал этот город, занятый уже три недели большевистскими бандами. Наш коммерческий агент, г. Жандро, который произвел на меня впечатление хорошо осведомленного человека, усердно снабдил меня, со знанием дела, последними новостями. По его словам, он держал наше Петроградское посольство в курсе всех условий, в которых происходило взятие Иркутска. Поэтому я начну с момента прибытия и вкратце охарактеризую положение, которое сводится к следующему:

I. Большевистские комиссары ввели с момента захвата ими правительственной власти — если это слово уместно здесь — методы управления, принятые максималистами в Европейской России, программу которых, при взгляде со стороны, можно, кажется, резюмировать следующим образом: «Сперва разрушим, а там видно будет». Что касается, в частности, интересов иностранцев, то эти последние в существенном третируются так же, как и интересы частных русских лиц, а банки, учрежденные на иностранные капиталы, подчинены тем же правилам, что и русские кредитные учреждения. Так, на Русско-Азиатский банк в Иркутске был наложен секвестр, и администратор с ограниченной компетентностью, но с безграничными претензиями делает жизнь «нормального» директора этого учреждения очень тяжкой. Я собираюсь выступить по этому поводу пред максималистскими комиссарами, хотя и заранее очень скептически настроен

насчет результатов своего протеста против образа действий, импортированного из самого Петрограда.

II. Если большевики — хозяева города, то местные анархисты, в большинстве освобожденные ссыльно-поселенцы, — хозяева большевиков, которые могут сказать, как некто: «Я — их глава, следовательно, я должен следовать за ними». В результате, паника царит среди населения, населения аморфного и пассивного, неспособного ни на что реагировать, неспособного помочь себе, — которое умеет протестовать только нытьем; город мрачен днем, мертв по вечерам, так как страх перед шальной пулей удерживает дома жителей, в обычное время, как мне говорят, любящих шататься по ночам. Первое впечатление от города у вновь прибывшего иностранца — мрачное, следующее — как можно скорее удрать из него, что и делают все, кто только может.

III. За бомбардировкой, предшествовавшей сдаче города и не пощадившей ни одного квартала — разрушенные и сожженные или изрешетенные ядрами и пулями дома встречаются на каждом шагу, — последовал период грабежей и террора, который обнаруживает как-будто легкую тенденцию к ослаблению, вследствие организации польской, латышской, грузинской, армянской, черкесской милиции на место давно исчезнувшей регулярной полиции; они относительно обеспечивают действительную безопасность ночью. Но грабежи среди бела дня еще продолжаются, и производят их состоящие на жалованьи у большевиков солдаты; они врываются в дома, чтобы производить обыски, по существу являющиеся кражей, плоды которой продаются тут же на улице теми самыми людьми, которые производили эту операцию.

IV. Под влиянием воспоминаний о трагических днях население, легко верящее всяким слухам, находится теперь в ожидании — вполне, впрочем, возможного — нашествия в город рабочих соседних копей, сторонников «города для шахтеров», которые с большим шумом заявили о своем намерении взять его обратно.

Наконец, некоторые предвидят возвращение ужасов осады Иркутска, продолжавшейся целую неделю, так как, по последним известиям, казаки из Читы — большой город на полпути от Харбина — прогнали большевистскую власть из этого города и готовятся к попытке проделать то же самое и здесь. Посмотрим.

V. Я созвал на завтра собрание делегатов иностранных колоний в Иркутске, которые играют в этом городе роль консульских агентов. Здесь есть в действительности один лишь штатный консул — китайский. Мы рассмотрим в срочном порядке меры, которые необходимо принять, чтобы обеспечить этим колониям максимум безопасности,

и шаги, которые надлежит предпринять перед большевистскими комиссарами, чтобы избавить наших соотечественников от применения некоторых мер такого порядка, которые могут нанести серьезный ущерб интересам иностранцев.

VI. В первые дни по моем прибытии я разработал, по просьбе консульского корпуса в Харбине и продовольственного комитета в Иркутске, проект соглашения о разрешении снабжения через Манчжурию продовольствием Иркутска и его окрестностей, сейчас обреченых на паек, который граничит с голодом. В особой депеше я посылаю вам отчет о принятых на этот предмет мерах, особенно в целях гарантирования союзникам, что ввезенные продукты не будут использованы на пользу врагу.

VII. Прибытие в Иркутск французского генерального консула вызвало некоторое волнение среди большевиков, а среди терроризованного населения пробудило некоторые чрезмерные надежды, которые вряд ли удастся мне осуществить своими собственными силами. Тем не менее, наш коммерческий агент г. Жандро, который, кажется, обладает интересными источниками осведомления во всех лагерях, сообщил мне, что это решение французского правительства, приведенное в исполнение в этот исключительный момент, имело своим последствием ослабление агрессивности большевистских комиссаров, чьи тенденции, — более германо-, чем антантофильские, — здесь всем известны. Посмотрим, что будет в действительности, когда в первый же день комиссарам будет предъявлено требование гарантий безопасности для наших соотечественников и обеспечения интересов, которые они представляют.

VIII. Так как и мелочи имеют иногда важное значение, то я считаю своим долгом отметить, что имя, которое я ношу, очень непопулярно в глазах русских революционеров. Так как революция совершается теперь под лозунгом «долой буржуа!», то я очутился в положении иностранца, который назывался бы в 1793 г. во Франции, вблизи фонаря, «г-н Аристократ». Но — это мелочь, на которую через несколько дней перестанут обращать внимание.

IX. Прибыв сюда всего четыре дня назад, я еще не вступил ни в какие сношения с большевистскими комиссарами и сделаю это не раньше, чем переговорив с делегатами иностранных колоний, которые уже создали в этом отношении прецедент, с которым я буду сообразоваться или нет — в зависимости от того, что мне покажется более целесообразным. Мои намерения, в принципе, — ничем не создавать впечатления, что я вмешиваюсь во внутренние дела русских, и ограничиться в своих выступлениях защитой наших интересов, общей защитой безопасности иностранных колоний и наблюдением за собы-

тиями, о которых я буду давать вам отчет. Энергичная осторожность, которую ваше превосходительство изволили рекомендовать мне в своей телеграмме от 2-го с. м., мне кажется, определяет позицию, которую должен занимать в настоящих условиях представитель Франции в Сибири.

Я прошу прощения за беглую форму этой депеши, но, будучи здесь один, только с переводчиком, я вынужден придерживаться квази-телеграфного стиля.

P. S. Я мог увезти из Тянцзина только шифр B. L. B., один экземпляр которого могла мне уступить французская миссия в Пекине.

Отношение французского генерального консула в Иркутске Анри Буржуа на имя французского посла в Петрограде от 9 февраля 1918 г. № 8.

Иркутск, 9 февраля 1918 г.

Честь имею при сем препроводить вам копию депеши, которую я только что отправил в департамент, о положении в Иркутске за истекшую неделю.

А. Буржуа.

Депеша французского генерального консула в Иркутске Анри Буржуа на имя французского министра ин. дел от 9 февраля 1918 г. № 9.

Иркутск, 9 февраля 1918 г.

Положение в Иркутске (продолжение). Защита соотечественников.

Баланс истекшей недели не особенно удовлетворителен: в активе, как улучшение положения на месте, — «без перемен», в пассиве, как ухудшение этого положения: 1) отсрочка «sine die» [1]) союзнической интервенции против возможных действий врага в Сибири, с использованием интернированных в этой стране военнопленных; 2) констатирование факта, о котором я сообщал по телеграфу, что эти последние не только находятся на свободе, но и частично вооружены большевиками; 3) захват последними частных банков, в том числе Русско-Азиатского, и невозможность для владельцев счетов — кредиторов получить, впредь до нового распоряжения, деньги, необходимые для их существования или для существования их семей, уехавших

[1]) «На неопределенный срок».

отсюда из-за отсутствия безопасности; 4) захват большевиками железной дороги, начальник которой — армянин, настроенный очень в пользу французов, и начальник службы были попросту уволены и заменены несведущими младшими служащими; 5) ухудшение в смысле безопасности, продолжение «административных» грабежей частных лиц и ночных и даже дневных покушений на жизнь мирных граждан со стороны «красногвардейцев», усиление страхов у жителей Иркутска, которые, потеряв душевное равновесие из-за террора, принимают без критики самые нелепые слухи; 6) невозможность для консульского корпуса добиться, на протяжении вот уже почти десяти дней, какого бы то ни было ответа от захватчиков власти на их письменные и устные заявления, касающиеся безопасности иностранных колоний; 7) наконец, — last but not least [1]) — тенденция к ухудшению пайка, в особенности вследствие нехватки мяса и овощей — из Манчжурии можно получить лишь муку, — которые здесь можно раздобыть только по голодным ценам — в подлинном смысле слова.

Как видите, положение не из блестящих, и плохое утешение думать, что если положение серьезно здесь, то в Европейской России оно еще хуже, в частности, в Петрограде, где сами посольства не гарантированы от налетов, если можно верить последнему номеру «Русской газеты», полученному вчера в Иркутске.

Что касается безопасности иностранцев, то, как я уже сообщал вашему превосходительству, последним разрешено, на основании договора консульского корпуса с советскими комиссарами, ношение оружия под ответственностью их представителей. С другой стороны, я только что снабдил всех французов удостоверением о национальной принадлежности, введенным в России и предназначенным для наклейки на дверях их квартир, чтобы «насколько возможно» обезопасить их от обысков в мое отсутствие. Я сам едва не сделался предметом «розысков оружия», которые являются ничем иным, как замаскированным грабежом, но красногвардейцы, на которых была возложена эта операция, ретировались по одному моему протесту, добавив, что они доложат «кому следует».

Индивидуальная защита наших граждан довольно затруднительна: так как — как я уже доносил — наша колония состоит почти исключительно из гувернанток и учительниц, живущих у русских, то заинтересованные лица неизбежно подвергаются, в известной мере, участи их хозяев, и большевистским агентам очень легко не делать различия между комнатой, как правило, очень скромной,

[1]) «Последнее, но не самое маловажное».

в которой они живут, и остальной частью обыскиваемого помещения. Отсюда и вышеупомянутая мера предосторожности. Нужно, впрочем, сказать, что бедные женщины мало что имеют при себе и что их незначительные сбережения находятся в относительной безопасности в «национализированных» банках, где вклады так тщательно охраняются, что сами владельцы не имеют к ним доступа.

Необходимо однако все предусмотреть, под страхом быть застигнутыми врасплох в этой стране с неограниченными возможностями, и я должен безотлагательно и «на всякий случай» обратить внимание департамента на то, что мы можем оказаться с минуты на минуту в необходимости организовать общее переселение наших соотечественников. Последние, или, точнее, последния, не только подвергаются здесь риску, общему для всего населения, но также и опасности остаться без заработка из-за исчезновения клиентуры. Уже вследствие падения рубля и вздорожания жизни наши француженки, живущие на заработок, оказались в очень тяжелом положении; следует ожидать, что это положение станет нестерпимым для большинства из них, если бегство богатых или зажиточных семей, которые дают им возможность существовать, усилится. Переход на паек, который грозит перейти в голод, отсутствие работы, местные опасности, — и нашим соотечественницам не останется ничего другого, как обратиться ко мне, а у меня не будет никаких других средств защиты их, кроме обращения к нашему департаменту за разрешением репатриировать их в срочном порядке. Чтобы департамент был вполне в курсе вопроса, в случае, если последний встанет с особой остротой, я считаю полезным, не откладывая, сообщить вам, во что приблизительно может обойтись такая операция, которую следует предусмотреть приблизительно для сорока человек. Путешествие во 2-м классе из Иркутска во Владивосток стоит, включая все, около 600 руб. или 300 фр., от Владивостока до Шанхая — около 340 фр.; на все следует считать около 30 000 фр. (самое большее), чтобы доставить наших соотечественниц до порта отправления (Шанхай), откуда они могут быть доставлены в Марсель с уплатой на месте.

Само собой разумеется, что я рассматриваю подобную комбинацию как самый крайний случай, когда положение станет нестерпимым, и мы ничего не сможем поделать, но, повторяю, благоразумнее предусмотреть во-время все возможности.

P. S. Только что я имел визит трех большевиков, которые очень мало заботятся о своей особе. Они заявили мне о своем намерении «национализировать» дом, где я устроил свое бюро, владельцу которого принадлежат копи в этом районе и который должен был бежать из-за угроз по его адресу. Таким образом, мне

грозит стать съемщиком у народных комиссаров. Эта страна полна неожиданностей.

Само собой, я выиграл время, отложив ответ на это сообщение.

Депеша французского генерального консула в Иркутске Анри Буржуа на имя французского посла в Петрограде от 16 февраля 1918 г. № 9.

Иркутск, 16 февраля 1918 г.

Вопрос о военнопленных. Разное.

Я собирался подтвердить и дополнить свою телеграмму относительно австро-германских военнопленных, интернированных в Иркутском районе, когда мы получили телеграмму, подписанную Троцким, в которой сообщается (допуская, что она подлинная), что Комитет Народных Комиссаров решил, с одной стороны, отклонить германские условия мира, с другой — полностью демобилизовать все, что осталось от русской армии.

Это решение, которое звучало бы парадоксом во всякой другой стране, кроме современной России, должно, повидимому, повлечь за собой для военнопленных, о которых идет речь, одно из следующих последствий:

I. Или большевики, находя, что содержание интернированных военнопленных в Сибири обходится им слишком дорого, избавятся от них, отправив их по домам или до границы. Такой поступок имел бы вероятным последствием использование против союзников до 200 000 чел. в хорошем состоянии, поскольку можно судить по образцам, которые мне довелось наблюдать.

II. Или австро-германцы захотят использовать на месте своих пленных офицеров и солдат, проникнув в Сибирь, чтобы их вооружить — впрочем, частично они уже вооружены, — что сделает их фактически господами территории, оккупация которой явится, быть может, интересным обменным фондом для центральных держав в момент, когда они начнут переговоры с Японией.

III. Или же добрая часть из этих 200 000 человек, значительная часть которых, я думаю, не очень жаждет вернуться на фронт, воспользуется своей свободой, чтобы рассеяться по стране и устроиться здесь (на деньги германского Красного креста в Китае, фон-Ганнекенов и т. п.), и займется политической и экономической германизацией, которая явится в будущем своеобразным противовесом союзным державам.

IV. Или, наконец, все останется по-старому, но я скептически отношусь к этому, так как подобное решение не в стиле немцев, которые

вряд ли оставят неиспользованной, если они могут поступить иначе, силу такого значения.

Вот почему я не могу не пожалеть об отсрочке «sine die» союзной экспедиции, намечавшейся к началу прошедшего января, — экспедиции, которая дала бы возможность р е а л ь н о г о интернирования пленных врагов, закрыв им дорогу в Германию. Этот вопрос о военнопленных в Сибири является, на мой взгляд, одним из важнейших, которые встают перед нами, и, допуская, что опасность германского проникновения в эту страну не претворится в жизнь,— самая возможность ее реализации и последствия таковой, мне кажется, обязывают к принятию известных мер предосторожности.

В момент, когда я пишу эту депешу, положение военнопленных остается таким же, как я имел честь доносить вам в своей телеграмме от 5-го с. м., которую вы изволили переслать в департамент. В тот самый день, когда я посетил лагерь, я созвал собрание консульского корпуса, с которым поделился своими наблюдениями. В результате этого собрания большевистским комиссарам был послан протест, основанный: 1) на чрезмерной свободе, которой пользуются австро-германские пленные, которые свободно разгуливают во всякое время дня и ночи не только по городу, но и по вокзалам и вдоль линии железной дороги; 2) на предоставлении в распоряжение этих же военнопленных оружия и военного снаряжения, в то время как простым частным лицам запрещено вооружаться для защиты своей жизни и имущества.

До сих пор этот протест остается без ответа, и это меня ничуть не удивляет. Из верного источника мне дают понять, что якобы (по инструкциям из Петрограда) местный большевистский комитет решил подчинить иностранных консулов режиму на основах взаимности, т. е. не признавать последних до тех пор, пока их правительства, с своей стороны, не признают правительства Народных Комиссаров. Это вполне подтверждается.

Впрочем, это положение не особенно изменит мой способ действий, исходя из того, что я выступаю исключительно официозно и больше по отдельным конкретным поводам, чем по принципиальным вопросам, ибо, по-моему, бесполезно противиться решениям общего порядка, принятым местными комитетами, которые являются лишь простыми агентами петроградских комитетов, акты и декреты которых они только воспроизводят.

Следует отметить после моей общей депеши № 8:

1. Перенесение в Государственный банк кассовой наличности частных банков, «национализированных», как я сообщал посольству в своей телеграмме от 31 января.

II. Запрещение русским продавать иностранцам недвижимость в Сибири и акции частных банков.

III. Тенденция у большевиков конфисковать оружие, на ношение которого было раньше дано разрешение. Я продолжаю выдавать разрешение на ношение оружия тем из моих соотечественников, которые ходатайствуют об этом, и думаю вмешаться, если встанет вопрос об их разоружении.

IV. Увеличение пайка, особенно вследствие затруднений, чинимых большевиками продовольственным комитетам, с которыми мы заключили соглашение, явившееся предметом моей депеши № 7. Следует ожидать роспуска этих комитетов большевиками, желающими наложить свою руку на снабжение продовольствием края, что даст им лишнее оружие в руки.

Само собой понятно, что помощь, оказанную консульским корпусом из гуманитарных соображений продовольственным комитетам, закономерно созданным и под гарантией последних, невозможно будет оказывать дальше, после того как эта гарантия исчезнет. Так как после этого никакой действительный контроль над «краевым» расходованием ввезенных из Манчжурии продуктов невозможен, то нам следует, несомненно, предусмотреть восстановление в силе запрещения китайскими таможнями вывоза из Манчжурии, изданного до вмешательства харбинского и иркутского консулов.

А. Буржуа.

P. S. Японское правительство только-что учредило здесь,— где до сих пор было лишь нечто вроде консульского агента — штатную должность, но в форме простого вице-консульства, хотя здесь находится, по меньшей мере, 300 японцев, имеющих серьезные интересы, и хотя Восточная Сибирь составляет опорную базу для Манчжурии, где Япония имеет столь важные политические и экономические интересы.

А. Б.

Депеша французского генерального консула в Иркутске Анри Буржуа на имя французского посла в Петрограде от 16 февраля 1918 г. № 10.

Иркутск, 16 февраля 1918 г.

По поводу томского правительства.

В своей телеграмме № 9 я имел честь довести до вашего сведения, что члены «Временного правительства Автономной Сибири», образовавшегося в Томске, предполагают перенести резиденцию этого

«правительства» в Читу, откуда партизаны Семенова прогнали несколько дней тому назад большевиков. Эту новость привез мне из самого Томска г. Эльтеков, бывший чиновник русского министерства иностранных дел, отозванный Советами, и в настоящее время — тайный агент (?) в Сибири русской миссии в Пекине. Г. Эльтеков сообщил мне также, что упомянутое правительство, сведенное до минимальных размеров вследствие ареста части его членов, испытывая крайнюю нужду в деньгах, хотело бы получить от союзников финансовую помощь и было бы счастливо, если бы я взял на себя истолкование этого желания перед французским правительством.

Я не ответил ни да, ни нет.

Майор Пишон, который давно уже находится в Томске и от которого я очень редко получаю известия, вследствие якобы невозможности безопасно переписываться, — может лучше, чем я, информировать вас о людях, составляющих бывшее временное правительство, созданное в этом последнем городе. Я не могу, тем не менее, умолчать, что эти люди, может быть, и достойные и честные, не производят впечатления проницательных и практичных политиков. Во всяком случае, они действовали с большой наивностью, объединяясь с большевиками, которых они намеревались сбросить, но которые доказали мобилизацией российского пролетариата, несмотря на отсутствие у них совести, грубость их и сектантство, что они сделаны из другого теста, чем те, кто намеревался сделать им мат.

Что же касается финансовой помощи, о которой ходатайствуют Дербер, Новоселов и др., то у меня создается впечатление, что, как бы ни было симпатично дело, — это были бы деньги, брошенные на ветер, и что, субсидируя это дело, мы шли бы за знаменем, не имеющим никакого авторитета, и, боюсь, без будущего, — не считая уже риска, сопряженного с тем, что мы явно впряжемся в телегу внутренней русской политики в момент, поистине, очень мало благоприятный для этого.

Кого представляют, в самом деле, эти господа?

Никого! А их «правительство» не опирается даже хотя бы на видимость совещательного органа; они уже вынуждены кочевать из города в город; они отправились уже, как побежденные, в Читу, не зная точно, что они там найдут; до того здесь все неверно и преходяще. Я опасаюсь, что там они будут ближе к китайской границе, чем к своей цели, и сыграют на руку военным начальникам которые, мне кажется, действуют больше в своих собственных интересах, чем в интересах других.

Итак я заканчиваю, если не отклонением просьбы, то, по крайней мере, отсрочкой ее исполнения, со словами сочувствия, до тех пор,

пока то, что осталось от томского правительства, даст доказательства, по крайней мере, «возможности» его существования.

А. Буржуа.

18 — II. Телеграмма — впрочем, из большевистского источника — сообщает, что большевистские казаки — ибо имеются и такие, и даже больше, чем думают, — снова забрали власть в Чите. Если это известие правильно, то вот и временное томское правительство — в состоянии бродяжничества.

Депеша французского генерального консула в Иркутске Анри Буржуа на имя французского посла в Петрограде от 25 февраля 1918 г. № 11

Иркутск, 25 февраля 1918 г.

Разное.

Пользуюсь отъездом нашего соотечественника, г. Беллаг, в Петроград, чтобы поручить ему несколько пакетов, которых я не мог отправить раньше, за отсутствием оказии. В виду спешности отъезда, сообщаю вам вкратце события прошедшей недели:

1. Прибытие подполковника Пишона, из французской военной миссии в России, отправляющегося в Читу, который ждет однако телеграфных распоряжений от начальника упомянутой миссии.

2. Усиление осадного положения со стороны большевиков, обеспокоенных слухами, распространяемыми с чисто российской болтливостью, относительно военного заговора, о котором я сообщал в двух словах в своей депеше от 1-го с. м. (№ 5). Этот заговор, кажется, во всяком случае, отложен вследствие восстановления большевистской власти в Чите и ареста вчера, в 4 часа утра, до тридцати заговорщиков.

3. Торжественное погребение в дворцовом саду бывшего генерал-губернатора Сибири 50 красногвардейцев, убитых при осаде Иркутска в конце декабря, прошло вчера без инцидентов. В программе — дефилирование всего большевистского гарнизона, что позволило нам пересмотреть нашу информацию о размерах последнего (см. приложение) [1]. В кортеже участвовало также до сотни австрийских и немецких военнопленных. Известно, что двое из последних, обслуживавших большевистскую артиллерию во время осады, были убиты во время последней.

[1]) В деле не сохранилось.

4. Подтверждаю свою телеграмму № 12 [1]), касающуюся «усиления» немецкого элемента среди военнопленных, интернированных в Иркутске. Здесь ожидается десять тысяч немецких солдат и 200 офицеров — у меня в руках был большевистский приказ приготовить для них помещение — в ближайшие дни; неизвестно, чем вызвано это мероприятие. Полковник, комендант лагеря, уверяет, что дело идет об участии упомянутых военнопленных в обороне Сибири, если таковая понадобится, в случае союзнической или чисто-японской экспедиции. Может показаться странным, что иркутские большевики пользуются услугами немецких пленных в тот самый момент, когда Германия вступает в бой, чтобы «водворить в России порядок» — по крайней мере, судя по полученным здесь последним телеграммам; но вышеупомянутый полковник, доставлявший мне до сих пор сведения, которые подтверждались, настолько категорически утверждает это и, принимая, с другой стороны, во внимание, что теперь нет ничего невозможного в этой стране, я не счел себя вправе воздержаться от передачи вам этого сообщения, с просьбой передать его в департамент. Оно подтверждает, к тому же, мои предсказания относительно использования немецких военнопленных в Сибири, и мне остается лишь сослаться на свои предыдущие депеши и телеграммы по этому же поводу.

5. Известие о возобновлении германского наступления на Россию вызвало здесь некоторое возбуждение, но последнее проявляется исключительно в сборищах, быстро рассеиваемых, да в тягучей болтовне.

6. Генеральное консульство посетили, уже в третий раз, красногвардейцы, жаждущие произвести обыск — читай: «пограбить». На этот раз они настойчивей, чем прежде, добивались проникнуть ко мне, но мне удалось удалить их, захлопнув перед их носом дверь и приказав забаррикадировать ее. Эти «солдаты», к тому же, не имели никакого ордера на производство обыска, их не сопровождал никакой комиссар. Они явно действовали по собственной инициативе и на свой собственный страх. В общем, анархия продолжает царствовать в этом городе, и снабжение населения продовольствием становится с каждым днем все труднее. Как можно было предвидеть уж из моей депеши № 10 — так как частные продовольственные комитеты распущены большевиками, то консульский корпус перестал интересоваться вопросом, в котором он принял участие лишь в виду гарантий, которые предоставляли ныне распущенные комитеты.

Наша маленькая колония попрежнему здравствует.

А. Буржуа.

---

[1]) Беру смелость просить вас подтвердить получение этой последней телеграммы, дабы проверить еще раз, сколько времени идут мои телеграммы, адресованные на ваше посольство. *А. Б.*

Отношение французского посла в Петрограде Нуланса на имя французского министра ин. дел Пишона от 23 февраля 1918 г. № 31

23 февраля 1918 г.

Честь имею препроводить вам при сем копию донесений майора Пишона генералу Ниссель, содержащих сведения о положении в Сибири.

I. Письмо майора Ж. Пишона начальнику французской военной миссии в Петрограде ген. Ниссель от 6 февраля (24 января) 1918 г. № 5 [1]).

Томск, 24 января (6 февраля) 1918 г.

Я коснусь очень бегло общей истории большевистского завоевания Сибири, хотя в моем распоряжении имеются все документы для установления ее в подробностях.

В своем отчете № 1 я говорил: «Мы неслись на волнах большевистских завоеваний».

Это так и было, но 18 (31) декабря мне еще были неясны размеры опустошений, причиненных авангардом агитаторов, на которых было возложено организовать беспорядок.

Остановлюсь на двух особенно выдающихся пунктах:

а) События в Иркутске, продолжавшиеся с 8 (21) до 18 (31) декабря, с применением артиллерии, и закончившиеся, после неопределенного сражения, компромиссом между большевиками, юнкерами и казаками. Разумеется, после того как эти последние были разоружены, большевики не сдержали слова и овладели полнотою власти, по постановлению Совета Советов от 22 декабря (4 января). В госпиталях было 588 раненых.

Французский генеральный консул г. Буржуа, к которому я послал добровольного эмиссара (одна очень отважная женщина из Томска), прибыл две недели тому назад в Иркутск. С этого момента между нами установилась хорошая связь. Он сообщил мне, что в Иркутске царит полная анархия.

б) События в Харбине развернулись с 4 (17) декабря 1917 г. — с момента, когда Советы отстранили генерала Хорвата, директора Восточно-Китайской железной дороги, и захватили дорогу в свои руки. 6-го (19) вблизи города появились китайцы, обеспокоенные происшедшими событиями, 7-го (20) в город вступили патрули; на следующий день их было 8 000 чел.; 10-го разоружили большевиков.

[1]) На документе помета: «Прим.: Предыдущее письмо № 4 не было нумеровано. Оно датировано 13 (31) янв.».

В то же время китайцы заняли станцию Манчжурия, а другие части расположились по Амуру, против Благовещенска; только 30 декабря (12 января) прибыло во Владивосток первое японское судно.

Коротко говоря, совершенно ясно, что именно в течение декабря большевики захватили одновременно с помощью местных гарнизонов власть по всей Сибирской магистрали и в разных сибирских городах.

После моего приезда они «организовались» с помощью, присланной из Петрограда. Процедура была повсюду одна и та же: изгнание милиции — организация Красной гвардии — захват банков и судов. Они появляются в Омске 22 декабря (5 января)[1]), в Барнауле — 22-го (4), в Новониколаевске — 20-го (2) и т. д. и т. д.: можно «расположить» неделю. Наконец, захват типографий, — я имею в виду все типографии небольшевистских газет, — чтобы заткнуть рот прессе.

В данный момент они вступают в третью стадию. До сих пор они «сотрудничали» в городских самоуправлениях, в учреждениях и т. д., теперь они удаляют оттуда всех членов не-большевиков. Потихоньку, в течение января городское самоуправление самого Томска перешло в их руки. Если кадеты, меньшевики или социалисты недостаточно устали от борьбы, чтобы добровольно подать в отставку, — то большевики выходят с треском, создают муниципалитет или правительство из диссидентов... и затем распускают старое силой, как контрреволюционное. Ружья-то у них!

История Сибирского правительства.

Последующее изложено в самых сжатых чертах.

1. Первоначальная идея Сибирского правительства исходила от старика Потанина: 82 лет, глухой, почти немой, но еще с ясным разумом.

Это было правительство в меру реакционное, но которое никогда не могло собраться, так как члены его были под угрозой ареста: Керенский, Корнилов и т. д.

2. Тем не менее, поскольку эта мысль была брошена, представители всей Сибири собрались в Томске 8 (21) декабря. 11 (24) декабря 133 депутата образовали правительство революционных социалистов, «составленное из социалистических элементов, до большевиков в к л ю ч и т е л ь н о», и с исключением цензовых элементов. А 15 (27)[1]) декабря были назначены члены его, под председательством Потанина.

3. Когда я прибыл в Томск, это правительство еще было не уверено в пути, по которому оно пойдет, еще велись споры о политике, которую оно должно вести.

---

[1]) Так в оригинале.

Сотрудничество с большевиками отпугивало все здравомыслящие элементы. Представители «торговли» и «биржи» мотивировали свое самоустранение, и после многих колебаний председатель Потанин подал 30 декабря (12 января) в отставку, мотивы которой он совершенно ясно изложил несколько дней спустя в длинном открытом письме: «Я нахожу это правительство более «социалистическим», чем «сибирским». Оно представляет скорее партию, чем Сибирь, а я слишком стар для партийной борьбы. Я не могу принять большевиков, все цензовые элементы исключены. Я ухожу, но желаю все же успеха этому правительству».

Это было тяжелым ударом в самый момент открытия Сибирской думы.

В тот момент, чувствуя недоверие к себе и одних и других, не имея определенной миссии, не завязав еще связей, я ничего не мог тут поделать.

4. Итак, мы имеем Сибирское правительство, лишенное своего главы и не имеющее поддержки со стороны правых. Как раз в этот момент происходит насильственный роспуск большевиками Учредительного собрания в Петрограде. И тут Сибирское правительство, хотя и сильно ослабленное, показало себя с превосходной стороны: его теперешний председатель, г. Дербер, умный, деятельный, энергичный человечек, решительно и беспощадно порвал с большевиками.

Совокупность его телеграмм и действий дает политике его «правительства» вполне определенную физиономию, которую я охарактеризовал в своем отчете № 4, именно:

Непризнание Советской власти;

неприятие декретов, изданных после большевистской революции;

неприятие сепаратного мира;

полная лойяльность по отношению к союзникам и к легальным элементам русского правительства (подразумевается Учредительное собрание).

В то же время, установление всестороннего контакта с нами, союзниками, с Доном, Украиной и т. д.

Тем не менее, факт оставался фактом, что, произвольно устранив правую, это правительство должно было теперь порвать и с левой, что председатель его ушел в отставку и что, сократившись таким образом, оно оказалось на чрезмерно узкой базе.

5. Тем временем у меня явилась, к счастью, возможность завязать, благодаря моим личным усилиям, связи и завоевать относительное доверие нескольких членов «правительства» и, в частности, председателя. Это было тем труднее, что они не знают никакого дру-

гого языка, кроме русского, а я не хотел, да и не мог, прибегать к помощи переводчиков, так что наши разговоры велись с большим трудом.

Они прекрасно почувствовали и поняли ошибку, совершонную с самого начала, выразившуюся в их «социалистической» непримиримости, исключавшей все неокрашенные одной краскою элементы. В то же время я заставил добиваться и добивался сам присоединения тех, кто будировал вначале, доказывая, что, в конечном счете, действия Сибирского правительства были превосходны и что отказ в поддержке его имел единственным результатом оставление поля совершенно свободным для большевизма.

В данный момент ведется в этом направлении двойная работа, и я уверен, что нам удастся расширить базу существующей организации... но, на этот раз, — в правую сторону, вернув биржевые и торговые элементы, успокоившиеся насчет проводимой политики, быть может, присоединив также Потанина и кадет... Я не смею слишком надеяться, но уверен, что к этому искренно стремятся.

Тем не менее, следует действовать очень осторожно, ибо в данный момент все они страшно боятся получить штемпель «контрреволюционеров», так как это слово имеет на широкие массы достаточно могучее действие, чтобы целиком и полностью дискредитировать их.

Такова эволюция организационных идей.

Остается рассмотреть материальное положение.

Я должен отдать должное не только личному мужеству членов этого правительства, которые, в буквальном смысле слова, стоят обнаженные посреди штыков, но и их настойчивости, ибо они продолжают неуклонно свое дело вопреки всем трудностям и дезертирству, следующим друг за другом: все комиссии сорганизованы, их присутственные места работают, их эмиссары регулярно выезжают, их пропаганда (бюллетени и т. п.) ведется без перебоев, и в каждом городе они имеют свою организацию.

Но у них нет никакой вооруженной силы.

Как я уже говорил, здесь, в Томске, на полпути между двумя большими группами борющихся, Иркутской и Омской, они пользуются относительным покоем.

В Омске большевистская власть достигла со времени моего приезда молниеносных успехов.

18 (31) января Красноярск угрожает посылкой Красной гвардии для роспуска этого Сибирского правительства.

20 января (2 февраля) Омск шлет такую же угрозу и уполномачивает на приведение ее в исполнение Томский Совет Р. и С. Д..

Пока ничего еще не приведено в исполнение, но это может случиться с минуты на минуту; оставаться ли на месте в ожидании роспуска или помощи? Итти ли вперед, не дожидаясь помощи?

Откуда можно ждать помощи.

1. Помощь с фронта. Как я уже писал в своем отчете № 4, генеральный комиссар Сибири, полковник Краковецкий, формирует для защиты этого правительства сибирские части, которые должны прибыть с фронта.

Я не доверяю их лойяльности: все, что приходит с фронта, сильно дезорганизовано; я опасаюсь их медлительности; я опасаюсь также препятствий в пути, ибо сегодня, 24 января (6 февраля), сообщается в печати, что Рада и Оренбург совершенно разгромлены. В этом случае прибытие этой помощи очень проблематично: Омск разоружает казаков при их проходе.

А если эти подкрепления прибудут уже после того, как Сибирское правительство будет разогнано, для чего они тогда будут нужны?

2. Помощь из Уссурийска. Это уже посерьезнее.

Енисейские казаки — их всего горсточка.

Уссурийские — многочисленны. Уже одна дивизия, восстановленная в Grégts [?], как-будто, собралась. Ее атаман издал декрет о возвращении к прежней дисциплине.

Даже один есаул, Семенов, повел прямое наступление. Он разоружает всех красногвардейцев и большевистские отряды в районе Нерчинска и по направлению к Манчжурии. Он расстрелял даже в Даурии «товарища-министра», матроса Кудряшева, который вез, по счастливой случайности, 900 000 руб. звонкою монетою и 4 млн. чеками для «товарищей-большевиков». Они изменили назначение.

Есаул получает ежедневно подкрепления из офицеров: все офицеры, находящиеся в Сибири, устремляются к нему, ища поддержки и ища... как бы прожить.

Я не знаю ничего официального по этому делу, но говорят, что, начав на свой собственный риск и страх, как авантюрист, в Забайкальской полиции, этот есаул Семенов получает теперь поддержку, — может быть, денежное пособие, — от союзников, возможно, — от американцев, — я наверно узнаю это скоро.

Во всяком случае, одно — несомненно, именно, что Чита уже находится в сфере влияния казаков, и что большевики чувствуют себя там в опасности.

Теперь — можно ли рассчитывать на приход сюда этих казаков?

Не так скоро..., чтобы обеспечить жизнь Сибирского правительства.

Заключение.

Если не будет получено формального и точного сообщения о немедленном прибытии с фронта многочисленных и надежных частей, я полагаю, что было бы целесообразно перевести областное Сибирское правительство в Читу, чтобы сохранить его живым.

Этот вопрос здесь серьезно обсуждается, и он, несомненно, будет разрешен прежде, чем вы получите настоящее письмо.

Иностранная помощь.

Вопрос об иностранной помощи очень тяжело ставить; это, совершенно очевидно, очень неприятный шаг: это означает риск получать ото всех упреки и удары со всех сторон.

Я знаю, что об этом говорилось в Пекине (источник достоверный, дипломатический, через мои личные связи), — но я вижу, что с полным основанием отступают перед рискованностью этого шага.

Я вижу, что японцы, хотя их эскадра стоит во Владивостоке, категорически опровергают всякий слух о десанте: их оккупация железной дороги до Манчжурии не захватывает русской территории.

Формула: «Восстановление порядка русскими войсками», которым помогают организоваться, мне кажется наилучшей, «под ответственностью Сибирского правительства», которому должна быть оказана поддержка, и гарантирует легальность этих действий с международной точки зрения.

И если бы впоследствии пришлось прибегнуть к интервенции, по просьбе Сибирского правительства, обосновавшегося сперва — в Чите, затем... в Иркутске, в зависимости от успехов его «отвоевания» Сибири, то это было бы совсем иное, а не самопроизвольная интервенция: это был бы приход союзников.

Выводы.

В виду всего изложенного, я определенно способствую:

1. Переезду Сибирского правительства в Читу.

2. Признанию этого правительства, как только оно получит обеспеченное материальное существование. Бесполезно признавать его раньше, поскольку его могут задушить большевики.

3. Не дожидаясь вашего предварительного разрешения, ибо в данное время я не могу рассчитывать на связь, я довожу до вашего сведения, что последую за Сибирским правительством в Читу, если оно туда переедет.

4. Телеграф действует между Иркутском и Пекином. Я довожу также до вашего сведения, что, на всякий случай, я установил связь также и с этой стороны, и, если я отправлюсь в Читу, я пошлю вам телеграмму через Пекин.

Само собой разумеется, я позабочусь о том, чтобы кто-нибудь остался здесь: кто-нибудь из офицеров, которых мне пришлют в качестве представителей при местных органах Сибирского правительства. Томск — такой центр информации, которого нельзя совсем покинуть.

Я полагаю даже, что было бы очень хорошо, если бы сюда прислали к о н с у л а или консульского агента — француза, англичанина или американца, — порядка ради. Это импонирует большевикам.

Французское население состоит всего-на-всего из шести (или семи) дам, учительниц французского языка. Это — слабые интересы. Но очень тяжело видеть, что ни один европеец не стоит на страже интересов Антанты в столь важном центре.

Я не думаю, чтобы Петроград смог прислать персонал, скорее это сделает Пекин. Этот вопрос надо будет урегулировать между посольствами, если моя идея вам покажется приемлемой.

В заключение должен сообщить вам, что я получил уже два очень определенных письма от генерального консула Буржуа, который вот уже две недели представляет Францию в Иркутске.

Кроме того, он прислал ко мне Эльтекова, бывшего чиновника русского министерства иностранных дел, уволенного большевиками, в настоящее время сотрудника русской миссии в Пекине, действующего в согласии с нами; он имеет шифр с Пекином. К счастью, он говорит очень хорошо по-французски. Гг. Буржуа и Эльтеков разделяют мои взгляды. Правда, свою информацию они черпают, естественно, в значительной степени у меня; но в общем и целом они полагают, как и я, что лучше было бы убрать Сибирское правительство из большевистских пределов, и уже после этого признать его. Чита кажется им подходящей для этой цели.

Я отправляю копии этого доклада:

1) г. Буржуа, который отправит его на Пекин,

2) ген. Табуи, с тем же курьером, который доставит вам настоящий экземпляр. Вы сможете, таким образом, по своему усмотрению присоединить свои отметки и замечания, которыми сочтете полезным дополнить документацию ген. Табуи. Ж. П и ш о н.

28 января (8 февраля) 1918 г.

P. S. За последние два дня мы очень активно подвинули дела вперед.

Я получил уверенность:

1. что даже к.-д. вернутся в это Сибирское правительство; не открыто — это должно держаться в секрете — вследствие действия заколдованного слова: «реакция»;

2. что есаул Семенов находится в связи с областным правительством;

3. что казаки тоже пойдут за ним;

4. наконец, что настоящие члены Сибирского правительства, в частности, теперешний председатель Дербер, сильно эволюционировали за последний месяц, перейдя от утопий и социалистических формул к определенной идее, что действие должно быть энергичным, что не следует запутывать себя формулами, а надо откровенно опираться на войска б е з к о м и т е т о в;

5. что 39-й полк в пути, чтоб прийти сюда для поддержки правительства;

6. о ч е н ь в а ж н о е: Сибирское правительство разослало русскому дипломатическому корпусу за границей телеграммы с п р о с ь б о й п р е д с т а в л я т ь е г о.

Необходимый для открытия Думы кворум имеется и даже превзойден. Бюро работают уже три недели. Открывать ли?

П р а в и т е л ь с т в о о с т а н е т с я д а ж е в с л у ч а е р о с п у с к а.

Будучи вынуждены принять решение, члены правительства, с которыми я говорил об опасности положения, приняли сегодня следующие решения:

Они отправляют в Ч и т у дублюру правительства, а здесь откроют сессию 2 (15) февраля, независимо от того, прибудут или нет войска.

Если большевики автоматически распустят правительство, Чита в т о т ж е д е н ь объявит себя властью; там будут дублюры всех учреждений, а всех депутатов никогда не переарестуют.

[П л а н з а н я т и й с е с с и и.

В частных заседаниях секций Сибирское правительство уже подготовило вопросы для постановки при открытии:

а) Назначение министров — исполнено.

б) Принятие избирательного закона.

в) Принятие закона об учреждении земельных комитетов.

г) Принятие закона о создании добровольческой армии.

Голосование произойдет, так сказать, как по нотам: дискуссии не будет — все будет проголосовано сразу. После этого могут и распускать; даже роспуск не помешает поставить первоочередных вопросов; голосование будет проведено на всех парах.

Военная организация.

Я подготовил понемногу Дербера, который очень легко пошел на это, к мысли о немногочисленной, чисто кадровой армии, без комитетов, исполняющей приказы без рассуждений: слепое орудие в руках гражданской власти.

С другой стороны, никакого доверия к старой армии, взятой в целом: она имеет привычку разглагольствовать и ничего не делать. Это будет ликвидировано.

Уже собираются небольшими партиями сибирские офицеры. Рассчитывают также на казаков, которые готовы выступить, именно: Амурские, Уссурийские и собственно — Сибирские. Их будет тысяч десять в Енисейской области. Переговоры ведутся сейчас.

Сформируют тысяч 50, не больше, добровольцев, исключительно кадровых, с жалованьем в 60 руб. в месяц.

Финансовые нужды. Необходимо немедленно уплатить: 1) армии, 2) железным дорогам и телеграфу, которые будут объявлены автономными сибирскими.

Само собою разумеется, невозможно рассчитывать ни на какие средства из Петрограда. Эти господа высчитали, что на неотложные нужды им необходимо до 15 млн. рублей.

Я не вижу никакой возможности пересылки их из Петрограда, но думаю, что Пекин мог бы прислать их в Харбин, куда русские бумаги притекают в огромном количестве.

Я нисколько не претендую на компетентность в финансовых вопросах, но я сознаю, что деньги необходимо дать немедленно, а дискутировать потом.

Сибирское правительство хочет создать собственные финансы — учредить Национальный Сибирский банк, заключить внутренние и иностранные займы, выпустить бумажные деньги, — и взять перед союзными правительствами необходимые обязательства. Я не в силах быть ему советчиком. Я прошу поэтому прислать технического советника по финансовым вопросам. Он может сперва явиться официозно, я же совершенно отстраняюсь от этих вопросов. Мне кажется, что он должен будет приехать из Пекина или из Токио, если он привезет необходимые для начала деньги. Во всяком случае, весьма существенно, чтобы он обладал инициативой; ибо, в виду неопытности чле-

нов правительства, он должен быть в состоянии сам осуществлять намеченные проекты.

Вопрос признания. Признание Сибирского правительства Сибирью — существенный пункт — произойдет без колебаний. За эти последние дни была возможность убедиться, что все сибирские народности (киргизы и др.) представлены, и телеграммы о присоединении готовы. В случае же роспуска правительства в Томске, все Забайкалье возобновит, вероятно, свое присоединение к группе, оставшейся на свободе в Чите, — группе, в которую войдут представители всех сибирских народностей.

Что же касается признания Сибирского правительства союзными державами, то — вам судить, следует ли это сделать и когда именно.

По-моему, уполномочивая на представительство своих интересов русских дипломатов старого режима, аккредитованных при союзных державах, сибиряки доказывают свое желание создать отношения согласно старым дипломатическим традициям и свою приверженность к договорам и конвенциям, заключенным до Революции. Это не лишено значения.

Я лично полагаю, что Сибирское правительство можно будет признать после того, как оно будет признано по открытии сессии самой Сибирью и объявит себя правительством: само собою разумеется, если вы, как и я, думаете, что в наших интересах оказать ему поддержку. Ибо бесполезно было бы признавать его, чтобы предоставить ему затем потонуть в затруднениях.

Присовокупляю, что, я думаю, ему необходимо оказать финансовую поддержку, даже до признания его, даже если бы его не следовало признать потом.

Шансы на успех.

Есть серьезные шансы. Во всяком случае, нужно действовать. Всякая потерянная минута чревата опасностями.

Крупные шансы заключаются в том, что в Сибири нет армии. Военные группы Иркутска и Омска, когда-то огромные, растаяли благодаря роспуску по домам, и остались лишь отдельные разрозненные кучки в несколько тысяч человек, без всякой организации.

Никаких организованных частей не вернулось с фронта. А даже если бы таковые и вернулись, они могли бы двигаться только вдоль сибирской магистрали, следовательно, очень медленно, и не представляло бы труда оспаривать, шаг за шагом, эти тысячи километров.

Конечно, с самого начала Омском не овладеть. Но, на худой конец, при данном состоянии большевистских сил в Сибири, можно

бы с хорошо дисциплинированной дивизией отвоевать всю железную дорогу до Омска, и никто не заберет ее обратно.

Наконец, в самом худшем случае, можно потерять центральную Сибирь, но Забайкалье и Иркутск всегда можно будет удержать, и даже без больших усилий, а это — уже чего-нибудь да стоит.

Ж. Пишон.

Прошу ответа.

26 [января] /8 [февраля].

В последнюю минуту. Только что произошли массовые аресты. Страшно досадно, как раз в самый критический момент. Я не знаю еще размеров разгрома. Но из этого факта явствует, что работа здесь становится невозможной. Меры к переезду в Читу были предприняты до этих обысков. Разумеется, я удостоверюсь, возможно ли это осуществить, и в таком случае я тоже перееду туда. Если понадобится, я отправлюсь в Пекин, чтобы иметь возможность информировать о положении и получить шифрованные инструкции.

Пишон.

2. Письмо майора Ж. Пишона начальнику французской военной миссии в Петрограде ген. Ниссель от 8 февраля (26 января) 1918 г. № 31.

Томск, 26 [января] 8 [февраля] 1918 г.

Военнопленные.

Военнопленные пользовались до последних дней фактически полной свободой.

Здесь было 800 офицеров, из них 200 удрали.

Следует однако отметить, что это движение прекратилось: в лагере получены официальные германские сообщения о том, что из офицеров, спасавшихся в одиночку, только очень ничтожное количество перешло границу. Одни убиты, другие остаются в дороге без всяких средств и, вместо того, чтобы возвратиться в лагери, устраиваются у местных жителей и работают там. Третьи возвращаются в лагери в самом плачевном состоянии.

Впрочем, за последнее время, примерно, за последние две недели, я слышу, что охрана лагеря восстановилась.

Что касается эльзас-лотарингцев, то я не могу быть им ничем полезным. Они рассеяны повсюду... но не в лагерях, а распределены как большинство пленных, одни — в деревнях, другие — на фабриках. Нужно обойти деревню за деревней, чтобы разыскать их.

Следует отметить, что значительное количество этих пленных — австрийцы, румыны, чехи и т. д. — стали родоначальниками новых поколений путем брака или свободных союзов; будучи более трудолюбивыми и приятными в обращении, чем русские крестьяне, они пользуются особой благосклонностью прекрасного пола. Эти люди никогда не вернутся к себе: они создали очаг, зарабатывают много денег и колонизуют Сибирь. Некоторые из них стали членами местных Советов. К тому же, городские самоуправления отводят военнопленным помещения для устройства политических митингов, благотворительных предприятий и т. д. и т. п.

Можно категорически утверждать, что национальное чувство совершенно исчезло; никто не рассматривает военнопленного как врага, даже в просвещенных классах общества: я вижу, как там принимают австрийцев и венгров за чаем, за столом, как с ними флиртуют...

Никто не придает этому ни малейшего значения.

Дамы, с которыми я беседовал на вечере в парадной форме, спрашивали меня с полнейшей безмятежностью, не германский ли я офицер... Это не были безграмотные женщины: то были жены офицеров и чиновников; они видели, что я — иностранец, и мысль, что я — немец, казалась им вполне в порядке вещей.

А в низших классах уже не знают точно, с кем воюют, — это совсем неважно.

Ж. Пишон.

3. Письмо майора Пишона начальнику французской военной миссии в Петрограде ген. Ниссель от 8 февраля (26 января) 1918 г. № 32.

Томск, 26 [января] 8 [февраля] 1918 г.

По поводу офицеров.

Мои офицеры не являются, и всякая работа, всякая деятельность для меня невозможна.

Гг. Билье и Анри, которые уже давно должны были явиться ко мне, уехали неизвестно куда и почему. Из одной телеграммы я знаю, что они уехали из Омска на санях и должны были проехать через Павлодар. Почему? — не знаю. Но теперь несомненно, что их приезда придется ждать еще много недель.

Г. Дюфуа — в дороге со своими переводчиками. Тем не менее, я их все еще не вижу здесь.

Это причиняет серьезные неудобства.

Помимо того, что я лишен всякой возможности корреспондировать, даже вести систематическую работу, я прикован к месту из-за ожидания их.

Такое положение не может продолжаться. Необходимо иметь достаточную свободу, чтобы следить за событиями. Здесь мне нечего делать. Я думаю отправиться в Иркутск к нашему генеральному консулу, но не хочу сделать этого до приезда Дюфуа.

Как только он вернется, я уеду без малейших колебаний. Тем хуже для Билье и Анри, которые пусть меня ищут, где им угодно. Совершенно неправдоподобно, чтобы в течение двух месяцев они гнались за мною и не могли бы нагнать меня, ни разу не указав мне способа послать им телеграмму.

Теперь не те времена, когда можно работать изолированно. Письма не доходят — необходимо, следовательно, коллективное руководство группы офицеров, работающих сообща и к обоюдной пользе.

Если мне удастся соединиться с ними, я попытаюсь создать цельную, однородную группу.

Ж. Пишон.

Я надеюсь пользоваться твердой базой, которая у нас обеспечена благодаря пребыванию г. Буржуа в Иркутске. Он там всего 10 дней, но я имел уже дважды связь с ним, и это будет, по крайней мере, верным пунктом связи.

Ж. П.

Политические новости.

Сибирское областное правительство было арестовано прошлой ночью. Государственный переворот предшествовал появлению самой власти, ибо это правительство не имело никакой реальной власти.

Я не знаю, уцелели ли отдельные члены его и как будут реагировать на это страна и общественное мнение.

На самом же деле я думаю об общей индиферентности масс, которые ни во что не верят и ничего не желают, и о том, что более просвещенные элементы скованы параличом: прежние господствующие классы потеряли всякую способность к действию, — это пораженное столбняком стадо.

Таково, по крайней мере, мое мнение о «здешнем».

Что касается Забайкалья, то я его не знаю. Говорят, что оно менее пассивно. Но, разумеется, нужно считаться с расстоянием и с желанием публики думать, что твой сосед действует и освободит тебя, без усилий с твоей стороны, от большевистского ярма.

Пишон.

---

4. Письмо майора Ж. Пишона начальнику французской военной миссии в Петрограде ген. Ниссель от 9 февраля (27 января) 1918 г. № 33.

Томск, 27 [января] 9 [февраля] 1918 г.

Арест членов Сибирского областного правительства.

Честь имею сообщить вам дополнительные подробности этого незначительного события.

Судя по газетам, арестованы были Патушин[1]), Шатилов и Саев.

Я знал только первого, которого я встретил в гостинице «Европа», где он жил, и с которым у меня никогда не было продолжительных отношений.

Мне казалось, что после отставки Патушина во главе этого движения был Дербер.

Согласно их бюллетеней план их состоял в создании Сибирской республики, которая заранее входила в Российскую Федеративную Республику и которая, с одной стороны, требовала от Думы (Учредительное собрание) признания законности своего существования, а с другой — от различных сибирских областей — признания ее власти.

Все это должна была сделать при своем открытии Сибирская дума, на которую собралось уже около 1 000 депутатов, но... сегодня их, повидимому, разогнали.

Поскольку мне удалось выяснить из разговоров по-русски, которые я имел с одним или двумя из них, они очень хотели, чтобы их признали европейские державы. Для этого им необходимо было сперва получить легальное политическое существование, признанное Сибирью и Думою.

Они проектировали также учредить государственный банк и создать собственные финансы, ибо очевидно, что, поскольку в данный момент у них не было никакого источника финансов, они оказались бы вынужденными — если бы получили признание — прибегнуть к иностранным займам, которые, по их мнению, должны были быть произведены безотлагательно, дабы обеспечить функционирование общественных предприятий — железных дорог, телеграфа и т. п. — и, естественно, армии.

Эти планы находились, прежде всего, в зависимости от возможности получить легальное существование; при отсутствии Учредительного собрания, это представляло почти непреодолимые трудности, которые разрешены арестом руководящего комитета.

[1]) Следует: Патушинский.

Это не вызвало никакой реакции и никакого кровопролития, так как члены этой организации полагались исключительно на общественное мнение и не организовали никакой военной силы для своей личной защиты.

К тому же они не делали никакой тайны ни из своих надежд, ни из своих действий, ни из планов, которые открыто обсуждались и печатались без каких бы то ни было препятствий, которые позволяли бы предвидеть это внезапное нападение со стороны Советов, и они совершенно спокойно беседовали с различными лицами о своих политических идеалах.

Я никак не могу понять, почему официально им предоставлялись помещения для собраний, если правительство намеревалось арестовать их затем. По их словам, они предписали сибирским корпусам соблюдать нейтралитет во внутренней борьбе России, и, судя по газетам, это, повидимому, верно.

Ж. Пишон.

К истории возникновения мировой войны.

(Тройственное Согласие и Германия после Агадира.)

Тенденциозно составленные сборники документов и историко-публицистические труды по изобличению одних «виновников войны» и обелению других — сбивают читателей этих изданий с верного пути к познанию логически-простых законов действия сложного механизма подготовки мировых военных столкновений в империалистическую эпоху развития капиталистических отношений. Одним из простейших приемов извращения империалистами исторической действительности является предание гласности «избранных», собственно дипломатических, документов, с обходом относящихся к тем же историческим моментам данных военного происхождения и значения. В отношении начального периода последнего этапа мирового кризиса, завершившегося войной в 1914 г., т. е. в отношении 1911/1912 гг. прием этот настолько же облегчал до сих пор задачу публицистов-историков, насколько затруднял положение добросовестных исследователей. Если можно было все же притти к заключению, что «с начала мирового кризиса 1911—1914 гг. военно-политическая обстановка его развязки была предрешена военными соглашениями и планами ген. штабов Франции и России, и эта обстановка диктовалась в моменты колебаний в Петербурге из Парижа с настойчивостью ультимативного характера» [1]), то главным основанием для этого вывода послужили не только известные письма Пуанкаре к Извольскому (4 ноября 1912 г.) и Извольского к Сазонову [2]), но, в особенности, отчет полковника гр. Игнатьева, военного агента в Париже, о беседе его с Мильераном [3]), который при первом же отдельном опубликовании его в наших «Известиях» произвел среди европейских и американских политических деятелей и историков большее впечатление, чем некоторые объемистые заграничные коллекции дипломатических документов.

Неясным, недостаточно проверенным оставалось применение этого вывода ко времени от ликвидации агадирского кризиса до осени 1912 г., т. е. до решительного, поразившего до глубины души Извольского, поворота французской военной политики в отноше-

---

[1]) «Константинополь и проливы», т. I, 46.

[2]) См. «Желтую книгу» 1922 г. — Les Affaires Balkaniques, 1912—1914. Tome I, 136—137, и «Материалы по истории франко-русских отношений», 295 и след.

[3]) «Константинополь и проливы», т. I, 44.

нии балканских дел,— до заявления главы французского кабинета, г. Пуанкаре, о готовности Франции вступить в войну против Германии из-за столкновения между Россией и Австрией по сербскому вопросу, а затем и требования со стороны Пуанкаре и Мильерана, чтобы Россия не уклонялась от такого столкновения.

Публикуемые ниже военные документы, при всем их незначительном объеме и числе, проливают яркий свет на эту часть картины, затененную до сих пор соединенными усилиями мемуаристов-дипломатов и официозных «дипломатических» историков, освещая не только франко-русские взаимоотношения «на другой день после Агадира», но и закулисный мрак, где за сценой, на которой выступают французские и российские действующие лица, маневрировал главный персонаж Антанты и мировой трагедии 1914—1918 гг.

Напомним некоторые исторические факты, объясняющие возникновение и смысл действий и взаимоотношений, фиксируемых публикуемыми документами.

Так называемый «агадирский кризис» начался с оккупации французами столицы и других важнейших центров Марокко, дипломатически подготовленной «учредительным актом» англо-французской антанты, — соглашением 4 апреля 1904 г. о Египте, Марокко и проч., а также известным соглашением с Испанией и, гораздо менее известным, с Италией. Оккупация эта была последним шагом на пути к провозглашению французского протектората над Марокко, уничтожавшему плоды долгих усилий германского правительства утвердить свое право на участие в решении судьбы этой страны и на получение «компенсации», в случае изменения международного положения ее, определенного — при участии Германии — Алжезирасской конференцией. На занятие французскими войсками Феца Германия ответила появлением германской канонерской лодки «Пантеры» в западно-марокканской Агадирской бухте, — событие, известное под наименованием «прыжок Пантеры» и представляемое, как нечто совершенно неожиданное, непредвиденное — удар грома с безоблачного неба. В той или иной форме, германское выступление, имевшее целью заставить Францию перед «тунисификацией» Марокко договориться и с Германией о компенсациях в ее пользу, было однако столь же неизбежно, как неизбежно было последующее военное выступление Италии против Турции, с целью компенсировать себя за ту же «тунисификацию Марокко» Триполитанией и Киренаикой [1]).

Решающий контр-удар на «прыжок» германской «Пантеры» последовал со стороны не Франции, а Англии: один из «миролюбивых» членов английского кабинета, Ллойд-Джордж, произнес (21 июля 1911 г.) на банкете во дворце лорд-мэра речь, не менее неожиданную, чем появление «Пантеры» у Агадира, — речь, предупреждавшую Гер-

[1]) «Появление на сцене триполитанского вопроса, — писал известный Говэн,— вызвано открытием марокканского вопроса. Одно неразрывно связано с другим... Как нельзя более вероятно, что наши ответственные министры не хотели того, что, как оказалось, они же сами сделали... оккупация Триполитании угрожает перевернуть Восток»... (L'Europe au jour le jour, IX, 105). И Восток «перевернулся»: «следствием итало-турецкой войны явилась балканская война». (G. Michon. L'Alliance Franco-Russe, 174).

манию, что Англия не остановится перед войной, если английские гарантии, данные французам, Германия попытается обесценить, внедрившись притом же в места слишком близкие к морским путям, соединяющим Англию с Южной Африкой и Южной Америкой. Прыжок английской пантеры (в образе Ллойд-Джорджа) сделал Германию, без сомнения, более сговорчивой, и дело благополучно кончилось уступкой ей французами части Конго, прилегавшей к германскому Камеруну. Состоялось франко-германское соглашение 4 ноября 1911 г., ратифицированное палатой депутатов в декабре того же года, а сенатом — в январе.

В то время, как Англия вмешалась так решительно в франко-германский конфликт из-за Марокко, российский посол в Париже А. П. Извольский советовал французским министрам итти на компромисс с Германией во что бы то ни стало и даже осмелился предложить им посредничество России в переговорах с общим врагом — Германией. Как рассказывает Р. Пуанкаре, возмущенное («indigne») этим поведением Извольского французское правительство (сделав вид, что оно объясняет это поведение исключительно внезапным помрачением разума русского посла в Париже) обратилось через своего собственного посла в Петербург непосредственно к царю с напоминанием, что Россия «даже по поводу колониального вопроса обязана была оказать нам дипломатическую поддержку против Германии, и, в конце концов, несмотря на последствия войны с Японией, несмотря на недостаточность военной и морской подготовки, император обещал быть верным договору, соединявшему Францию с Россией» [1]). Французский министр иностранных дел де-Селв телеграфировал французскому послу в Берлине, что «Германия нашла себе помощника в лице Извольского». Французский посол в Петербурге Ж. Луи обнаружил, во-первых, в «Новом времени» статью на тему о русской медиации между Францией и Германией в пользу мира, а во-вторых, отступничество от союзнических обязательств со стороны А. А. Нератова, явно сопротивлявшегося идее вовлечения России в войну из-за марокканского дела. С 21 августа до 1 сентября французское правительство переживало величайшую тревогу. Первым светлым лучом, рассеявшим опасения, что царское правительство подготовляет почву для отказа выступить против Германии по первому сигналу из Парижа, было заявление генерала Жилинского, что царь не уклонится ни в каком случае от исполнения своих союзных обязательств, что помощь России французам в случае войны «обеспечена», — несмотря на то, что «по чисто военным соображениям» в данный момент желательно избежать войны, иначе говоря — несмотря на то, что «Россия не готова к войне». Но какое это имеет значение, если «язык лиц, окружающих царя, великих князей, военного министра и генералов», гарантирует, по словам французского посла Ж. Луи, что царь останется «непоколебимым в верности своей союзу» с Францией?! Сам Извольский остался при убеждении, что, в противоположность боснийскому кризису 1908 г., на этот раз Тройственное Согласие демонстрировало перед противной стороной свою силу и сплоченность, — главным

[1]) R. Poincaré. Au Service de la France, vol. I, 302.— Подробное и документальное изложение этого критического момента истории франко-русского союза см. там же, 295—301.

образом, конечно, потому, что «Англия показала свою готовность двинуть против Германии не только весь свой флот, но и всю свою экспедиционную армию» [1]).

Какие же последствия все это имело с точки зрения сохранения мира? Казалось бы, ликвидация конфликта франко-германским соглашением 4 ноября должна была рассеять тучи, угрожающие военной грозой европейским государствам. Между тем в том же письме своем от 7 (20 ноября) 1911 г. Извольский писал, что, по его убеждению, «после только что пережитого кризиса политическое положение Европы еще менее прочно. Не подлежит сомнению, что каждое местное столкновение между державами безусловно должно привести ко всеобщему европейскому конфликту, в котором как Россия, так и каждая другая европейская держава, вынуждены будут принять участие».

Практический вывод из событий сделал в Германии Тирпиц: Германия потерпела дипломатическое поражение по вине Англии и должна вознаградить себя дополнительным законом о морских вооружениях. Вильгельм не мог не согласиться с этим, и канцлер отдал соответствующие инструкции составителям бюджета на 1912 г. В Лондоне не сомневались в том, что таково будет ближайшее и неприятнейшее следствие одержанной победы. По свидетельству Черчилля, со дня визита германского посла к Грэю, в связи с речью Ллойд Джорджа, британское правительство привело флот в боевую готовность на случай внезапного нападения со стороны Германии, а затем приступило к лихорадочно спешной организации своих морских и сухопутных сил. Надо было однако попытаться смягчить впечатление, произведенное в Германии грозным контрударом на «прыжок Пантеры», — ослабить позиции Тирпица и Бетман-Гольвега в рейхстаге и в стране при проведении новых кредитов на увеличение флота. Надо было в то же время показать колеблющимся членам британского правительства и парламента, представлявшим менее непримиримые или не столь непосредственно непримиримые с усилением Германии капиталистические интересы, показать и английскому общественному мнению, что либеральное правительство делает все возможное для сохранения мира с Германией, включая уступки в колониальных вопросах, но что Германию ни этими и никакими иными уступками нельзя склонить к отказу от увеличения своего флота, от угрозы «всеобщему миру», т. е. британскому господству на морях и океанах. Именно предстоявшие требования новых громадных затрат на усиление британского флота «в кабинете и в палате общин» требовали демонстрации «готовности всеми средствами ослабить состязание в увеличении флотов и безуспешности этих попыток» [2]). Обе стороны были заинтересованы в одном и том же. Сэру Э. Касселю и Баллину, возглавлявшим упомянутые наименее непримиримые и даже связанные известной общностью интересов элементы в Англии и Германии, удалось заручиться согласием и в Берлине и в Лондоне на непосредственные переговоры о заключении соглашения, которое предот-

[1]) B. v. Siebert. Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre, 448. Что Англия рассчитывала — при 110 германских дивизиях, 85 — французских — не на 6 британских дивизий, а на царские войска, это понятно, но как пугала английский генштаб медленность русской мобилизации см. у У. Черчилля The World Crisis, 58.

[2]) W. S. Churchiel. The World Crisis, 1911—1914, 95.

вратило бы неминуемое дальнейшее обострение англо-германских отношений на почве усиленных морских вооружений. Согласие это было получено в начале декабря 1911 г., и результатом предварительных неофициальных переговоров явилась поездка британского военного министра лорда Холдена в Берлин уже в начале февраля 1912 г. для официальных переговоров об условиях отказа Германии от дальнейшего состязания с Англией в увеличении военных флотов.

О том, какое действие возымела во Франции развязка агадирского кризиса, выразительно говорят публикуемые здесь документы, и в этом заключается один из существенных элементов их значения и интереса [1]).

Пояснением к первому из них (рапорту Ностица от 17 (4) января 1912 г.) может служить письмо Извольского Сазонову от 18 (5) января того же года [2]), из которого видно, что французский генштаб добивался уже в течение долгого времени (по меньшей мере с 1906 г.), чтобы «протоколы совещаний обоих начальников штабов были скрепляемы подписью председателей русского и французского Советов Министров», конечно для придания им безусловно обязательного для России характера. Русское правительство отказывалось от этого, защищая последние остатки своего самостоятельного положения в отношении союзницы. Натиск на царское «окружение», с великими князьями (и с опаснейшим из них для Николая II — Николаем Николаевичем) во главе, и на самого царя увенчался успехом; чтобы искупить вылазки Нератова и Извольского, Николаю II пришлось подтвердить свою союзническую «непоколебимость» согласием на скрепление протоколов подписями военных министров. Этого было вполне достаточно для французского генштаба; по всем данным председатель русского Совета Министров Коковцов, которого, правда, желательно было бы связать с «общим делом» письменным обязательством, не входил (как и заместитель его) в число лиц, «коим протоколы заседаний могут быть известными» — с какой-либо реальной пользой pour la cause commune. Ведь в 1914 г. вопрос о роковой мобилизации решался давлением на царя не через председателя Совета Министров, а — за военного министра — начальником генштаба Янушкевичем, при ближайшем и активнейшем содействии Сазонова...

В упомянутом труде своем Р. Пуанкаре щедро цитирует интересные донесения французского военного агента в Берлине о германских настроениях, но все его цитаты не дают того яркого впечатления, которое остается от краткого изложения донесения полковника Пелле от 5 апреля (н. ст.) 1912 г. в рапорте Ностица от 11 апреля. Нежелание Германии, Вильгельма и его правительства, воевать в то время отмечал Р. Пуанкаре и в первом своем апологетическом произведении «Les Origines de la Guerre», где он находил возможным сопоставлять это миролюбивое настроение со своей собственной предан-

---

[1]) Падение «соглашательского» кабинета Кайо и сформирование «национального» правительства Пуанкаре (у власти с 13 янв. 1912 г.) с Делькассе — морским министром и Мильераном — военным нельзя не поставить в связь с принятым в Лондоне курсом на близкую военную развязку, и лондонская биржа безошибочно учла смысл этой перемены по появлению в составе нового кабинета самого желанного английскому правительству человека — Делькассе.

[2]) «Материалы по истории франко-русских отношений», 146—148.

ностью делу мира. Публикуемые нами документы показывают, насколько это сопоставление для него невыгодно; в то время как в Германии «никто не хотел войны» и даже прекращалась «анормальная деятельность штаба», в Париже военная администрация работала так, как «если бы война уже происходила». На долю союзной дипломатии оставлена была одна забота: поставить свои правительства в положение обороняющейся стороны, — задача, которой дипломатия и занималась с большим или меньшим успехом в июле — августе 1914 г.

Точно так же, сообщая в своем рапорте № 7 о радужных надеждах и перспективах ген. Дюбайля, основанных на твердых английских решениях и обещаниях, гр. Ностиц удостоверяет военную, финансовую и моральную готовность Франции к войне, которая, вместе с «сознанием французов, что рано или поздно война неизбежна», создает «весьма тревожную атмосферу», ибо «первый крупный инцидент (вроде агадирского) вызовет теперь конфликт». О том же говорит и вступительная часть рапорта (№ 3) военного агента в Англии генерала-лейтенанта Ермолова. Его французский коллега заявляет прямо, что «настроение относительно ожидания войны во Франции в настоящее время еще более напряженное, чем было во время марокканского кризиса».

Представителям России внушается, что Россия должна быть готова к войне в любой момент: 16 января н. ст. Ермолову его французский коллега говорит, что Германии выгодно, по мнению французского генштаба, начать войну до весны, а 1 февраля н. ст. Жоффр заявляет Ностицу, что французское военное министерство готовится к войне весною. Ко всем оптимистическим данным добавляются Жоффром (рапорт Ностица от 1 февраля н. ст.) два особенно выгодные обстоятельства: во-первых, англичане примут участие в первом сухопутном генеральном сражении, а во-вторых придется ведь вести войну не на своей, а на бельгийской территории, занять которую немцам и будет предоставлено из соображений о проистекающих от этого весьма полезных следствиях.

Этот рапорт Ностица в той части, которая передает желание Жоффра, чтобы «немцам стало известно», что русские войска «будут в состоянии удержать на нашей границе все германские корпуса, которые теперь там находятся», — мы полагаем, заслуживает, вместе с последующими соображениями Ностица, особого внимания.

«Личные» соображения Ностица касаются способа, которым следует осуществить желание Жоффра. Вряд ли можно сомневаться, что и эти «личные» соображения Ностица — облеченное в приличную форму французское пожелание, как и самая идея об извещении немцев. Как бы ни истолковывать смысл этого требования (обеспечение французского фронта от переброски указанных корпусов оттягиванием их на медленно мобилизующуюся русскую военную силу, одновременное поставление в известность о силе русского оружия общественного мнения самой Франции и Англии, где особенно скептически относились к военной мощи царской армии, наконец — обеспечение все еще (вплоть до 1914 г.) сомнительного выступления России против Германии посредством правительственных выступлений в прессе, бесповоротно разрывающих с Германией и «открывающих лицо» русского правительства перед его собственной страной), — невозможно,

мы полагаем, сомневаться, что отчетливая линия непосредственной внутренней связи и обусловленности соединяет этот дружеский «совет» главы французского генштаба в 1912 г. со знаменитыми и до сих пор таинственными — в смысле возникновения — двумя «сухомлиновскими» статьями в «Биржевых ведомостях». В своих мемуарах Сухомлинов говорит по поводу этих статей общеизвестные вещи: что первая из них была вызвана статьей в «Кельнише Цейтунг», а вторая имела целью «заставить французов вспомнить свой долг [1]), одновременно сгладить паническое настроение у нас и поднять нашу самоуверенность...» [2]) Объяснения эти недостаточны. Он пишет: «я распорядился напечатать...» Но под чьим давлением он распорядился сделать то, что в 1912 г. считал сам же «неудобным»? Можно предполагать — под двойным (или, вернее, — удвоенным) влиянием: из Парижа и из среды того царского «антуража», в котором Ж. Луи видел гарантию верности Николая II союзническим обязательствам. Без сомнения, дальнейшие архивные изыскания проследят линию, начатую рапортом Ностица от 1 февраля 1912 г. до конца, т. е. до июня 1914 г., когда для Сухомлинова «удобным» стало «неудобное».

В заключение позволим себе обратить внимание читателя на внутренне связанные между собой последние абзацы рапорта Базарова, военного агента в Германии, от 1 марта н. ст. и рапорта Ностица — от 11 апреля. Совместное заключение Базарова и Пелле совпадает полностью с мнением самого Жоффра: ни Вильгельм II, ни «безусловно большая часть германского народа» не желали войны в тот момент, когда во Франции генералитет работал так, как будто война «уже происходила»; в Германии не было еще «сознания неизбежности войны»; в Германии ожидали, что искать предлога для войны будут французы, и если ошибались в этом, то, судя по собственным словам Жоффра, — лишь потому, что французский генеральный штаб и французское правительство предоставили России все же два года для подготовки к участию в войне, — быть может, под влиянием отрицательной оценки русских военных сил английским генштабом, о которой мы знаем от авторитетного свидетеля Уинстон Черчилля. Противоречие между спокойным решением отложить развязку на два года и заявлениями, что Германия начнет войну еще зимою, весною и т. д., — объясняется, нам кажется, просто: нужно было подгонять неповоротливых русских, ускорять их военные приготовления и окончательно вбить им в головы «сознание неизбежности войны» вместе с еще более существенным сознанием неизбежности их участия в этой войне.

Е. Адамов.

---

[1]) Ввиду опасений за судьбу трехлетнего срока военной службы, введенного Жоффром и Пуанкаре, при проведении новых выборов «лево-радикальным» кабинетом.

[2]) «Воспоминания Сухомлинова» Госиздат, 1926 г., 170—171.

Секретный рапорт русского военного агента во Франции гр. Г. И. Ностиц начальнику ген. штаба Я. Г. Жилинскому от 17 (4) января 1912 г. № 5 [1]).

Копия.

17 (4) января 1912 г. № 5 [2]).

Генерал Дюбайль, начальник штаба армии, прочел мне донесение полковника Маттона, французского военного агента в Петербурге, в котором он докладывал о своем разговоре с его высокопревосходительством генералом от кавалерии Сухомлиновым по поводу подписи председателей Совета Министров или военных министров на протоколе заседаний начальников генерального штаба союзных армий. Полковник Маттон писал, что мы изъявили полную готовность пойти навстречу желаниям французов, но что у нас полагают, что достаточно было бы подписи военного министра, в виду положения, занимаемого министром при его императорском величестве по всем вопросам, касающимся армии. Далее полковник Маттон развивал эту мысль, указывая на то, что председатель Совета Министров имеет в России весьма косвенное отношение к военному ведомству, не выходящее обыкновенно из пределов бюджетных ассигнований, и что, затем, желательно, по возможности, уменьшить число лиц, коим протоколы заседаний могут быть известны.

Я, конечно, тотчас присоединился к вышеизложенному и постарался еще более убедить генерала Дюбайль, что следует ограничиться подписями военных министров, на что его превосходительство выразил свое согласие. Таким образом этот вопрос может считаться теперь решенным [3]).

Военный агент генерал-майор гр. Ностиц [4]).

Секретный рапорт военного агента во Франции гр. Г. И. Ностиц начальнику ген. штаба Я. Г. Жилинскому от 17 (4) января 1912 г. № 6 [5]).

17 (4) января 1912 г. № 6.

В донесении полковника Маттона, которое прочитал мне генерал Дюбайль (см. рапорт от 4 января с. г. № 5), военный агент пере-

---

[1]) Публикуемые документы подготовил к печати и снабдил примечаниями Ф. В. Кельин.

[2]) Рапорт № 5 был получен отд. ген.-кварт-ра главн. управл. ген. штаба 25(12) января 1912 г. (вход. агент. журнал, № 182). Подлинники публикуемых документов хранятся в Моск. Военно-Историческом Архиве.

[3]) Подчеркнуто гр. Ностицем.

[4]) На рапорте помета ген. Жилинского: «Генер.-квартирмейстеру. —Ж.».

[5]) Рапорт № 6 был получен отд. ген.-кварт-ра главн. упр. ген. штаба 25(12) января 1912 г. (вход. агент. журнал № 183.).

давал (в не совсем ясной форме) следующий разговор, который у него был с вашим высокопревосходительством: ваше высокопревосходительство изволили высказать, что желательно было бы пересмотреть военную конвенцию, во избежание постоянного повторения все тех же замечаний и пожеланий в протоколах заседаний начальников генерального штаба союзных армий.

Генерал Дюбайль просил меня по этому поводу доложить, что он находит, что в настоящее время было бы несвоевременным тронуть конвенцию, что это вызвало бы весьма нежелательные толки, которые теперь в особенности нужно тщательно избегать. Далее его превосходительство мне сказал, что политический горизонт весьма мрачен, что ни во Франции, ни в Германии никто не доволен соглашением относительно Марокко, что его негласные сведения очень тревожного характера и что он готовится к тому, что весной вспыхнет война: «Nous travaillons comme si nous avons la guerre». При этом генерал заметил, что тройственные и двойственные союзы имеют характер оборонительный и что искусство дипломатии будет состоять в том, чтобы не быть нападающей стороной.

Военный агент генерал-майор гр. Ностиц [1]).

Секретный рапорт военного агента во Франции гр. Г. И. Ностиц начальнику ген. штаба Я. Г. Жилинскому от 17 (4) января 1912 г. № 7 [2]).

17(4) января 1912 г. № 7.

Я имел разговор с генералом Дюбайль, начальником штаба армии, по поводу предполагаемой высадки 150 000 англичан во Франции, так как наш военный агент в Великобритании в своем донесении 9 (22) ноября 1911 г. за № 180 скорей опровергал эти сведения.

Генерал Дюбайль вновь, вполне категорично, мне подтвердил достоверность английской помощи на материке и сказал, что он не имеет никакого основания не верить англичанам, что теперь, кроме того, морские генеральные штабы во Франции и в Англии вошли в тесные сношения и работают сообща над этим вопросом.

---

[1]) На рапорте помета ген. Жилинского: «Прошу сообщить гр. Ностицу, что мой разговор имел частный характер и что вопрос о пересмотре конвенции, как я и говорил полковнику Matton, может быть поднят только при наступлении полного политического затишья. Ж и л и н с к и й». Содержание пометы ген. Жилинского было сообщено гр. Ностицу отношением ген. Данилова от 2 февраля (20 января) 1912 г. за № 74.

[2]) Рапорт № 7 был получен отд. ген.-кварт-ра главн. упр. ген. штаба 25 (12) января 1912 г. (вход. агент. журнал, № 184).

Здешний великобританский военный агент еще в большей степени подтвердил мне на прошлой неделе достоверность высадки. Наш разговор начался по поводу статей, появившихся в некоторых английских газетах не в пользу идеи высадки во Франции постоянной английской армии.

Он сказал мне: «Эти слухи очень неприятны и совершенно не соответствуют истине. Я еще сегодня получил из министерства полное подтверждение нашей готовности помочь Франции на суше, и вы можете самым решительным образом это утверждать. Так было решено поступить осенью и так будет в случае новых осложнений. Конечно, вне военного ведомства, не все сочувствуют этой мысли, и в морском министерстве некоторые были против [1]), но этих лиц недавно сменили и, с целью обеспечить именно в этом вопросе взаимодействие армии и флота, недавно сформировали морской генеральный штаб».

Императорский посол, которому я доложил в сентябре сведения, полученные мною от генерала Дюбайля по поводу английской высадки (см. мой рапорт от 1 сентября 1911 г. за № 299), имел разговор по этому поводу с французским министром иностранных дел, который подтвердил ему все, что передал мне начальник штаба армии.

В виду вышеизложенного, я не вижу решительно никакого основания, почему отрицать реальную помощь, которую Англия собирается оказать Франции в случае войны с Германией, коль скоро французское правительство в этом убеждено.

В таком случае, интересно сделать подсчет силам обоих противников.

Как вашему высокопревосходительству известно, против Италии французы предполагают оставить лишь ничтожные силы (альпийских стрелков и одну колониальную дивизию) [2]); в настоящее время, вследствие экспедиции в Триполи, можно сказать, что имеется еще больше оснований так поступить. С другой стороны, союз с Англией даст возможность перевезти из Африки XIX корпус, а 6 английских дивизий, будучи в усиленном составе, могут быть приравнены 4 корпусам.

Следовательно, англо-французы будут иметь 25 корпусов [3]) (резервных формирований, для упрощения, я не принимаю в рассчет). Германцы же будут принуждены оставить против нас 3—5 корпусов; кроме того, 1 или 2 корпуса придется им выделить для наблюдения за бельгийской армией, так как нарушение ими нейтралитета Бельгии

---

[1]) Как об этом доносил генерал Ермолов.— Примечание в подлиннике.

[2]) И эти войска останутся против Италии только временно, до выяснения обстановки.— Примечание в подлиннике.

[3]) Французская армия состоит из 20 корпусов и колониального, из коих 4 корпуса имеют по 3 дивизии: VI, VII, XIX и колониальный.— Примечание в подлиннике.

более чем вероятно. Таким образом, превосходство в силах переходит на сторону англо-французов, даже в том случае, если бы Испания примкнула к Германии.

Франция после 1870 г. еще никогда не была в столь выгодном стратегическом положении; армия ее в очень хорошем состоянии (несмотря на все толки ее недоброжелателей и клеветников); финансы ее не оставляют желать лучшего; на патриотизм населения можно вполне рассчитывать, как это доказали события прошлого лета. Франция имеет двух могущественных союзников, между тем как Тройственный союз, как говорят, «трещит по швам».

Наконец, следует еще учесть один фактор морального свойства. Поколение, пережившее во Франции войну 1870 г., питало скрытое чувство страха перед немцами; воспоминание «de l'année terrible» на всю жизнь сделало из него людей, склонных преувеличивать могущество германского оружия, и в этом согласны французы, чуждые чувства самохвальства; между тем, последующее поколение, т. е. все лица, коим теперь не более 45 лет, совершенно не знают этого чувства; многие из них были в Германии и могли оценить отрицательные стороны ее могущества: «on n'a plus peur du Prussien en France», — говорил мне недавно один высокопоставленный офицер.

Нужно еще принять во внимание сознание французов, что рано или поздно война неизбежна.

Все это, вместе взятое, составляет весьма тревожную атмосферу, и мое мнение, что, если Германия не изменит по отношению к Франции своей политики задирания и устрашения, то первый крупный инцидент (вроде агадирского) вызовет теперь конфликт.

Военный агент генерал-майор гр. Ностиц [1]).

Весьма секретный рапорт военного агента в Великобритании Н. С. Ермолова начальнику ген. штаба Я. Г. Жилинскому от 17 (4) января 1912 г. № 3 [2]).

Лондон. 17(4) января 1912 г. № 3.

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь
Яков Григорьевич.

Вчера французский военный агент в Лондоне полковник Huguet заходил ко мне и в частном разговоре сообщил, что чувство ожидания

[1]) На рапорте помета ген. Сухомлинова: «Сообщить министру иностранных дел».

[2]) Рапорт № 3 был получен отд. ген.-кварт-ра главн. упр. ген. штаба 25(12) января 1912 г.

войны с Германией в близком будущем во Франции все более и более усиливается. По словам полковника Huguet, общественное мнение в Германии, возлагающее столь много надежд на армию, не может примириться с обидными для германского самолюбия дипломатическими неудачами минувшего года в марокканском вопросе. Усиление военно-сухопутных и морских вооружений в Германии идет вперед безостановочно. Кроме того — и это самое главное — Германия в настоящее время вполне ясно сознала, что выступить против Англии она может не иначе как через Францию [1]) — задев Францию — и поэтому в Германии нападки, в прессе и в публике, до сих пор почти исключительно раздававшиеся только против Англии, в настоящее время, с большей и большей горечью и остротой, начинают раздаваться и против Франции. Вполне вероятно, что миролюбие германского императора скоро не будет в силах удержать эти враждебные порывы. По мнению полковника Huguet, настроение относительно ожидания войны во Франции в настоящее время еще более напряженное, чем было во время марокканского кризиса. Кроме того, по словам полковника Huguet, во французском главном штабе начинают сознавать, что для Германии было бы вполне выгодно: а) начать войну этой зимой, до весны, пока бездорожье и оттепель снегов будут затруднять и задерживать мобилизацию в России; б) искать столкновения с Англией, не откладывая более, дабы прекратить и приостановить бесконечное, разорительное, параллельно идущее соперничество в усилении морских вооружений обоих государств.

Таковы соображения, сообщенные мне полковником Huguet.

С своей стороны, относительно ожидания возможности войны в близком будущем, считаю долгом донести вашему высокопревосходительству, что и здесь, в Англии, напряженность ожидания войны увеличивается: биржи в Лондоне и Париже весьма нервничают, английские ценные бумаги (консоли) падают; наступающая общая забастовка углекопов придает тревожности настроения еще более мрачный характер. Слухи о назначении г. Делькассе министром иностранных дел повлияли настолько тревожно, что страховые премии по страхованию морских грузов против опасности войны в Лондоне тотчас же повысились до 5, до 8 и, наконец, на этих днях, до 12%. Возникла мысль о сосредоточении войск Альдершотского округа в лагерном сборе где-либо поближе к восточному побережью. Между английским сухопутным генеральным штабом и вновь созданным морским генеральным штабом устанавливается полное единогласие во взглядах,

[1]) Набранное разрядкой в подлиннике подчеркнуто ген. Ермоловым.

и адмиралтейство уже не будет, как то было минувшей осенью, высказывать свои тайные сомнения относительно возможности перевозки английского экспедиционного отряда через канал к берегам Франции.

Н. Ермолов [1]).

Секретный рапорт военного агента во Франции гр. Г. И. Ностиц начальнику ген. штаба Я. Г. Жилинскому от 1 февраля (19 января) 1912 г. № 39 [2]).

1 февраля (19 января) 1912 г. № 39.

В виду ухода генерала Дюбайль и разговора, бывшего у меня недавно с ним, о котором я докладывал вашему высокопревосходительству в моих рапортах от 4 января с/г. за № 6 и № 7, я счел нужным просить генерала Жоффра подтвердить то, что говорил мне генерал Дюбайль. Его превосходительство исполнил мою просьбу.

Кроме того, генерал Жоффр мне сказал, что теперь в военном министерстве идет усиленная работа, чтобы быть вполне готовым, если весной вспыхнет война; что все, касающееся английской высадки, подготовлено до мельчайших подробностей, так что английская армия примет участие в первом генеральном сражении; что движение немцев через южную Бельгию он считает весьма выгодным и для Франции на том основании, что это даст возможность вести войну, во-первых, не на своей территории, а, во-вторых, на театре, где противник не имеет никаких фортификационных сооружений.

Затем, желая знать, насколько генерал Дюбайль ориентировал генерала Жоффра относительно нашего содействия в случае франко-германской войны, я коснулся этого вопроса. Оказалось, что начальник генерального штаба был в достаточной мере осведомлен, так как он не проявил опасения, что наша, будто бы, поздняя готовность лишит нас возможности оказать действительную помощь Франции с первых же дней главных операций на франко-германском театре. Напротив, генерал Жоффр сказал, что ему известно, что мы будем в состоянии удержать на нашей границе те германские корпуса, кото-

---

[1]) На рапорте помета ген. Сухомлинова: «Сообщить содержание этого письма министру иностранных дел. 11/I. С.». Письмом от 4 февраля (22 января), за № 1804, Сухомлинов передал Сазонову содержание рапортов гр. Ностица № 7 и ген. Ермолова № 3. Выдержка из рапорта ген. Ермолова была препровождена, согласно приказания ген. Данилова, военному агенту в Берлине полк. Базарову при секретном отношении от 6 февраля (24 января) 1912 г. за № 76.

[2]) Рапорт № 39 был получен отд. ген.-кварт-ра главн. упр. ген. штаба 8 февраля (26 января) 1912 г. (вход. агент. журнал, № 354).

рые теперь там находятся. Но при этом его превосходительство прибавил, что он считал бы весьма желательным, если бы об этом стало известно немцам...

По этому поводу я осмелюсь доложить мои личные соображения. За границею появляется масса статей, брошюр и книг, в которых разбираются и критикуются вероятные планы войны. В них много фантазии, но, так как в этой новой отрасли военной литературы принимают участие часто выдающиеся военные писатели (как, например, генерал Фалькенгаузен), то, в конце концов, можно составить себе некоторое понятие о господствующих в данное время в военных сферах взглядах на наиболее целесообразное ведение предстоящих военных операций. Так, вероятное нарушение германцами бельгийской территории вызвало множество весьма интересных статей.

У нас совсем нет подобной литературы, и все, что касается нашей армии, ее силы и боевой готовности, известно лишь немногим, а это дает повод некоторым военным писателям распространять совершенно ложные сведения относительно ее оперативной способности и той реальной помощи, которую мы можем оказать французам, как, например, это сделал генерал Метро в статье, о которой я докладывал в рапорте от 4 января с/г. за № 8. Подобные слухи, конечно, в высшей степени на руку немцам. А между тем можно было бы поместить в русских газетах и журналах или в отдельных изданиях немало статей — интересных и полезных «pour notre cause commune», как говорят французы. Например, «Русские железные дороги в военном отношении теперь и 20 лет тому назад», «Россия и Франция в борьбе с Германией», «В чем же может выразиться помощь России Франции в течение первого периода войны» и т. д.

Военный агент генерал-майор гр. Ностиц [1]).

Секретный рапорт военного агента в Германии П. А. Базарова ген.-квартирмейстеру гл. управления ген. штаба Ю. Н. Данилову от 1 марта (17 февраля) 1912 г. № 73 [2]).

Берлин. 1 марта (17 февраля) 1912 г. № 73.

Вследствие препровожденной мне выписки из рапорта военного агента в Великобритании, я имел, между прочим, разговор с здешним французским военным агентом, полковником Pellé, хорошо осведомленным в вопросах военно-политического характера по отношению

[1]) На рапорте помета ген. Сухомлинова: «Неудобно. С. 25/I».

[2]) Рапорт № 73 был получен отд. ген.-кварт-ра главн. упр. ген. штаба 5 марта (21 февраля) 1912 г. (вход. агент. журнал, № 576). Он является ответом на секретное отношение за № 76 (см. 1-е прим. на стр. 178).

к Германии благодаря продолжительному пребыванию в Берлине в должности военного агента.

Обоюдный обмен мнений привел нас к следующим заключениям.

Во время мароккского кризиса нападки германской печати и настроение различных слоев германского общества против Франции были несравненно острее, чем в настоящее время. Не менее сильные, чем против Франции, нападки против Англии прекратились в прессе,— несомненно, по распоряжению свыше, — со времени приезда в Берлин английского генерала Haldane.

Хотя никаких особенных «враждебных порывов» против Франции в настоящее время более не замечается, тем не менее, не подлежит сомнению, что политически развитые слои общества, а также армия, глубоко затаили как против Франции, так, в особенности, и против Англии чувство обиды, нанесенной немецкому самолюбию развитием мароккского вопроса.

Создавшаяся в Европе политическая группировка держав, желание закончить организацию своих сухопутных вооруженных сил и достигнуть наиболее выгодного соотношения морских сил заставили Германию пойти почти до предела возможных уступок. Между тем политическая обстановка, несмотря на попытки Германии притти к некоторому соглашению с Англией, пока мало изменилась. Поэтому, опасаясь поражения, а, может быть, и полного уничтожения своего флота, при становящемся все более и более вероятным столкновении своем с Англией, Германия принуждена искать компенсации в победоносной войне с Францией, на средства которой (контрибуция) она надеется построить новый флот.

Таким образом, разрыв с Англией, инициатива которого в ближайшем, по крайней мере, будущем, повидимому, может исходить лишь со стороны последней, косвенно поведет к объявлению войны Германией Франции.

Результат происходящих, повидимому, и в настоящее еще время между Германией и Англией тайных переговоров, предметом которых, несомненно, служит также и вопрос о дальнейшем развитии морского могущества обеих стран, а, главное, ожидаемое в самом недалеком времени внесение германским правительством в рейхстаг новых Heeres- und Flottenvorlagen, должны пролить свет на политическую обстановку ближайшего будущего.

Что касается вопроса о выгодности для Германии начать войну среди зимы или во время весенней в пограничных областях России распутицы, то он заслуживает несомненного интереса. В виду большей привычки немцев к холоду по сравнению с французами, и, наоборот, большей выносливости французов по отношению к жаре, немцам вы-

годнее начать кампанию в зимнее время года, тем более, что на западном своем фронте они не встретят особых затруднений в отношении проходимости дорог, даже в самое ненастное время года. Кроме того, при нанесении главного удара против Франции и оборонительном характере операций на русском фронте, особенно выгодным для немцев моментом для открытия кампании следует признать время перед наступлением весенней распутицы в пределах северной части Варшавского военного округа. Наконец, с точки зрения климатических условий и состояния грунтовых путей, необходимо также принять во внимание предполагаемый способ действий австрийцев и особенности этого последнего театра.

В общем, совокупность имеющихся в настоящее время признаков приводит к заключению, что Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем. В то же время несомненно, что ни император, ни, безусловно, большая часть германского народа в данное время [1]) войны не желают. В случае однако сознания полной неизбежности ее, более чем вероятно, что начало военных действий последует именно со стороны Германии, которая только внезапностью может рассчитывать до известной степени уравновесить шансы успеха борьбы с английским флотом и обеспечить за собою преимущество исходного положения для борьбы против Франции. Организация военно-сухопутных и морских сил Германии дает полную к тому возможность.

Генерального штаба полковник Базаров [2]).

Секретный рапорт военного агента во Франции гр. Г. И. Ностиц начальнику ген. штаба Я. Г. Жилинскому от 11 апреля (29 марта) 1912 г. № 146 [3]).

11 апреля (29 марта) 1912 г. № 146.

Я говорил сегодня с генералом Жоффром по поводу франко-германских отношений. Его превосходительство имел любезность прочитать мне донесение французского военного агента в Берлине от 23 марта (5 апреля), в котором полковник Пелле, подчеркивая миролюбивое настроение императора Вильгельма и канцлера, доносил о прекращении анормальной деятельности, проявленной большим гене-

[1]) Подчеркнуто полк. Базаровым.

[2]) На рапорте пометы ген. Данилова: «В доклад начальнику ген. штаба. Г.-м. Данилов. 25/II» и пом. I обер-кварт-ра гл. упр. ген. штаба Монкевица: «Копии военным агентам в Швеции, Великобритании, Бельгии, Франции, Швейцарии и Австро-Венгрии, в штабы Варш. и Виленск. в. окр. 29/II 1912 г. Монкевиц».

[3]) Рапорт № 146 был получен отд. ген.-кварт-ра главн. упр. ген. штаба 17 (4) апреля 1912 г. (вход. агент. журнал, № 1060).

ральным штабом в течение последнего времени, но, вместе с тем, военный агент указывал на чувство оскорбленного самолюбия, затаившееся в германских сердцах после событий прошлого лета, и т. д.

Мнение генерала Жоффра, что в Германии не желают войны, кроме известной партии, так как немцы не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы рассчитывать на верный успех. Напротив, в Германии думают, что французы будут искать предлога для войны, «mais ce n'est pas le cas», — сказал генерал, — хотя мы давно не были в столь выгодном положении для начала военных действий, но мне также известно, что через два года вы будете значительно более готовыми, нежели в настоящее время.

И. об. военного агента,
ген.-майор гр. Ностиц [1]).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Базаров, Павел Александрович, полковник, русский военный агент в Германии с 1911 по июнь 1914 гг., когда был отозван по требованию германского правительства.

Данилов, Юрий Никифорович, ген.-м., генерал-квартирмейстер главн. упр. ген. штаба с 1909 по 1914 гг.

Делькассе Теофиль, франц. госуд. деятель, радикал-социалист; морской министр в кабинетах Кайо и Пуанкаре с 1911 по 1913 гг.

Дюбайль Ивон, генерал, начальник штаба франц. армии с 1911 по 1912 гг., когда был назначен командиром 9-го корпуса.

Ермолов, Николай Сергеевич, ген.-лейт., русский военный агент в Англии с 1891 по 1905 гг. и с 1907 по 1917 гг.

Жилинский, Яков Григорьевич, ген.-от-кав., начальник русского ген. штаба с 1911 по 1914 гг.

Жоффр Жак, генерал, начальник французского ген. штаба с 1912 по 1914 гг.

Маттон, полковник, французский военный агент в России с 1909 по 1912 гг.

Метро, генерал, французский военный писатель.

Монкевиц, Николай Августович, ген.-м., пом. I обер.-кварт. гл. упр. ген. шт. с 1910 по 1914 гг.

Ностиц гр., Григорий Иванович, ген.-м., русский военный агент во Франции с 1908 по 1912 гг.

Пеллэ Морис, полковник, французский военный агент в Германии с 1909 по 1912 гг.

---

[1]) На рапорте помета ген. Жилинского: «Генерал-квартирмейстеру. Ж.»

Сазонов, Сергей Дмитриевич, министр иностранных дел с 1910 по 1916 гг.

Сухомлинов, Владимир Александрович, ген.-от-кав., военный министр с 1909 по 1915 гг.

Фалькенгаузен бар. Людвиг, ген., видный германский военный писатель, командир 13 арм. кор. с 1899 по 1902 гг.

Хольден виконт Ричард, английский военный министр с 1905 по 1912 гг.

Югэ (Huguet), полковник, французский военный агент в Англии с 1904 по 1912 гг.

Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины.

(Из переписки П. А. Столыпина с гр. И. И. Воронцовым-Дашковым.)

Публикуемая ниже официальная переписка министра внутренних дел П. А. Столыпина и наместника на Кавказе гр. И. И. Воронцова-Дашкова (апрель — август 1908 г.) носит характер не только обзора деятельности наместника на Кавказе за период с марта 1905 по 1907 гг. включительно, но и характер принципиальной дискуссии о политике царского правительства на «Кавказской окраине». В этом характере публикуемых документов — их исключительный интерес.

Торжествующая реакция уже заканчивала свое триумфальное «умиротворительное» шествие по территории России, сопровождавшееся погромами, карательными экспедициями и т. д. Третьеиюньский режим вступал в полосу своего расцвета. Предстояла «блестящая» эпоха столыпинских «реформ», наступал бурный период расцвета черносотенной реакции и одновременно — упадка рабочего движения в стране и распада революционных сил. На общем фоне «умиротворенной России» к началу 1908 г. только один Кавказ резко выделялся арьергардными боями рабочего класса (2 крупных забастовки в 1907 г. в Баку — моряков Каспийского моря и нефтепромышленных рабочих), непрекращавшейся террористической деятельностью, еще не остывшей национальной борьбой после недавних (1905—1906 гг.), спровоцированных царскими сатрапами армяно-тюркских кровавых столкновений.

Столыпинщину беспокоило «отступление местных властей от общей политики правительства, которое уже более 2 лет тому назад встало на неуклонный путь твердых мероприятий, в видах водворения и поддержания порядка и одновременного выполнения широкой программы усовершенствования основных условий жизни России...» Это обстоятельство внушало Столыпину «самые тревожные опасения за дальнейшую судьбу края».

Воронцов-Дашков в своем ответе Столыпину больше оправдывается объективными трудностями борьбы за «порядок» и особыми специфическими условиями «Кавказской окраины», чем отстаивает свою особую линию в политике на Кавказе. Такой ответ Воронцова-Дашкова является особенно ценным для понимания лицемерной и провокационной политики старого царедворца на Кавказе, которую многие склонны были изображать как либеральную.

Военно-полевые суды за 2 года своей деятельности при Воронцове-Дашкове вынесли 73 смертных приговора, 62 приговора к каторге и 4 приговора к ссылке. Таким образом на 139 приговоров только военно-полевых судов — больше половины — приговоры к смертной казни. Карательные экспедиции генералов Альфтана и Алиханова, «усмирявших» революционное движение в Гурии и Горийском уезде в 1905 г., дополняют картину «бездействия» кавказских властей. Однако такая деятельность кавказских властей не удовлетворяла укрепившуюся реакцию. Ей было этого недостаточно. Столыпин добивался от наместника усиления борьбы с «инородцами», с туземным населением, и форсированного насаждения «русского влияния» на «Кавказской окраине». Вокруг этого требования перемены политики на Кавказе и развертывается в основном переписка Воронцова-Дашкова со Столыпиным.

Изворотливая, провокационная политика Воронцова-Дашкова стремилась к тому, чтобы: 1) создать на «Кавказской окраине» верные царизму кадры из туземного дворянства, помещиков и буржуазии, — а этого нельзя было достигнуть без привлечения их в органы власти, — и тем самым несколько потеснить русских чиновников; 2) опираясь на национальную вражду разноплеменного и многонационального Кавказа, укреплять господство России на Кавказе; 3) создать из кавказских армян опору для осуществления завоевательных стремлений царской России как в Турции, так и в Персии.

Этой политике, осуществлявшейся методами лести, уговоров, провокаций, Столыпин противопоставляет свою политику открытого русификаторства, «прямого действия» — политику применения силы, репрессии. Политика наместника создает на Кавказе, по мнению Столыпина, «удушливую и губительную для русского дела атмосферу».

Борьба с «инородцами», и в первую голову армянами — является основным требованием Столыпина, предъявленным Воронцову-Дашкову. Поэтому он выдвигает обвинение в том, что Воронцов-Дашков не понимает антиправительственного значения армянской партии «Дашнакцутюн» и, относясь с «особой снисходительностью к армянским проискам», этим самым поддерживает «Дашнакцутюн», который, — как уверяет Столыпин, — чуть ли не поголовно объединяя все армянское население Кавказа, развивает бешеную деятельность, направленную к низвержению самодержавия и организации революции в России.

Самым опасным врагом для русского самодержавия на «Кавказской окраине» оказывается не кто иной, как армяне. Воронцов-Дашков в публикуемой переписке не излагает открыто своего отношения к армянам — он это делает в своих письмах к Николаю Романову [1]), где он защищает «традиционное» покровительственное отношение к армянам, которое на случай войны с Турцией гарантирует России сторонников в тылу у Турции и которое может содействовать присоединению к России отдельных частей Армении, находящихся под владычеством Турции и Персии. В ответе Столыпину он лишь опровергает возводимые на него обвинения в прямом покровительстве революционным организациям и, в частности, армянской революционной партии «Дашнакцутюн».

---

[1]) См. «Красный Архив» 1928 г., т. I (XXVIII), стр. 97—126.

Требование же Столыпина об изменении политики Воронцова-Дашкова по отношению к армянам вызвано, главным образом, тем обстоятельством, что ко времени постановки этого вопроса значительно изменилось соотношение международных сил в борьбе за господство в Турции и Персии.

Если еще с давних времен русский торговый капитал в своей экспансии на Восток опирался на армянскую буржуазию как на посредника, помогающего русскому капиталу проникнуть в Персию и в Турцию, то ныне, со времени соглашения России с Англией (1907 г.) и превращения Северной Персии в колонию русского самодержавия, — эта служебная роль армянской буржуазии в значительной мере отпала. Больше того, русский капитал, устремившийся в Северную Персию после англо-русского соглашения 1907 г., неизбежно должен был вступить в борьбу с армянской буржуазией для вытеснения ее с твердо завоеванных ею за десятилетия позиций.

Кроме того, победа младотурецкой партии, утверждение в Турции конституционной монархии, проведение ряда мероприятий, облегчающих положение турецких армян, — в значительной мере обесценивали покровительственную политику русского самодержавия по отношению к армянам.

Эти обстоятельства диктовали Столыпину необходимость изменить отношение к армянам, тем более, что под влиянием закона об изъятии армянского церковного имущества в 1903 г., а затем и хода революции 1905 г., «Дашнакцутюн» направил свою борьбу и против самодержавного строя, расколовшись даже в России по этому вопросу на 2 партии — на новый (или левый) и старый (или правый) «Дашнакцутюн». Покровительственное же отношение в прошлом к вооружению «Дашнакцутюна» и его деятельности в пределах Кавказа становилось теперь опасным для самого русского самодержавия. Спровоцированная армяно-тюркская резня 1905—1906 гг. как нельзя лучше подтверждает желание русского самодержавия, наряду с задачей отвлечения масс от борьбы с правительством, «разоружить» армянские вооруженные силы, готовившиеся в свое время для борьбы с Турцией.

Воронцов-Дашков же отстаивал линию подготовки войны с Турцией. Его проект постройки перевальной железной дороги через Кавказский хребет и его политика по отношению к армянам — это отдельные звенья одной цепи — военно-стратегической подготовки Кавказа к неизбежной войне с Турцией. Ход событий доставил торжество Воронцову-Дашкову. Накануне вступления России в империалистическую войну — снова восторжествовала политика защиты «угнетенных» Турцией армян.

Спор по вопросу о характере и значении партии «Дашнакцутюн», о размерах ее влияния на армянское население проливает также свет и на фактическую роль этой партии в годы революции и первого периода реакции (1905—1908 гг.). Ее роль в стачечном движении в Баку, охрана личности и имущества армянской буржуазии, выполнение даже полицейских функций, — ее роль в армяно-тюркской резне чрезвычайно ярко выявлены в переписке Столыпина с Воронцовым-Дашковым. Старый «Дашнакцутюн», сложившийся в 90-х годах прошлого столетия, был продуктом колониально-захватнической политики русского самодержавия, агрессии русского капитала на Восток, орудием борьбы с Турцией, пособником проникновения русского капитала в южные пограничные страны,

носителем человеконенавистнического, звериного шовинизма, буржуазного национализма и клерикализма.

Раскол в «Дашнакцутюне», вызванный революцией 1905 г. и отделивший левую, революционную часть, не освободил, однако, и эту левую часть («новый Дашнакцутюн») от национализма и шовинизма, от мелкобуржуазных иллюзий.

Стоило только русскому самодержавию в связи с войной с Турцией в 1914 г. снова изменить свое отношение к армянам, как и левое крыло, «революционный» «Дашнакцутюн», по примеру своих собратьев из II Интернационала, — принял активное участие в борьбе с Турцией на стороне русского самодержавия. И только революция 1917 г. снова заостряет борьбу между левым и правым крылом «Дашнакцутюна».

Таким образом, публикуемая переписка Столыпина с Воронцовым-Дашковым дает ценный материал для характеристики: 1) политики реакции в деле удушения революционного движения на Кавказе «умиротворяющими» погромами, национальной резней, казнями и каторгой, 2) методов и путей колонизаторской деятельности русского самодержавия на окраинах, 3) того поворота в традиционной русской политике покровительства армянам, который обусловливался новым этапом развития международных отношений России со своими соперниками на Востоке, и 4) объективной роли партии «Дашнакцутюн» в период революции 1905 г. и начала реакции.

С. Фукс.

Письмо председателя Совета Министров и министра внутр. дел П. А. Столыпина на имя наместника на Кавказе гр. И. И. Воронцова-Дашкова от 11 апреля (ст. ст.) 1908 г. № 64885 *).

Милостивый государь
граф Илларион Иванович.

В течение последних двух лет в министерство внутренних дел поступают сведения, свидетельствующие о чрезмерном развитии террористической деятельности на Кавказе, достигшей высокого напряжения и сопровождающейся значительным числом человеческих жертв и особой жестокостью над ними. Прилагаемая таблица [1]) статистических сведений за 1907 г., давая печальную картину развития преступности в наместничестве, устанавливает, что за 1907 г. по Кавказу зарегистрировано всего 3 060 террористических случаев, из коих 1 732 относятся исключительно к грабежам, и что общее число пострадавших было: убитых 1 239 и раненых 1 253. По тем же сведениям, в пределах края расширяется и пропаганда как на почве чисто нацио-

*) Письмо воспроизводится с отпуска в деле деп. полиции, 4 дел., 1908 г.: «О деятельности Кавказского наместника и местных административных органов» (Архив Революции и Внешней Политики). Из этого же дела извлечены и другие материалы, вошедшие в настоящую публикацию.

налистической, так и на общереволюционной, находясь в тесной связи с деятельностью революционеров в России.

Останавливаясь на проявлении преступности в отдельных местах Кавказа, необходимо признать, что по широте развития ее отдельные губернии должны быть поставлены в следующей постепенности: 1) Тифлисская, 2) Кутаисская, 3) Бакинская, 4) Кубанская область, 5) Эриванская губерния, 6) Елисаветпольская и т. д. Но, независимо от таких отдельных случаев правонарушений имеется ряд указаний и на вообще неблагополучное положение дел в различных местностях Кавказского края в отношении интересов государственного порядка и общественной безопасности.

Так, в Эриванской губернии во второй половине 1906 г. систематическое насильничество армян над молоканами и лезгинами привело последних к мысли соединиться с молоканами и татарами для общего вооруженного отпора армян. Получив предложение в этом смысле от лезгин и сохранив еще веру в крепость законной власти, молокане отказались от такого союза, но в сентябре того же года предъявили властям свое ходатайство о разоружении армян, решив, только в случае отказа, перейти на кровавую расправу с насильниками.

В августе 1907 г. в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии существовала организация, разбиравшая уголовные и гражданские дела кочевников и запрещавшая им под страхом казни обращаться по своим делам к законным представителям администрации и суда.

В продолжение августа 1906 г. Телавский уезд Тифлисской губернии отличался исключительным развитием своеволия. В это время в г. Телаве прокламации и революционные издания расклеивались и распространялись открыто на глазах полиции; на улицах молодежь распевала возмутительные песни, и ежедневно до поздней ночи происходили революционные митинги; город и уезд переполнены были беглыми, и на улицах редко можно было встретить невооруженного человека; беспрепятственно производился сбор на революционные цели, и повсеместно шла агитация для подготовки вооруженного восстания, а между тем полиция никаких мер не принимала, находясь под давлением самозванного революционного армяно-грузинского правительства, фактически распоряжавшегося всем. Наряду с этим, в уезде до крайности развились грабежи, и в течение одной лишь первой половины августа 1906 г. было более 10 случаев подобных преступлений. Некоторые селения совсем вышли из повиновения закону, отказавшись признавать законные власти и выбрав собственную администрацию, а некоторые были уже совершенно готовы к вооруженному восстанию. Кроме многочисленных раз-

бойничьих шаек, в г. Телаве открыто действовала организация «Красной сотни», приговаривавшая разных лиц к смерти; во многих селениях функционировали правильно образованные отделения помянутой сотни, обложившие жителей особым денежным сбором, и под воздействием этой организации многие местности прекратили платеж податей. Произведенное затем расследование установило, что в местном баталионе преобладали туземцы, а из 33 полицейских стражников только 10 было русских — верных и надежных, — остальные же были туземцы, совершенно негодные для службы и явно содействовавшие революционерам и разбойникам.

Необеспеченность личной безопасности в течение 1906 г. с заметной силой проявилась в г. Баку, вследствие чего в октябре месяце возмущенные рядом террористических покушений офицеры бакинского гарнизона, обсудив с надлежащего разрешения вопрос о мерах к ограждению своей безопасности, постановили опубликовать свое заявление о том, что в случае новых посягательств они будут действовать собственными средствами, включительно до истребления укрывателей.

4 декабря 1906 г. в г. Баку на одной из людных улиц революционерами была захвачена для отпечатания преступных воззваний типография Шакова, причем чрезвычайно ярко обрисовалась бездеятельность местной полиции: ни двое городовых, занимавшие посты вблизи этой типографии, ни два полицейских офицера, приходившие в самую типографию во время работы в ней революционеров, ничего не заметили.

Подобные уклонения от нормальной жизни в Кавказском крае получили значительное развитие в течение 1907 г.

28 апреля полицейские служители г. Эривани под влиянием материальной нужды и развившегося террора, жертвою которого пал один из городовых, предъявили требования об увеличении им в трехдневный срок содержания и о предании убийцы военно-полевому суду, угрожая в противном случае возвратить оружие и оставить службу.

Летом 1907 г. Новороссийск, несмотря на военное положение, дошел до состояния анархии: убийства, грабежи, вымогательства, разбои беспрерывно росли; состоятельные лица и отдельные учреждения вынуждены были платить налог на нужды злоумышленников, и такое положение вынудило, наконец, представителей местной власти обратить внимание на необходимость обязательной регистрации портовых рабочих, дававших преобладающий процент участников преступлений. Регистрация эта началась 5 ноября 1907 г., но под влиянием угроз и террора со стороны революционеров осуществлялась вяло, а вскоре и вовсе прекратилась. Вследствие малочисленности

неподкрепленного во-время местного гарнизона, пришлось выписать рабочих из Ростова на Дону. Предложение вашего сиятельства на имя генерал-губернатора от 3 декабря о принятии решительных мер и разрешение отправить на место боевой поезд также не имели успеха, и лишь после срочного моего сношения с вами, вызванного ходатайством губернатора и местного жандармского офицера об усилении в г. Новороссийске гарнизона и полиции и учреждения там розыскного отделения, последовали распоряжения об увеличении состава полиции, командировке на место сыскных агентов и охране семейств грузчиков, каковые меры и привели к прекращению забастовки и введению регистрации. Относительно образа действий новороссийской полиции представляется уместным указать, что по ее небрежности и невежеству 23 августа 1907 г. была упущена серьезнейшая деятельница «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» Сикорская, и около того же времени полиция самовольно выслала весьма важного сотрудника жандармского надзора в местном комитете социалистов-революционеров [1]). Наряду с этим, и самые меры борьбы полиции с анархией носили совершенно бессистемный характер: без достаточных агентурных оснований, производились повальные обыски в домах чинами полиции, а на улицах нижними воинскими чинами без надзора офицеров, не дававшие, конечно, никаких результатов и лишь возмущавшие благонамеренно настроенную часть населения.

В Кубанской области в течение 1907 г. революционный подъем проявился с особенной силой. Еще весною крайне тяжелые условия жизни в Армавире, благодаря слабости и малочисленности полиции, вызывали необходимость более интенсивной борьбы с крамолой, но образованный при материальном содействии местных купцов особый отряд был быстро заполнен армянами, стремившимися вытеснить русских с полицейских должностей, причем и приставом был назначен армянин. Самое население Кубанской области, потеряв всякую веру в поддержку и защиту со стороны администрации, обратилось к самосуду, который и сделался обычным явлением в области, сопровождаясь не только разгромом жилищ преступников, но иногда и крупными насилиями над представителями местной административной власти, заподозренными в укрывательстве. Наиболее характерен случай самосуда 26 апреля 1907 г. в ст. Кавказской, где вышедшие из терпения жители убили 23 человека воров и убийц и разгромили до 40 домов. При проезде 14 мая чрез эту станицу вашего сиятельства депутация от жителей, выразив верноподданнические чувства населения и прося снисхождения, заявила однако, что страшное коли-

[1]) Так в подлиннике.

чество убийств, грабежей и разбоев, при общем убеждении в бесполезности обращения к законному порядку преследования, переполнило чашу народного терпения, что «ни одна совесть не выразила сострадания к жертвам» самосуда и «что виноваты все — и старые и малые». В мае и июне 1907 г. несколько землевладельцев Кубанской области обращались к министру внутренних дел с ходатайством о защите их против систематических насильственных действий со стороны своевольных крестьянских масс, и после телеграфного сношения с вашим сиятельством порядок был восстановлен командированными на место казаками в течение одного дня. Продолжавшиеся в Армавире своеволия вынудили главное управление землеустройства и земледелия просить министерство внутренних дел о защите местных промышленников от революционных организаций, терроризирующих угрозами, вымогательствами крупных сумм (в общем итоге около полумиллиона) и наглыми убийствами среди белого дня (за апрель 1907 г. — 50 убийств). При этом указывалось, что местная администрация не хочет или не может оказать никакой защиты против боевых организаций, члены которых известны всем в лицо. Просьба эта была сообщена на распоряжение вашего сиятельства, и одновременно в Армавир были двинуты из г. Ростова на Дону розыскные и полицейские силы, которыми было произведено до 80 арестов с серьезным поличным. Однако и по настоящее время в Армавире не наступило успокоения. При этом надлежит отметить, что, наряду с указанным попустительством деятельности революционеров, местные власти г. Армавира иногда проявляли явно враждебное отношение к монархическим организациям. Так, например, для предупреждения ожидавшегося, по слухам, самосуда на 11 марта 1907 г. над революционерами, в Армавире атаман отдела издал бестактное и явно недоброжелательное к «Союзу русского народа» объявление, поднявшее дух оппозиционных элементов и вызвавшее общее глумление над монархистами, а 25 марта, в праздник Благовещения, монархисты, устроившие с надлежащего разрешения собрание, подверглись насилиям со стороны толпы. Своеобразное отношение представителей власти к революционным поискам видно также из следующего факта. 4 марта в Романовском хуторе состоялся митинг, на котором в присутствии тысячной толпы произносились возмутительные речи. На место митинга была командирована сотня казаков, но, вместо решительных мер к разгону сборища, командир сотни вступил с участниками митинга в разговоры, а тем временем один агитатор успел нанести должностному лицу публичное словесное оскорбление; командир сотни «корректно» убеждал участников митинга разойтись, а призванные для водворения порядка казаки вынуждены были слушать до конца преступные речи. Обра-

щенная к участникам митинга просьба разойтись не имела никакого успеха, а присутствовавших патриотов революционеры тут же, на месте, в присутствии воинских частей, подвергли насилиям.

Обязываюсь добавить, что случаи самовольных расправ с насильниками в области продолжаются до последнего времени. Не далее как в феврале месяце в ст. Усть-Лабинской убито толпой семь человек, а восьмой, из боязни расправы, застрелился сам. Дальнейший самосуд прекращен военною командою.

В Елисаветпольской губернии заслуживает быть отмеченной деятельность тайного сообщества «Дашнакцутюн», [2]) которое подчинило себе большую часть армянского населения. Успеху «Дашнакцутюна» содействовало однако и то обстоятельство, что в январе и феврале 1907 г. правое крыло партии в Елисаветполе приняло на себя полицейские функции, захватывая злоумышленников и охраняя вместо законной полиции мирное население от грабежей и разбоев. Это явление имело место также и в др. городах. В результате, в апреле 1907 г. в г. Елисаветполе комитет «Дашнакцутюна» фактически владел судебной и административной властью над армянами и, собрав, под предлогом борьбы с татарами, значительные денежные средства, скупал оружие, оборудовал свои мастерские и лаборатории для приготовления бомб, завел свои тюрьмы и применял лишение свободы и денежные взыскания к тем, кто, минуя «комитет», обращался к содействию полиции и суда. Для прекращения этого деспотизма «Дашнакцутюна» и для восстановления законного порядка, летом 1907 г. были предприняты аресты наиболее активных деятелей сообщества. Однако ликвидация оказалась безуспешной, так как дело это было передано в неумелые руки и. д. губернатора, надворного советника Ковалева, который, приняв на себя это серьезное поручение, не обнаружил самой элементарной осмотрительности и предварительно оповестил циркулярно о готовящихся следственных действиях всех уездных начальников, зная о ненадежности наличного состава уездной полиции. В результате планы и. д. губернатора стали известны членам «Дашнакцутюна», которые и получили возможность скрыть следы своей преступной деятельности, а произведенные обыски у 120 менее серьезных дашнакцаканов дали основание для привлечения только 21 лица. Имеются при этом указания, что безуспешности обысков отчасти содействовал и сам и. д. губернатора, неосновательно освободив от обыска 12 намеченных жандармским надзором видных деятелей «Дашнакцутюна». Результатом этих неудачных действий было несомненное усиление «Дашнакцутюна».

В отдаленных округах Кутаисской губернии, при полном попустительстве, а иногда и при содействии местной власти, воз-

никли и действовали революционные организации, или вовсе устранявшие представителей власти или делившие с ними свои полномочия. Так, в марте 1907 г. были обнаружены преступные сношения Озургетского уездного полицейского управления с местным революционным комитетом. В том же и в Новосенакском уезде в апреле 1907 г. было открыто существование сельских революционных властей, занимавшихся сбором, иногда насильственно, подписей к петициям революционного содержания в Государственную Думу, а на станции «Квалони» революционный комитет беспрепятственно распоряжался в течение некоторого времени грузовым железнодорожным движением, местная же администрация ничего об этом не знала, и самый комитет был обнаружен начальником экспедиционного отряда полковником Толмачевым, очищавшим губернию от революционных организаций. В г. Сухуме и его окрестностях в августе и сентябре 1907 г. был учинен целый ряд преступлений, не вызвавших, однако, со стороны местной полиции никаких немедленных мероприятий. Наиболее наглядным доказательством слабости кутаисских властей служат двухлетние подвиги террориста Пайчадзе, по сообщению особого отдела канцелярии вашего сиятельства, державшего в трепете всю губернию. С мая месяца 1905 г. он совершил со своею шайкою целый ряд дерзких убийств, иногда с помощью разрывных снарядов, осуществил ограбление почты, имел у себя склад бомб и пытался уничтожить одновременно из засады посредством адской машины всех уездных полицейских чинов. Пайчадзе был уже однажды задержан и, несмотря на явные улики в политическом убийстве, был по суду оправдан, а присужденный затем, по вторичному рассмотрению дела, в каторжные работы, бежал, организовал шайку террористов и в течение около двух лет безнаказанно грабил, убивал и жег всех несочувствующих его деятельности и только 28 августа 1907 г. был задержан. Наконец, в отношении Кутаисской губернии надлежит указать полное разложение учебного дела и чрезвычайную распущенность воспитанников средних учебных заведений. Успехи революционного движения в 1907 г. особенно отразились на Кутаисской классической гимназии, в которой возникли массовые беспорядки с применением взрывов петард. Однако предложения администрации о производстве в гимназии обыска были отменены по просьбе попечителя учебного округа.

Развившееся в Тифлисской губернии разбойничество стало угрожать в 1907 г. совершенной гибелью сельдяным промыслам, владельцы которых, не считая взносов за освобождение из плена, платили злоумышленникам налогу от 40 до 80 тысяч ежегодно; невзирая на просьбы и жалобы обиженных, местные власти бездействовали. Тифлисское купечество в мае 1907 г. образовало «Союз коммерсантов»

для обороны от грабителей, а пока этот союз еще не образовался, фактическую охрану магазинов и жилищ приняла на себя за особую плату та же революционная организация «Дашнакцутюн».

Безусловная ненормальность такого явления, свидетельствовавшего о полном упадке на месте законной власти, побудила меня сообщить об этом своевременно вашему сиятельству, но, распорядившись ликвидацией названного сообщества, вы изволили сами признать, что борьба с «Дашнакцутюном» мало успешна и крайне затруднительна, ибо партия эта уже пустила глубокие корни по всему Закавказью, весьма конспиративна и терроризировала все армянское население.

В Закатальском округе в половине 1907 г. развились вымогательства, грабежи, разбои, убийства, увоз женщин, прекратилось безопасное передвижение, и население округа было охвачено террором: грабители запрещали убирать хлеб с полей, сжигали урожай, требовали чрезмерные выкупы за детей, взятых в плен, а все обращения к администрации продолжали оставаться тщетными. В начале июня в Тифлисе распространились упорные слухи о предстоявших нападениях на банки. Управляющий отделением государственного банка просил полицеймейстера и сыскную полицию принять надлежащие предупредительные меры, но не встретил большого внимания. Утром 13 июня перед самым проездом денежного транспорта, на площади, где предполагалось нападение, появились подозрительные люди, настойчиво предлагавшие публике оставить площадь, тем не менее находившийся тут же полицейский и казачий наряд ничего этого не заметили, и шайка злоумышленников, вооруженных бомбами, ограбила более 200 тысяч рублей, причем было убито и поранено много конвойных и публики. Здесь уместно добавить, что приведенный факт ограбления понудил местную администрацию увеличить военный караул при отделении банка и поставить особый дозор на соседней улице. Однако уже в ноябре этот караул был сокращен до 5 человек, каковая мера внушила министру финансов особые опасения за безопасность банковых ценностей и послужила поводом к особому сношению министерства внутренних дел с вашим сиятельством, но ответа на это сношение не получено.

Выше было отмечено, что Бакинская губерния по развитию преступности в 1907 г. занимает третье место на всем Кавказе. Наряду с этим представляется возможным указать и ряд фактов, свидетельствующих о полной инертности местной власти. Так, 12 января 1907 г. в г. Баку, в клубе состоялся студенческий вечер, на котором были допущены крайне резкие демонстрации и пение со сцены возмутительной песни. 5 февраля 1907 г. в Баку в течение получаса про-

исходила уличная перестрелка членов «Дашнакцутюна» с анархистами-коммунистами на глазах полиции, и бессилие ее, наряду с разраставшейся дерзостью революционеров, дошло до такой степени, что пристав 3-й части был однажды связан революционерами. Ради обеспечения своей личной безопасности, бакинские армяне-собственники организовали в августе 1907 г. вольнонаемную боевую дружину «Зеленую сотню», которая, в конце концов, сама стала осуществлять анархические предприятия.

В апреле 1907 г. в Баку возникла весьма серьезная забастовка судовых команд и рабочих. Движение началось собственно еще с осени 1906 г., и уже в феврале, при сильном напряжении революционной агитации, положение дел на нефтяных промыслах приняло серьезный оборот. 3 февраля в Баку был убит энергичный противник забастовок, начальник торгового порта, Михайлов; в городе упорно говорили, что забастовка — дело двух-трех недель, и, хотя ваше сиятельство на сообщаемые вам мною с высочайшего одобрения предупредительные уведомления высказывали уверенность в отсутствии близкой опасности, а равно и Бакинский розыскной пункт смотрел на дело оптимистически, полагаясь на немногие аресты и закрытие «Союза каспийских моряков», тем не менее забастовка вспыхнула на нескольких судах, а затем охватила и остальные, сразу приостановив вывоз нефти в империю. Последнее явление неминуемо повлекло бы за собой приостановку волжского пароходства и многочисленных заводских предприятий, ввиду чего для прекращения беспорядка, столь вредно отразившегося на общегосударственных интересах и не подавленного местными силами, пришлось прибегнуть к чрезвычайной мере в виде командирования на место по высочайшему повелению, с особыми полномочиями, командира отдельного корпуса жандармов барона Таубе [3]). После прекращения забастовки, 26 апреля состоялась новая сходка агитаторов, которая, несмотря на чрезвычайную ее опасность, не была захвачена во-время, а наряду с этим и главный организатор забастовки Крыльцов был освобожден из-под стражи, и только в августе, когда Крыльцов возобновил свою агитацию, был поднят вопрос о его ответственности.

Вследствие скопления судовых рабочих и массы пришлых и безработных, при воздействии на них агитаторов и слабости местной власти, в Баку происходят постоянные насилия, разбои, убийства, истязания. Командированный в январе 1908 г. в Баку на XXV съезд нефтепромышленников чиновник министерства финансов удостоверяет, что лично видел, как днем на улице татарин истязал русскую женщину, а ближайший постовой городовой и проезжавшие конные стражники совершенно безучастно относились к происходившему, и

что в Баку ежедневно открыто происходят десятки убийств и экспроприаций, а виновные остаются непойманными.

На основании жандармского надзора бакинская полиция *) произвела осмотр подвальных помещений местного отдела «Союза русского народа» и ничего не нашла, а вслед затем командированный туда же жандармский офицер обнаружил в одном из подвалов адскую машину громадной силы.

Около этого же времени министерством внутренних дел были получены указания на новую деятельную подготовку революционерами в феврале месяце крупной забастовки в Баку и на бездействие местной администрации. В предотвращение этого бедствия был предпринят ряд энергичных мер, а 14 февраля 1908 г. последовал высочайший указ о присвоении вашему сиятельству в течение 6 месяцев особых полномочий, предусмотренных положением о чрезвычайной охране, по отношению ко всему торговому флоту и ко всем торговым портам Каспийского моря.

При обозрении доставленного вашим сиятельством материала о движении происходящей в настоящее время забастовки на заводах и нефтяных промыслах района Бакинского градоначальства, оказывается, что в период времени с 20 декабря 1907 г. по 10 февраля 1908 г. бастовали рабочие 30 промышленных предприятий в числе до 7 000 человек, причем рабочие Бакинского машиностроительного и торгового общества никаких требований не предъявили. Хотя, по вашим сведениям, забастовки эти имеют специально экономический характер, так как рабочие ведут с предпринимателями переговоры мирным путем, однако, по имеющимся в департаменте полиции данным, едва ли возможно признать это заключение вполне точным. Последняя забастовка возникла и продолжается под влиянием политической агитации. Во главе стоит «стачечный комитет», который, составляя требования рабочих, стремится предъявить их в чрезвычайном размере, заставить примкнуть судоходные команды Каспийского и Черного моря и, обострив течение забастовки, поднять вооруженное восстание. Главными агитаторами являются социал-революционеры, анархисты — члены боевой морской дружины, частью евреи, все имеющие уже преступное прошлое. Одним из наиболее деятельных руководителей забастовки до последнего времени состоял бывший газетный сотрудник Собченко, который ранее был организатором Украинского социал-демократического союза «Спилка» и скрылся из Киева от ареста. Возвратившись с Лондонского социал-демократического съезда, он поселился на Кавказе, о чем департаментом полиции дано было

*) Так в подлиннике.

знать местным розыскным органам. В январе месяце 1908 г. были получены сведения, что Собченко проживает в Баку под фамилией Колосова с каким-то Абрамовым и вместе с ним руководит стачкой рабочих нефтяного производства, ввиду чего дана была телеграмма об аресте Собченко, но жандармский офицер не задержал его, опасаясь, что этот арест может повлиять на результат совещания, так как Собченко являлся в то же время и представителем от рабочих на съезде в Баку нефтепромышленников. Вторичное категорическое требование департамента об аресте уже не могло быть исполнено, так как Собченко скрылся. Абрамов же, хотя был первоначально арестован, но освобожден на другой день как «секретарь профессионального союза рабочих механического производства, участвующий в съезде нефтепромышленников». Такая нераспорядительность и вялость местной власти особенно выделяется, так как все сведения о помянутых агитаторах и их революционной деятельности своевременно были сообщены особому отделу канцелярии вашего сиятельства и Бакинским розыскным органам [4]). Относительно общего состава бакинской полиции видно, что в 1906 г., благодаря слабости генерал-губернатора генерала Фадеева, он был крайне неудовлетворителен, хотя штат полиции, при хорошем материальном обеспечении, был вполне достаточен, но вследствие определения на полицейскую службу без разбора и предварительных справок полиция не соответствовала своему назначению. Население открыто говорило о чрезмерных поборах полицейских чинов и о невозможности даже попасть на полицейскую службу без взятки.

Несмотря на ежедневные грабежи и убийства, полиция крайне небрежно относилась к своим обязанностям, а генерал Фадеев, осведомляясь об этом, лишь ссылался на скорое назначение градоначальника. Налагаемые им на полицейских чинов за бездействие взыскания часто отменялись по просьбам посторонних лиц; в это время даже наружная полицейская служба не осуществлялась, и нередко можно было заметить полное отсутствие чинов полиции на улицах. Благодаря слабости генерала Фадеева не имело в Баку надлежащего значения и военное положение, и военно-полевой суд относился к преступникам чрезвычайно снисходительно (дело 25 ноября 1906 г. о членах Бакинской группы «коммунистов-анархистов-интернационалистов»). Положение дел в Баку и Бакинской губернии в последнее время едва ли дает основание полагать, что современный состав местной полиции стоит на должной высоте.

Из событий текущего года обращает на себя внимание безнаказанное убийство 25 февраля 1908 г. в г. Тифлисе, в городском трамвае, жандармского ротмистра Рунича и систематическое избиение в начале

марта в Тифлисе же нижних чинов полиции, причем в течение двух дней неизвестными злоумышленниками расстреляны трое околодочных надзирателей. Такая беспримерная дерзость подпольных организаций в центре Кавказа едва ли может служить благоприятным показателем для будущего и свидетельствовать о надлежащей деятельности органов власти. Не менее ярким доказательством полной растерянности их служат и обстоятельства задержания в помещении екатеринодарского профессионального союза портных сходки с бывшим кутаисским губернатором Старосельским во главе [5]). Несмотря на то, что Старосельский был застигнут на месте преступления, где найден и целый ряд документов, изобличающих всех присутствующих на собрании в образовании преступного сообщества, невзирая на то, что в квартире Старосельского найдено было письмо партийного характера, местные представители власти, не решившись, по мало понятным причинам, подвергнуть Старосельского аресту, стали обмениваться между собою телеграммами, а тем временем Старосельский, оставленный без взыскания и по обязательному постановлению, действие коего было однако распространено на прочих участников сходки, успел скрыться, хотя ранее и состоял под постоянным наблюдением.

Среди общего упадка деятельности правительственных органов и учреждений Кавказа далеко не последнее место занимает и постановка тюремного вопроса. В 1907 г. правильное течение тюремной жизни в пределах наместничества было нарушено целым рядом побегов арестантов. За истекший год насчитывается 78 побегов, причем преобладающий процент (до 40 случаев) дала кутаисская тюрьма. Побеги часто сопровождались подкопами, а в сухумской тюрьме был обнаружен доведенный почти до конца пролом каменной стены. Оскорбления арестантами часовых, нападения на тюремную стражу, ножевые расправы арестантов между собою — характерные черты кавказской тюремной жизни. Надзор за арестантами ослаблен до того, что тюрьмы обращаются в рассадники революции. 1 марта 1908 г. после побега из тифлисской тюрьмы важной государственной преступницы Бакрадзе в тюрьме обнаружено 1½ пуда революционной литературы, рукописи, чистые паспортные бланки, краска для мимеографа и 3 экземпляра гектографированного революционного журнала «Победа» — издания тифлисской губернской тюрьмы.

В отношении засим политического розыска как одного из самых могущественных средств борьбы с революционным движением приходится, к сожалению, признать, что и это дело с самого начала обособленного состояния его в пределах Кавказского края не находится на должной высоте и не соответствует крупным материальным затратам на него правительства. Вышеизложенные указания на чрезмерное

развитие преступности и небывалого по своей дерзости террора в крае и даже в самом месте пребывания наиболее видного из органов розыска служат лучшим тому доказательством, а кроме того имеются и другие определенные данные, указывающие на передачу этого в высшей степени серьезного и ответственного дела в неопытные, неумелые, а иногда и прямо недобросовестные руки. Об этом свидетельствуют, например, случаи убийств секретных сотрудников и наблюдательных агентов, т. е. лиц, профессия которых должна быть в глубокой тайне, исчезновение в июле 1905 г. из Бакинского губернского жандармского управления 59 оболочек разрывных бомб из числа 92-х, отобранных у террористов, допущение к исправлению должности начальника Бакинского охранного отделения бывшего секретного агента Пинхуса Л е р н е р а, по своим нравственным качествам и прежней деятельности отнюдь не соответствовавшего столь серьезному делу, и, наконец, безусловно вредная для дела, самостоятельная, отдельная от жандармов, деятельность полиции по политическим делам.

В заключение представляется возможным привести еще некоторые данные, характеризующие деятельность отдельных органов власти на Кавказе.

Согласно постановления Особого совещания, образованного на основании ст. 34 положения о государственной охране, 12 марта 1907 г. было запрошено заключение временного генерал-губернатора Горийского и Душенского уездов по всеподданнейшему ходатайству одного лица, высланного из пределов Кавказа и водворенного под гласный надзор полиции, о возвращении его на родину. После неоднократных напоминаний министерства, адресованных в разные местные инстанции, ответ на этот запрос последовал лишь 12 января с. г., хотя уже само по себе обращение просителя к монаршему милосердию требовало, казалось бы, особого внимания к делу со стороны местных властей.

В марте 1907 г. канцелярией вашего сиятельства были доставлены вполне точные сведения о влиянии местных революционеров-армян на переведенных за беспорядки во 2-й баталион 201 пехотного Лебединского полка в г. Закаталах матросов и об упадке среди них дисциплины, несмотря на энергичное противодействие командира, подполковника Добровольского. Сведения эти были сообщены мною военному министру, и результатом сего явились уверения штаба Кавказского военного округа об ошибочности сведений и полном благополучии баталиона. Последовавшие же события: убийство подполковника Добровольского матросом, установленная связь матросов с «Дашнакцутюном», проектировавшийся ими террор против начальствующих лиц и т. д., доказали неосновательность успокоительных уверений штаба.

Подобное же недоверие к сообщениям посторонних учреждений наблюдалось, как видно из вышеизложенного, и в других случаях, причем в получаемых отзывах обыкновенно заключались уверения о спокойном состоянии той или иной местности края.

Еще в сентябре 1907 года, обратив внимание на широкое развитие преступности в наместничестве и имея в виду, что почти весь край состоит на военном положении, я в особом письме сообщил об этом вашему сиятельству, причем высказал соображение, что чрезвычайный рост этой преступности естественно приводит к необходимости применения и соответственных мер борьбы с нею, в каковой, несомненно, наиболее серьезным средством в руках администрации являются те широкие полномочия, которые предоставлены ей упомянутым военным положением и — в частности — права, указанные в 12-й его статье. Так как эти полномочия, с решительностью применяемые в других местностях империи, приводят к осязательным результатам, я счел себя обязанным остановить внимание вашего сиятельства на том, что в некоторых местностях Кавказа таковые получают применение, быть может, не в полном соответствии с очевидно возрастающей потребностью в крутых и суровых мерах для восстановления поколебленного порядка и спокойствия *).

Между тем отступление местных властей от общей политики правительства, которое уже более 2 лет тому назад встало на неуклонный путь твердых мероприятий, в видах водворения и поддержания порядка, и одновременно выполняет широкую программу усовершенствования основных условий жизни России, привело Кавказскую окраину в ненормальное состояние в политическом и экономическом отношении, причем некоторые опасные явления в этой области, повидимому, настолько успели окрепнуть, что устранение их вызовет крайнее напряжение сил и крупные осложнения. В этом отношении особенное значение имеет упрочившаяся деятельность армянского революционного союза «Дашнакцутюн». Имеющиеся в министерстве внутренних дел сведения с несомненностью свидетельствуют о том, что означенная организация функционирует в крае открыто, будучи признаваема даже властями, некоторые представители коей входят с «Дашнакцутюном» в сношения по отдельным вопросам. Вышеприведенные случаи свидетельствуют о том, что члены этого сообщества заменяют собою иногда полицию, помогая законной администрации в поддержании внешнего порядка и безопасности, а поступившие в последнее время из некоторых губерний и центральных учреждений

*) Далее в подлиннике сделана следующая помета к печатаемому ниже тексту: «Дополнение, сделанное лично г. директором департамента».

сведения указывают, что та же организация заявляет свои предложения в вопросе наших отношений к Турции. Подобное положение создалось исключительно вследствие ошибочного понимания действительного значения «союза», который, оставаясь вне надлежащего воздействия и преследования, охватил ныне почти все армянское население и располагает организованною военною силою. Между тем из всех руководящих изданий сего сообщества, а равно из постановлений общих собраний его представителей с очевидностью явствует чисто революционное его направление, которое с особенною яркостью подтверждается самым широким применением этим союзом террора, жертвами коего пали уже многочисленные носители власти. В то же время «союз» непрерывно водворяет в край оружие, вооружает им своих участников, приобретает взрывчатые вещества, подготовляет военноначальников в сформированной в Болгарии военной школе и т. п. Та же беспрепятственность развития деятельности этого опасного сообщества открыла путь к свободному приобретению им больших денежных средств, которыми обильно снабжают сообщество богатые армяне, отчасти под влиянием террора и отчасти лишь из сочувствия националистическим стремлениям этого революционного «союза». Таким образом в настоящее время правительство имеет перед собою угрожающую по силе и тактике преступную организацию, окрепшую на глазах местной власти, относившейся в течение нескольких лет безучастно к этому опасному явлению *).

Из содержания настоящего моего письма, ваше сиятельство, изволите усмотреть, что в нем изложены факты и явления, имевшие место на Кавказе в 1906, 1907 и 1908 гг. Сведения эти, конечно, далеко не исчерпывают действительного положения вещей, так как с учреждением обособленного от центрального ведомства управления Кавказским краем систематическое доставление данных о событиях на Кавказе прекратилось, тем не менее даже и приведенные факты и явления, выбранные за такой период времени, в течение которого как установленные для края высочайшим указом 26 февраля 1905 г., так и иные чрезвычайные полномочия имели достаточную возможность быть уже в значительной мере осуществленными, — свидетельствуют о том, что край находится в крайне неблагоприятном положении в смысле общего благополучия и по степени проявляемой чинами местной администрации энергии в деле обеспечения порядка, и в этом отношении нельзя не признать, что ближайшими причинами такого ненормального положения дела является,

*) Далее в подлиннике следует помета к печатаемому ниже тексту: «Проект заключительной части».

очевидно, недостаточная энергия и уклонение местных органов власти от руководящих твердых начал, отсутствие должной последовательности в их тактике и сознания той сугубой опасности, которой подвергается, при подобном неустройстве, вся Кавказская окраина, а также несоответствие части этих органов своему служебному положению и слабость репрессий по отношению к нарушителям закона и порядка. Только отсутствием со стороны чинов областной и губернской администрации дружного, решительного, планомерного отпора всяким, даже малейшим, выступлениям преступных организаций и отдельных лиц возможно объяснить наличность описанных выше неустройств и отрицательных явлений, внушающих самые тревожные опасения за дальнейшую судьбу края.

Не усматривая, по изложенным основаниям, и ныне, чтобы местными начальствами принимались действительные меры к обеспечению наисущественных государственных и частных интересов в пределах наместничества, я считаю долгом о таком тяжелом положении Кавказской окраины вновь сообщить на распоряжение вашего сиятельства и покорнейше просить о последующем меня уведомить.

№ 64885.
11 апреля 1908 г.

Письмо наместника на Кавказе гр. И. И. Воронцова-Дашкова председателю Совета Министров и министру внутр. дел П. А. Столыпину от 23 июля (ст. ст.) 1908 г. № 179.

Милостивый государь
Петр Аркадьевич.

Вследствие письма вашего высокопревосходительства от 11 апреля сего года за № 64885 долгом считаю сообщить, что изложенные в этом письме данные, добытые министерством внутренних дел относительно политического положения Кавказского края*), роста преступлений в нем и деятельности местных властей по предупреждению и пресечению преступлений, страдают в большинстве случаев отсутствием надлежащей осведомленности об истинном положении вещей в крае, результатом чего и являются: неправильная характеристика деятельности местных властей, неверное освещение отдельных событий и совершенно неосновательное обвинение администрации края в бездействии власти. Отдельные факты, изложенные в приведенном письме, взяты без причинной связи с предшествовавшими событиями,

*) Набранное здесь и ниже разрядкой подчеркнуто в тексте карандашом.

местными условиями жизни края и обстановки, в какой приходится функционировать кавказской администрации. Я уверен, что, если бы изложенные в такой степени данные были приведены в отношении деятельности администрации обеих столиц, любого района внутренних губерний, по площади соответствующей Кавказу, не говоря уже о губерниях прибалтийских или привислянских за период времени, указываемый в письме вашего высокопревосходительства, то, несомненно, картина получилась бы не менее печальная, несмотря на то, что деятельность представителей русской администрации во внутренних губерниях поставлена в материальном отношении и в отношении личного состава в гораздо лучшие условия, нежели в Кавказском крае. Если же обратить внимание, что кавказское население по своему культурному состоянию и по степени развития правосознания стоит далеко ниже населения внутренних, западных и северо-западных губерний России, то это обстоятельство нельзя не учитывать и в борьбе с революционным движением и преступностью в крае. Небезызвестно вашему высокопревосходительству, конечно, и то обстоятельство, что исключительные топографические условия края, в связи с отсутствием сети правильных сообщений между населенными пунктами, также служат весьма серьезным препятствием к быстрому восстановлению порядка. Наконец, индивидуальные черты характера населения, в виде крайней восприимчивости впечатлений, быстрого реагирования на всякое явление, непостоянства в действиях и образе мыслей под влиянием перемен в окружающей обстановке, являются факторами, с которыми нужно серьезно считаться при оценке событий на Кавказе.

Переходя к ближайшему рассмотрению данных, изложенных в письме вашем от 11 апреля сего года, я, прежде всего, не могу не указать на неясность приведенных в нем статистических данных, на основании которых, ваше высокопревосходительство, приходите к заключению о чрезмерном развитии террористической деятельности на Кавказе за 1907 г.

В письме вашего превосходительства указывается 3 060 «террористических» случаев, имевших место за 1907 г. в пределах Кавказского края. Приведенное выражение «террористических» вызывает сомнение в точности сделанного подсчета. Обычно только сравнительно небольшой процент убийств и грабежей, тотчас по совершении их, дают настолько материала, что можно определенно установить мотив, по которому совершено то или другое преступление. В громадном же большинстве случаев мотивы преступления выясняются лишь впоследствии путем дознания, предварительного и даже судебного следствия. Следовательно, для того, чтобы сказать, что в пределах края за 1907 г.

было совершено 3 060 убийств и грабежей на «террористической» почве, необходимо ранее ознакомиться тщательно с материалами судебного производства по ним, но, несомненно, министерство внутренних дел, собирая сведения, этими данными не руководствовалось, да и не имело возможности руководствоваться, так как многие из происшествий, имевших место в 1907 г., судебным производством еще не закончены.

В действительности, согласно представленным мне губернаторами края и начальниками губернских и областных жандармских управлений сведениям, за 1907 г. в пределах Кавказского края было 689 случаев убийств и покушений на убийства чисто террористического характера, в которых пострадали убитыми 183 должностных, 212 частных лиц, ранеными 90 должностных и 213 частных лиц.

Затем, если убийство по своей юридической природе и обстановке совершения более или менее поддается в каждом отдельном случае определению цели, с которой оно совершено, и потому применение к известному случаю убийства выражений «общеуголовного» или «террористического» характера не встречает особых затруднений, то в преступлениях грабежа и разбоя, где природу преступления составляет корыстная цель, выяснить почву, на которой совершено подобное преступление, в смысле принадлежности его к террористическим актам, строго говоря, невозможно. В сущности, понятие «террора» в общепринятом смысле относится к преступлениям против личности, а не против имущества, в категорию которых входят преступления грабежа-разбоя, совершаемые обыкновенно на общеуголовной почве.

Ввиду этого, сообщая ниже число случаев преступлений грабежа-разбоя в Кавказском крае, я не нахожу возможным, во избежание ошибки, руководствоваться приемом, употребленным в данном случае министерством внутренних дел, т. е. выделять из них грабежи-разбои террористического характера.

За время с 1905 по 1 января 1908 гг. число грабежей и разбоев выразилось в следующих цифрах:

	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Тифлисская губерния . . .	194	264	331
Бакинская » . . .	708	767	426
Бакинское градоначальство	421	419	556
Эриванская губерния . . .	226	118	94
Елисаветпольская » . . .	1 219	1 848	1 099
Кутаисская » . . .	333 (без Сух. окр.)	570 (с Сух. окр.)	619 (с Сух. окр.)
Черноморская » . . .	118	152	180
	3 219	4 138	3 305

Приведенные данные указывают, что число преступлений — грабежей и разбоев, совершенных в перечисленных губерниях, значительно упало в 1907 г. по сравнению с 1906 годом, вопреки утверждению министерства внутренних дел об исключительно повышенной преступности в указанном году.

Общая же преступность за истекшие 5 лет, в период с 1903 г. по 1907 г. включительно, выражается в следующих цифрах:

	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.
Тифлисская губерния	616	687	916	604	891
Бакинская » . . .	2 932	2 723	3 772	3 743	2 115
Бакинское градонач. .	2 043	2 579	2 618	2 631	3 534
Эриванская губерния	703	800	1 909	966	754
Елисаветпольская » .	1 940	2 026	3 003	3 581	2 392
Кутаисская » .	1 727	2 135	3 521	1 896	1 532
Черноморская » .	403	387	668	561	792
Кубанская область . .	7 220	8 534	9 065	10 475	8 611

Из сравнения приведенных данных видно, что в 1907 г. преступность повысилась по сравнению с предшествовавшими годами только в Черноморской губернии и Бакинском градоначальстве, что, повидимому, не дает еще основания указывать на чрезмерное развитие ее в крае.

Отдельные факты, приводимые вашим высокопревосходительством в письме, были проверены мною по делам, имеющимся в учреждениях, состоящих лично при мне, а равно путем сношения с местными губернскими начальствами.

Для удобства изложения я привожу их в приложениях к этому письму, сопоставляя факт с его объяснением. Как вы изволите усмотреть из этого сопоставления, большая часть фактов получила в донесениях министерству внутренних дел совершенно несоответствующее освещение, почему и заключения министерства являются недостаточно обоснованными.

В настоящем же письме я коснусь только нескольких общих вопросов, имеющих крупное значение для выяснения положения дел на Кавказе. Так, прежде всего, останавливаясь на характеристике деятельности армянской партии «Дашнакцутюн» на Кавказе и мер борьбы с нею, необходимо иметь в виду, что начало усиленного развития этой партии в Кавказском крае должно быть отнесено к 1903 г. и поставлено в зависимость от издания закона 12 июня 1903 г. Вторичная же энергичная фаза деятельности «Дашнакцутюна» наблюдается во время армяно-татарских столкновений. В первый период эта организация преследовала цели узко-националистические, отстаивая самостоятельность своей церкви от посягательств, якобы, на нее русского

правительства. В это время деятельность «Дашнакцутюна» выражалась в террористических действиях в различных местностях Закавказья против низших и высших представителей власти. Во второй период партия выдвинула на первый план защиту своей народности против панисламистских, будто бы, целей местных магометан, причем исполнительные органы ее не обратили внимания на требование главного комитета, желавшего использовать события для образования сплошной территории для армянского народа, сузили сферу своей деятельности стремлениями чисто своекорыстного характера — жить на счет мирного армянского населения, находившегося под страхом опасности со стороны татар и видевшего в дашнакцаканах исключительно своих охранителей от грозившей им опасности.

В этот период организация «Дашнакцутюн» приобрела особое руководящее влияние в г. Баку после армяно-татарских беспорядков и смутного периода 1905—1906 гг. Это объясняется тем, что в то время наиболее влиятельная и богатая часть армянского населения видела в организации свою вооруженную охрану против мусульман и порожденных революциею анархических организаций и широко поддерживала дашнакцаканов материальными средствами, почему последние были прекрасно вооружены; помимо охраны своей личности, наиболее богатые армяне пользовались дашнакцаканами для охраны своего имущества и имущественных интересов; так, бывало, что на промыслах дашнакцаканы прекращали путем угроз забастовки, и, наоборот, случалось, что, желая отомстить тому или другому из промышленников, не пожелавших удовлетворить их требования об уплате денег, они принуждали рабочих на его промысле бастовать. Весь контингент так называемых телохранителей, а равно бывшая в городе организованная охрана вербовалась армянами из членов этой организации; затем, по мере наступления успокоения, многие армяне начали тяготиться бременем лежащих на них обязательств и старались освободиться от таковых, но дашнакцаканы путем угроз удерживали их в своей зависимости.

Когда страхи перед панисламистским движением оказались ни чем иным, как плодом только слишком пылкого воображения, и взаимные отношения соседей вошли в обычную колею, деятельность «Дашнакцутюна» значительно сократилась. Затем, под влиянием общеимперской революции, в среде «Дашнакцутюна», ясно для всех, произошел коренной раскол: вместо одной партии «Дашнакцутюн», их стали насчитывать две: одну так называемую «Старый» и другую «Новый Дашнакцутюн». Первая из них, оставаясь националистическою, мало-по-малу теряла значение в среде населения, так как с возвращением армянской церкви ее имуществ и прекращением му-

сульманских нападений национальный вопрос потерял свою остроту и перестал интересовать армянские массы.

Так как под влиянием этих обстоятельств пропала нужда в поддержке этой партии и ее исполнительных органов, то население перестало давать субсидию ей; вооруженные охранники федаи, по преимуществу из армян, турецких беженцев, принуждены были искать себе занятий в других местах, и потому многие из них перебрались обратно в пределы Турции. Интерес к поддержке турецких выходцев среди армянского населения Закавказья до того пал, что мирные армяне стали прямо выгонять турецких беженцев из своих домов, куда их поместил когда-то «Дашнакцутюн», влияя или убеждениями помочь единоплеменникам или угрозами татарского нашествия. Многие армянские селения, принявшие, было, в свою среду, под влиянием националистического сожаления, турецких выходцев, по успокоении от грозившей, якобы, опасности татарских погромов и под влиянием проснувшихся экономических соображений, победивших националистическое чувство, пришли просить администрацию о принудительном выдворении вселившихся. Другая часть партии примкнула к общеимперскому социалистическому движению. «Новый Дашнакцутюн», преследуя цели социал-демократические, пытался проявить свою деятельность на почве урегулирования взаимоотношений между работодателями и рабочими и во вмешательствах во взаимные отношения между землевладельцами и водворенными на их землях поселянами по вопросу отбывания последними земельных повинностей в пользу первых, но до сего времени деятельность эта массового успеха не имела, да и иметь среди практичных армян не могла. Таким образом указание министерства на то, что в январе и феврале 1907 г. «правое крыло» партии «Дашнакцутюн» приняло на себя в гор. Елисаветполе полицейские функции, захватывая злоумышленников и охраняя, вместо законной полиции, мирное население от грабежей и разбоев, — не имеет за собой никаких фактических оснований. По всем случаям преступлений потерпевшие из армян немедленно и всегда сообщали законным властям и, со свойственной этой национальности упорностью, домогались наказания виновных. Делопроизводства местных административных учреждений полны громадным количеством просьб и жалоб со стороны лиц армянского населения. Действительно, «Старый Дашнакцутюн», во время своего расцвета, преследовал и цель присвоения прав административных и судебных, но тем не менее даже и в 1903—1904 гг. он фактически не владел судебной и административной властью над армянским населением. Среди последнего, конечно, могли быть случаи самосуда, но случаи эти являются одиночными и в течение 1907 г. не могли носить системного характера.

Поэтому предположение, что в апреле 1907 г. комитет «Дашнакцутюна» фактически в гор. Елисаветполе овладел судебной и административной властью над армянами, совершенно произвольно и опровергается статистическими данными. Из этих данных видно, что в местном мировом отделе возбуждено было в 1907 г. 3 131 гражданских дел, 181—опекунских и 1 084 — уголовных, причем из всех возбужденных дел половина приходится на армянскую часть населения города. Еще более произвольным и решительно ни на чем не основанным является предположение, что «Дашнакцутюн», в апреле 1907 г., в гор. Елисаветполе, собрав, под предлогом борьбы с татарами, значительные суммы, скупал оружие, оборудовал свои мастерские и лаборатории для производства бомб, завел свои тюрьмы и применял лишения свободы и денежные взыскания к тем, кто, минуя «комитет», обращался к содействию полиции и суда. Это предположение так далеко от истины (что подтверждается и приведенными выше цифрами), что приходится предположить, что в данном случае произошла простая канцелярская ошибка, и вся описанная картина отмечена 1907 г. вместо 1903 г. — действительного развития деятельности «Дашнакцутюна». Армяно-татарские беспорядки возникли в 1905 г., и к этому времени все армянское население действительно было отлично вооружено. Что же касается апреля 1907 г., когда армяне, наоборот, были уже возмущены деятельностью «Дашнакцутюна», втравившего население в борьбу с мусульманами, и отказались от единоборства с татарами, то говорить о каких-либо сборах, а тем более громадных, для борьбы с татарами, в это время — значило бы совершенно не желать знать и считаться с общеизвестными стадиями развития борьбы между армянами и мусульманами. К началу 1907 г. армяне и татары уже устали, разорились во взаимной борьбе, жаждали спокойствия и далеки были от каких-либо сборов на оружие. Никаких сколько-нибудь оборудованных мастерских, никаких лабораторий для приготовления бомб в Елисаветпольской губернии в 1907 г. уже не было, как не было и ни одного случая в пределах губернии метания бомб. Таким образом все сведения министерства внутренних дел относительно этих мастерских и лабораторий, а также и о тайных тюрьмах относятся не к 1907 г., а к 1903—1905 гг., когда, действительно, все это было и функционировало у армян.

Что касается обвинения министерством внутренних дел представителей местной администрации в признании авторитета партии «Дашнакцутюн» в том смысле, что последние, якобы, входят с нею в сношение по отдельным вопросам, то таковое является для местной администрации прямо оскорбительным, но, к сожалению, министерство не нашло нужным указать хотя какие-нибудь имеющиеся в его распоря-

жении по этому поводу конкретные данные, ограничившись голословным обвинением; между тем, предъявляя его, казалось бы, нужно было обосновать таковое указаниями на факты, раз они, по сведениям, имели место в этой области. На это обвинение я обязуюсь ответить, что представители партии «Дашнакцутюн» нигде и никогда чинов полиции в их функциях не заменяли.

Отрицательно также в отношении времени должен быть разрешен вопрос и о том, что, якобы, партия «Дашнакцутюн» располагает организованною военною силою. Этого в настоящее время нет. Правда, в период армяно-татарских столкновений партия, бесспорно, располагала военною организациею в лице так называемых «фидаев», вербовавшихся преимущественно из турецких беженцев, в конце прошлого столетия перешедших из Турции в русские пределы, причем лица эти обыкновенно по одиночке собирались в группы в тех местах, где ожидались столкновения их единоверцев с мусульманами, и затем снова исчезали с арены действий. Так дело это обстояло во весь период армяно-татарской распри. Но с прекращением ее и эта единственная воинская, если можно так выразиться, нелегальная армянская часть исчезла бесследно.

Далее, министерство внутренних дел делает предположение, что вследствие будто бы ошибочного понимания действительного значения союза «Дашнакцутюн», оставшегося вне надлежащего воздействия, этот «союз» охватил «ныне» почти все армянское население. Это соображение также представляется совершенно ошибочным. Против «Дашнакцутюна» были приняты чрезвычайные меры, и если «Дашнакцутюн» когда-либо охватывал все армянское население, то это происходило не теперь, а в 1903—1905 гг. В эти годы влияние «Дашнакцутюна» на население, действительно, было большое. Закон 1901 г., приписавший до 75 000 беженцев из Турции к городам Закавказья, оказался роковым. Семьдесят пять тысяч бездомных бродяг, лишенных имущества, семей, незнакомых ни с каким ремеслом и умевших владеть только ножом, были втиснуты в Закавказье; эти семьдесят пять тысяч армянских беженцев состояли почти наполовину из молодых, закаленных в гражданской войне с Турцией головорезов, крепко сплоченных между собою «Дашнакцутюном». Появление в Закавказье этой массы турецких армян не замедлило сказаться. Не прошло и года со времени перехода их в пределы России и приписки в русское подданство, как все городское армянское население, а затем и сельское стало подпадать под влияние «Дашнакцутюна», воспользовавшегося этой силой, явившейся извне в пределы России. Вот начало страшного усиления «Дашнакцутюна» в пределах России. Затем отобрание церковных имуществ в 1903 г., в свою очередь, способствовало этому

усилению. Армянское население, основной народной чертой которого является любовь и преданность национальным особенностям своим, после отобрания церковных имуществ сплотилось так, как никогда раньше. Не было жертвы, которая считалась бы тяжелой для армянина, и деньги в кассу объединившего армян «Дашнакцутюна» потекли рекой; террор наглый и открытый навел панику не только на армян, но с этим террором стало считаться и все остальное население. Покушения на убийства и самые убийства следовали одно за другим, и никто не считал себя свободным от террора. Население растерялось. Нахальству «Дашнакцутюна» не было пределов, и к концу 1904 г. власть «Дашнакцутюна» достигла своего апогея. К этому времени организация сковала в полном смысле слова все армянское население, организовав прекрасно вооруженную дружину и создавши громадный основной капитал. Тогда-то возникла мысль у дашнакцаканов, под влиянием общеимперской революции, стать во главе всего революционного движения в крае, объединить все революционные партии всех национальностей и продиктовать всем этим партиям свои конечные цели. Стоявшее в стороне от революции мусульманство не считалось и не хотело считаться с революционными организациями. Тысячи прокламаций разбрасывались членами «Дашнакцутюна» на татарском языке среди мусульман, приглашая их объединиться и стать «против единственного врага» — русского правительства. К началу 1905 г. среди опьяненных своей силой и положением деятелей «Дашнакцутюна» возникла мысль о возможности подчинить себе и мусульман. Случаи убийств последних в целях террора сначала в гор. Баку, а затем и в других местах стали следовать один за другим. Мстительные по характеру, мусульмане не замедлили ответить на убийства убийствами, и к середине 1905 г. возникла на этой почве бессмысленная массовая резня, окончившаяся, бесспорно, поражением армян, главным образом в смысле их экономического разорения [6]). Все скопленные годами капиталы «Дашнакцутюна» были частью растрачены на вооружение армян и на оплату «зейнворов» (воинов) жалованием, частью расхищены своими руководителями. Постоянная армянская милиция, бывшая на определенном содержании у «Дашнакцутюна», за отсутствием средств, была распущена. Ограбленный и разоренный народ озлобился против своих руководителей, и к началу 1907 г. «Дашнакцутюн» потерял почти всякую нравственную связь и силу среди армян. Насколько пало значение «Дашнакцутюна», указывает, между прочим, съезд в 1906 г. депутатов «Дашнакцутюна», под видом представителей народа, в Эчмиадзине, объявивший себя затем Учредительным собранием и закрытый, по моему распоряжению, при аплодисментах всего почти армянского населения, не скупивше-

гося во время съезда на массовые телеграммы католикосу с требованием разогнать съезд. Словом, значение «Дашнакцутюна» с конца 1906 г. резко пало, и нет никаких оснований предполагать, чтобы он когда-либо приобрел в пределах России ту же нравственную силу, достиг той же высоты, до которой он доходил в период времени с 1903 по 1905 г.

Неточно также и указание министерства внутренних дел о том, что ближайшим поводом к производству арестов членов партии «Дашнакцутюн» летом 1907 г. для администрации Елисаветпольской губернии послужил развившийся к тому времени деспотизм этой партии среди местного населения. Ближайшей причиной произведенных арестов было совершение членами партии «Нового Дашнакцутюна» нескольких отдельных террористических актов над своими единоплеменниками, а также над колонистом Гурром за сделанный им донос о действиях партии. Предварительно распоряжений по поводу ликвидации партии елисаветпольским губернатором, при содействии и при участии помощника начальника тифлисского губернского жандармского управления по Елисаветпольской губернии ротмистра Фока был составлен список членов местной партии «Дашнакцутюн». При ознакомлении губернатора с данными о деятельности некоторых лиц, представленными ротмистром Фоком, оказалось, что последние были извлечены из старых производств управления, и в списках оказалось много лиц — или давно умерших или несколько лет тому назад выбывших из Елисаветпольской губернии. Естественно, что такие данные, представленные ротмистром Фоком, не могли внушать доверия и заставили администрацию отнестись критически к ним, необходимости чего не отрицал и сам ротмистр Фок. Так, например, при проверке списка лиц, представленных ротмистром Фоком, оказалось, что доктор Леон Атабеков попал в список по ошибке, что бухгалтер елисаветпольского отделения Азовско-Донского коммерческого банка Лисиков, присяжные поверенные Ходжаев и Темуров никогда не принадлежали ни к какой политической партии.

Такого рода сведения указывают на полную неосведомленность жандармского надзора в Елисаветпольской губернии о действительном положении дела и крайнюю недостаточность и неопределенность сведений по части политического надзора. Это подтверждается и тем обстоятельством, что елисаветпольский губернатор в продолжение целого года от жандармского надзора, кроме этого списка, доставленного ему на основании его же требования, не получал никаких сколько-нибудь достоверных сведений о политическом положении губернии, между тем как сам он неоднократно делал разного рода сообщения по политической части. Можно с уверенностью сказать, что почти все

производящиеся в местном жандармском управлении дела возникли по сообщениям общей полиции и администрации. Да иначе и быть не могло ввиду того, что всеми политическими розысками во всех восьми, и притом очень больших, уездах губернии с таким крупным центром, как Шуша, заведует один офицер, лишенный к тому же всякой агентуры, кроме нескольких унтер-офицеров, в большинстве случаев совершенно неподготовленных к сыску. При этом следует принять во внимание и то, что, при частой смене, жандармские офицеры остаются в Елисаветполе обыкновенно лишь по нескольку месяцев, что не дает им возможности даже как следует ориентироваться в положении дел.

Предварительно производства упомянутой ликвидации елисаветпольским губернатором были даны начальникам полиции самые точные и подробные указания по этому поводу, а также о самом производстве обысков и арестов и, главным образом, о соблюдении строжайшей тайны при подготовлении к ним.

Объяснять, что не все, подлежащие задержанию, были арестованы и что у них при обысках не было найдено ничего компрометирующего, исключительно несоблюдением должной тайны при подготовлении ликвидации, безусловно, нельзя. Наоборот, нужно просто усматривать, что ликвидация была недостаточно продумана, и в список ее попали лица не проверенные. Поэтому именно я и склонен обвинять и. д. губернатора скорее в том, что он, увлекаясь широтою задуманной им ликвидации, пользовался списком жандармского офицера без достаточной обоснованности, а не в том, что он имел смелость вычеркнуть из этого списка несколько лиц.

О том, насколько были видными деятелями «Дашнакцутюна», как это упомянуто в письме вашего высокопревосходительства, намеченные для обыска жандармским надзором лица, вычеркнутые Ковалевым, указывает подлинная записка ротмистра Фока, в которой против ряда этих лиц, несмотря на просьбы елисаветпольского губернатора, не были указаны ни фактические данные о их деятельности, ни агентурные сведения о том, в чем именно эти лица подозреваются, где они живут (не только точного адреса, но и местности в смысле того или другого населенного пункта), чем занимаются, а в некоторых случаях указаны были только собственные имена подлежащих аресту, без определения отчеств, фамилий и местожительства. Ясно, что при таких условиях ликвидация особого успеха и иметь не могла. Однако, благодаря аресту председателя елисаветпольского комитета — архимандрита Корюна и др. видных деятелей, в числе 14 человек, партия «Дашнакцутюн» была ликвидацией ошеломлена: сразу явилась масса лиц из населения, которые открыто стали порицать деятельность партии, что совершенно противоречит утверждению

министерства об усилении террора после ликвидации. Ослаблена была партия несомненно, и положение ее продолжает ослабляться благодаря тому, что со времени произведенной в августе 1907 г. ликвидации администрация Елисаветпольской губернии продолжает упорно бороться с «Дашнакцутюном». Так, независимо от августовской ликвидации, выдворено из губернии 112 представителей «Дашнакцутюна».

Равным образом, нельзя согласиться и с высказанным в письме вашего высокопревосходительства утверждением по поводу бездействия администрации в деле борьбы с искоренением партии «Дашнакцутюн» и в отношении других местностей края. Так, если бы с партией «Дашнакцутюн» в Эриванской губернии с самых первых шагов ее зарождения не велось борьбы, и притом непрерывной и напряженной, то едва ли бы в прискорбной хронике ее событий могли иметь место такие явления, как убийства сурмалинского уездного начальника, подполковника Богуславского, подъесаула Гнутова, помощника полицейского пристава гор. Эривани Юханаева, поручика 1-го Кавказского железнодорожного баталиона Костенко, тяжкие поранения бывшего эчмиадзинского уездного начальника, капитана Шмерлинга, помощника александропольского уездного начальника, капитана Павлова, пристава гор. Александрополя, Нашанского, покушения на жизнь помощника шаруро-даралагезского уездного начальника, Скибинского, и бывших нахичеванских уездных начальников, капитана Дудникова и подполковника Энкеля, не говоря уже о целом ряде нижних полицейских чинов, сельских должностных и частных лиц, павших жертвами исполнения своего служебного и гражданского долга в борьбе с партией «Дашнакцутюн» в период ее террористической деятельности, главным образом, на почве закона 12 июня 1903 года. Из мероприятий, предпринимавшихся администрацией Эриванской губернии в целях прекращения деятельности партии «Дашнакцутюн», нельзя не указать на высылку из пределов Кавказского края в административном порядке 21 лица, дальнейшее пребывание коих было в свое время признано опасным для общего спокойствия губернии. Из событий же сравнительно недалекого прошлого, стоящих, между прочим, в связи с вопросом о ввозе в губернию оружия, необходимо отметить, что сравнительно крупный склад его имелся в сел. Б. Караклис, Александропольского уезда, который своевременно и был обнаружен, по инициативе александропольского уездного начальника, чинами жандармской полиции. В пользу далеко также не безучастного отношения к малейшим даже проявлениям политической жизни в губернии со стороны местной администрации и полиции могут засвидетельствовать и такого рода факты, как раскрытие на-

хичеванским уездным начальником мусульманской революционной партии «Муджадин», и убийство в гор. Александрополе помощника начальника эриванского губернского жандармского управления ротмистра Аппель, пролившего не мало света на дело раскрытия участников железнодорожной, в гор. Александрополе, забастовки. К чести местной полиции нельзя также не отнести и еще одного крупного факта из политической жизни губернии, а именно деятельности в Эчмиадзине съезда армянских делегатов, каковая в самом зародыше ее была приостановлена благодаря бдительному надзору за нею эчмиадзинского уездного начальника, своевременно осветившего антиправительственное направление участников съезда.

В Тифлисской губернии чинами общей и жандармской полиции велось и ведется непрерывное наблюдение за общей деятельностью партии «Дашнакцутюн». Помимо применения уголовной и административной репрессии в соответствующих случаях, губернское начальство, при возбуждаемых разного рода ходатайствах более или менее общественного характера, обращает внимание, не имеют ли эти ходатайства связи с деятельностью партии.

В настоящее время по Тифлисской губернии, как и вообще на Кавказе, замечается стремление армянского населения освободиться от опеки партии «Дашнакцутюн». Стремление это выражается отчасти в прекращении, отчасти в уменьшении тех взносов, которые маломальски зажиточные армяне должны были делать в фонд партии. Это явление вносит затруднение в деятельность «Дашнакцутюна», ослабляя ее денежные средства, и местная администрация стремится широко его использовать в целях уничтожения партии.

Из всего вышеизложенного видно, что ныне, при наблюдающемся прогрессирующем упадке деятельности партии «Дашнакцутюн», и речи не может быть о тех явлениях, которые, по словам письма вашего высокопревосходительства, характеризуют современное положение вещей на Кавказе в отношении деятельности названной партии, т. е. непрерывного водворения в край оружия, вооружения партией своих членов, приобретения взрывчатых веществ, так как для осуществления всего этого прежде всего нужны более или менее значительные денежные средства, а у партии их ныне нет.

Что касается указания в письме вашего высокопревосходительства на подготовку армянским «союзом» военноначальников в сформированной в Болгарии военной школе, то существование этой школы, находясь вне сферы влияния не только главного кавказского начальства, но и центральной власти империи, никак не может быть поставлено в вину кавказской администрации. Но и в данном случае мною

были приняты соответствующие меры тотчас же по получении сведений о существовании в Рильском монастыре, в Болгарии, военной школы с приложением списка лиц, окончивших ее в 1907 году в числе 49 человек.

Таким образом приведенные выше данные о деятельности и современном положении партии «Дашнакцутюн» и о мерах борьбы с нею, принимаемых местной администрацией, дают полное основание убедиться в том, что приведенное в письме вашего высокопревосходительства заключение о беспрепятственном развитии деятельности этой партии вследствие бездействия местных властей, результатом чего явилась ее материальная обеспеченность в связи с укрепившимся прочным влиянием на армянское население, угрожающем государственному порядку и общественной безопасности, — не соответствует действительному положению вещей.

Обращаясь к характеристике деятельности чинов кавказской администрации по предупреждению и пресечению преступлений, вызвавшей столь тяжкие обвинения в письме вашего высокопревосходительства, я, прежде всего, считаю долгом обратить ваше внимание на данные, изложенные в прилагаемом при сем письме списке более или менее выдающихся случаев борьбы местных властей с проявлениями общей преступности и революционного движения (приложение 2. [7])) Кроме того, обязуюсь добавить, что з апоследние три года пострадало при самоотверженном исполнении своего долга высших и низших должностных лиц: по Тифлисской губернии — 159 человек, по Кутаисской губернии — 82 человека, по Эриванской губернии — 13 человек, в одном 1907 году, по Бакинскому градоначальству — 23 человека, по Елисаветпольской губернии — 14 человек, по Черноморской губернии—18 человек и по Кубанской области — 14 человек. Приведенные данные, совместно со сведениями лишь о выдающихся случаях удачной деятельности, указывают на то, что чины полиции в Кавказском крае, несмотря на крайнее развитие деятельности революционных организаций в 1905, 1906 и отчасти 1907 году, все же успешно несли свои трудные обязанности, жертвуя при этом своей жизнью и здоровьем, и, следовательно, не могут заслуживать упрека в бездеятельности. Несомненно, деятельность полиции была бы более плодотворна, если бы не имелся, к сожалению, целый ряд отрицательных условий ее. Условия эти сводятся к нижеследующему:

1. Ограниченное число чинов полиции, в особенности низших ее агентов. Главное кавказское начальство неоднократно возбуждало вопрос об усилении полиции и об улучшении ее положения, но обычно получало на это отказ; в то время, когда в 1905—1906 гг. было отпущено до 20 миллионов на усиление полиции и улучшение ее положе-

ния во внутренних губерниях, на Кавказ не было отпущено ни одного рубля *). Исключение представляет собою только Баку, но и то — благодаря тому, что местные нефтепромышленники и город оплачивают из своих средств свыше $^2/_3$ общего штатного расхода на полицию. В гор. Тифлисе мне пришлось собственной властью увеличить число городовых на 150 человек за счет остатков от кредитов на полицейскую сельскую стражу, ввиду явного недостатка городской полиции. То же пришлось сделать в гор. Шуше, Гори, Новороссийске и других пунктах. Некоторые города края, как то: Поти, Шура, Петровск и др., усилили состав городской полиции за свой счет. При указанных недостатках в численности кавказской полиции и ее материальной необеспеченности, я не могу не считать, что, в общем, полиция эта вряд ли могла сделать большее, тем более, что комплектование ее доброкачественным элементом из русских людей является особенно затруднительным, так как на долю Кавказа достаются только такие элементы, которые не могли лучше устроиться ближе к родине.

2. Крайне незначительное вознаграждение полиции за труды при исполнении сложных и ответственных обязанностей. Городовые, кроме Баку и Тифлиса, получают здесь от 8 до 15 рублей в месяц, околодочные надзиратели — 43 руб. в месяц. На такое вознаграждение трудно устраивать свое существование при дороговизне городской жизни на Кавказе, в чужой обстановке, при незнании местных условий.

3. Устаревшее вооружение у чинов полиции в то время, как злоумышленники, в большинстве случаев, вооружены скорострельными ружьями и револьверами усовершенствованных систем.

4. Отвлечение значительного количества людей из недостаточного по комплекту состава чинов полицейской стражи для исполнения других обязанностей, как то: сопровождение почты, окарауливание тюремных помещений и т. п.

5. Благодаря проходящей ныне постепенно терроризованности населения почти никто из частных лиц не оказывает полиции действительного содействия к розыску и задержанию злоумышленников; наоборот, сплошь и рядом, особенно в разгар революции, наблюдались случаи сокрытия преступников и следов преступления, что способствовало в значительной степени развитию преступности. Это явление, впрочем, преходящее, и, с постепенным общим успокоением, чаще и чаще полиция и администрация начинают встречать помощь со стороны населения.

---

*) В подлиннике набранное разрядкой подчеркнуто; на полях помета: «Так ли?»

При устранении в законодательном порядке первых четырех из перечисленных условий, о чем мною неоднократно возбуждались ходатайства как перед вашим высокопревосходительством по поводу увеличения состава чинов полиции, улучшения их материального положения, вооружения полицейской стражи в некоторых местностях края трехлинейными винтовками, так равно и перед министром юстиции по поводу увеличения состава чинов тюремной стражи, в целях освобождения стражников от несения караульной службы при тюрьмах, несомненно, последуют усиление деятельности полиции и упадок террористического воздействия злоумышленников на мирное население, что даст возможность вполне успешной борьбы с преступностью в крае.

В отношении высказанного в письме вашего высокопревосходительства мнения о слабом применении в некоторых местностях Кавказского края административной властью прав и полномочий, предоставленных ей военным положением, я должен сказать, что права и полномочия эти применяются в полном соответствии с действительной потребностью. Когда представлялась необходимость, отдельные местности объявлялись мною на военном положении, причем к населению, проявившему стремление к нарушению государственного порядка и общественной безопасности, применялись во всей полноте меры, предусмотренные правилами военного положения: административная высылка во внутренние губернии империи и за границу, посылка экзекуционных отрядов, назначения в сельские общества правительственных старшин, наложения денежных штрафов, закрытия на известный срок торговых и промысловых заведений и т. п. В Гурию, где революционное движение происходило в больших размерах, с бойкотом правительственных властей, с изгнанием сельских должностных лиц, истреблением сельских управлений с их делами, были командированы карательные отряды. Такие же отряды действовали в Горийском и Душетском уездах Тифлисской губернии, где происходили аграрные беспорядки, а равно в местностях, где шла армяно-татарская распря. Из двух только губерний — Тифлисской и Кутаисской — было выслано в административном порядке в 1906 году — 1 525 человек и в 1907 г. —3 704 человека.

В отношении применения уголовной репрессии нужно сказать, что по данным прокурора Тифлисской судебной палаты общеуголовных дел в крае возникло в 1905 г.—24 000, в 1906 г.—27 000 и в 1907 г. — около 33 000. Дознаний же и предварительных следствий по делам о государственных преступлениях в округе названной палаты возникло: в 1904 г. — 382, в 1905 г.—411, в 1906 г.—431 и в 1907 г. —

341. Предано военно-полевым судам, в течение времени их действия, 192 лица, из коих казнено 73, приговорено к каторге — 62, к ссылке —4, к тюрьме —11 и оправдано 42 человека.]

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Приводим содержание этой таблицы полностью:

«1907 год.

В январе месяце — 168 террористических случаев, 32 ограбления казенных учреждений и должностных лиц и 75 ограблений частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 28 и ранеными — 31, а частных лиц: убитыми — 42 и ранеными — 36.

В феврале — 189 террористических случаев, 42 ограбления казенных учреждений и должностных лиц и 83 ограбления частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 33 и ранеными — 41, а частных лиц: убитыми — 73 и ранеными — 78.

В марте — 191 террористический случай, 47 ограблений казенных учреждений и должностных лиц и 79 ограблений частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 31 и ранеными — 47, а частных лиц: убитыми — 81 и ранеными — 83.

В апреле — 325 террористических случаев, 58 ограблений казенных учреждений и должностных лиц и 164 ограбления частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 57 и ранеными — 56, а частных лиц: убитыми — 100 и ранеными — 89.

В мае — 283 террористических случая, 49 ограблений казенных учреждений и должностных лиц, 174 ограбления частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 50, ранеными — 46, частных лиц: убитыми — 69, ранеными — 83.

В июне — 309 террористических случаев, 37 ограблений казенных учреждений и должностных лиц, 144 ограбления частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 49, ранеными — 48, частных лиц: убитыми — 87, ранеными — 98.

В июле — 262 террористических случая, 27 ограблений казенных учреждений и должностных лиц, 129 ограблений частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 43, ранеными — 40, частных лиц: убитыми — 56, ранеными—68.

В августе — 275 террористических случаев, 29 ограблений казенных учреждений и должностных лиц, 102 ограбления частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 27, ранеными — 38, частных лиц: убитыми — 50, ранеными — 77.

В сентябре — 271 террористический случай, 31 ограбление казенных учреждений и должностных лиц, 97 ограблений частных учреждений и лиц, при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 32, ранеными — 36, частных лиц: убитыми — 61, ранеными — 68.

В октябре — 282 террористических случая, 36 ограблений казенных учреждений и должностных лиц, 86 ограблений частных учреждений и лиц; при этом по-

страдало должностных лиц: убитыми — 36, ранеными — 38, частных лиц: убитыми — 63, ранеными — 58.

В ноябре — 274 террористических случая, 23 ограбления казенных учреждений и должностных лиц, 89 ограблений частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 39, ранеными — 34, частных лиц: убитыми — 58, ранеными — 64.

В декабре — 231 террористический случай, 26 ограблений казенных учреждений и должностных лиц, 73 ограбления частных учреждений и лиц; при этом пострадало должностных лиц: убитыми — 29, ранеными — 35, частных лиц: убитыми — 53, ранеными — 61».

[2]) Партия «Дашнакцутюн» возникла в России в начале 90-х годов прошлого столетия. Ставя своей задачей воссоздание раздробленного по частям самостоятельного армянского государства, она все свои усилия направила на развитие и поддержание борьбы армян с Турцией, создавая вооруженные отряды, поддерживая материально повстанцев-армян, мобилизуя европейское общественное мнение в пользу армян, угнетаемых Турцией, разжигая национальную и религиозную ненависть между армянами и турками. В этой деятельности «Дашнакцутюна» нашли свое выражение агрессивные стремления армянской буржуазии, капиталонакопление у которой толкало ее на путь борьбы за самостоятельное армянское государство. Деятельность «Дашнакцутюна» соответствовала захватническим целям русского самодержавия в его непрекращавшейся борьбе с Турцией, и поэтому «Дашнакцутюн» вырос, развился и окреп в России при негласной поддержке русского самодержавия. Закон 1903 г. об изъятии армянского церковного имущества, что было равносильно лишению материальной базы всего националистического движения, возглавляемого «Дашнакцутюном», — явился попыткой лишь усилить контроль над деятельностью усиливающейся партии «Дашнакцутюн» со стороны русского самодержавия. Этот закон однако впервые поставил перед «Дашнакцутюном» задачу борьбы против царского правительства, да и то под напором огромной волны возмущения и протестов со стороны массы армянского населения.

Революция 1905 г. и отмена закона 1903 г. размежевали «Дашнакцутюн» на два лагеря — на старый, или правый «Дашнакцутюн», — оставшийся на прежней платформе борьбы с Турцией во имя создания единой Армении, при поддержке русского самодержавия и обратной поддержке его «Дашнакцутюном», — и новый, или левый «Дашнакцутюн», примкнувший к борьбе социалистических революционных организаций против русского самодержавия, принявший программу эсеров по основным вопросам борьбы (рабочий вопрос, аграрный и террор) и отстаивавший право русских армян на федеративную автономию.

Империалистическая война сблизила два лагеря «Дашнакцутюна» на общей платформе активной поддержки русского самодержавия против Турции и на почве национализма и шовинизма.

[3]) Забастовка моряков Каспийского торгового и нефтеналивного флота в апреле 1907 г., подготовлявшаяся еще до открытия навигации, имела всероссийское значение, так как прекращала доставку топлива в Астрахань и этим влияла на положение промышленности и транспорта. Она всполошила весь торговый и промышленный мир. Несмотря на усиленные репрессии и на специальную командировку барона фон-Таубе, командира отдельного корпуса жандармов, для быстрейшего улажения конфликта, все же забастовка, продлившись около трех недель, закончилась частичной победой судовых команд; экономические требования моряков в основном были удовлетворены.

[4]) Стремление превратить разраставшуюся забастовку в общую, в особенности после только что закончившейся забастовки моряков, целиком отражает ту линию, за которую усиленно боролись большевики в 1907 г. в Баку, в противовес меньшевикам, отстаивавшим частичные забастовки и систему разрешения конфликтов путем переговоров с нефтепромышленниками.

Главными агитаторами за всеобщую забастовку были не соц.-революционеры и анархисты, а большевики. Упоминаемый Собченко-Колосов — Ю. Ларин, работавший после V Съезда РСДРП (май 1907 г.) в Баку, примыкая тогда к меньшевикам. Ю. Ларин работал в профессиональном союзе рабочих механического производства, издававшем свою газету «Профессиональный вестник». Союз этот был целиком под руководством меньшевиков, в то время как союз нефтепромышленных рабочих был под руководством большевиков и издавал газету «Гудок».

В 1907 г. и начале 1908 г. в Баку шла ожесточенная дискуссия: принимать ли участие в созываемом правительством и нефтепромышленниками совещании для установления договорных отношений между рабочими и нефтепромышленниками под руководством Джунковского или нет. Совещание это было затеяно как попытка прекратить забастовочное движение, принявшее массовый и непрекращающийся характер, и внести начала «мирного» разрешения в экономическую борьбу рабочих с предпринимателями.

Меньшевики были за «безусловное» участие рабочих в этом совещании; большевики же, после двухкратного бойкота этого совещания в 1907 г., к началу 1908 г. пошли на участие в этом совещании, но с требованием известных гарантий (допущения участия профсоюзов, предварительного широкого обсуждения условий договора массами, неприкосновенности личности депутатов и т. п.). Так как большинство рабочих поддержало тактику большевиков (из 35 000 опрошенных рабочих высказались: 1) за «безусловный бойкот» совещания (за эсеров и дашнаков) — 8 000, 2) за «безусловное участие» (за меньшевиков) — 8 000, 3) за «участие с гарантиями» (за большевиков) — 19 000), то правительство пошло на срыв этой кампании, и к маю 1908 г. нефтепромышленники и правительство категорически отказались допустить к участию в совещании профсоюзы, заставив этим рабочих представителей в организационном комитете покинуть его.

Отказ полиции от ареста Ю. Ларина и Абрамова, несмотря на прямое приказание, объективно свидетельствует, насколько лозунг меньшевиков о «безусловном участии» рабочих в совещании соответствовал интересам правительства и нефтепромышленников.

[5]) Агроном Вл. Старосельский, работавший в Сакарском питомнике (вблизи Зестафони), был назначен Воронцовым-Дашковым, вскоре после его приезда в Тифлис (май 1905 г.), по рекомендации члена совета наместника Крым-Гирея, кутаисским губернатором. Это назначение, вызвавшее большое недоумение среди чиновной бюрократии, было рассчитано на использование либеральных настроений для усиления положения правительства в районе наиболее сильно развернувшегося аграрного движения.

Непродолжительная деятельность Старосельского в должности кутаисского губернатора выразилась лишь в том, что он добился снятия военного положения в губернии и не препятствовал развитию и деятельности революционных организаций. По утверждению Ф. Макарадзе, Вл. Старосельский, не будучи сам революционером и социалистом, однако «и шага не ступал без предварительных переговоров и без согласия социал-демократической организации». Даже согласие на принятие поста кутаисского губернатора он дал, «получив разрешение на это социал-демократических организаций».

В период господства в Грузии меньшевиков в 1918—1921 гг. Вл. Старосельский вторично был губернатором в Кутаисе, покинув Грузию вместе с меньшевистским правительством во главе с Ноем Жордания.

[6]) Армяно-тюркские столкновения имели место в течение 1905/06 г.: 1) в Баку 6—9 февраля 1905 г. — Первое столкновение; по официальной статистике число убитых равно 249 человек, из них: армян 201, тюрков 40, прочих — 8. Раненых, получивших помощь в амбулаториях, — 159, из них: армян — 75, тюрков — 41, русских и др. национ. — 24. Фактически число убитых и раненых превышало 1 000 чел. 2) 20—21 февраля в Эривани — небольшие стычки. 3) С 12 мая и до конца этого месяца в г. Нахичевани и в окружающих селениях и в некоторых уездах Эриванской губернии избиение армян тюрками. 4) В первых числах июня армяно-тюркская резня в г. Шуше. 5) 20—26 августа вторая резня в Баку, значительно превосходившая резни в февральские дни и сопровождавшаяся пожарами промыслов. 6) В последних числах сентября столкновение в Башнорашене (сгорело 225 домов, заживо сожжено 53 человека, много убитых и раненых). 7) В это же время уничтожен целый город Казах. 8) 15—18 ноября огромное по размерам кровопролитие в Гандже. 9) 21 ноября начались столкновения в Тифлисе.

Этим не исчерпывается список погромов и жертв — армяно-тюркские столкновения продолжались и в 1906 г., хотя и в меньших размерах. По общим подсчетам, за полтора года было убито и ранено до 10 000 человек.

Воронцов-Дашков задним числом пытался взвалить всю вину за кровопролитную резню на «Дашнакцутюн», втравивший население в борьбу с мусульманами, на его желание подчинить себе мусульман силой для борьбы с русским правительством. Фактическим же виновником армяно-тюркской резни являлось само правительство и его агенты, спровоцировавшие тюрков на открытое нападение на вооруженных организованных по-военному армян, — в целях их взаимного истребления и ослабления общереволюционного подъема. Августовская резня в Баку в 1905 г. является свидетелем того, как и в этот раз правительство использовало испытанный метод натравливания тюрков на армян в качестве средств борьбы с надвигавшейся всеобщей забастовкой нефтепромышленных рабочих.

В секретной записке, адресованной Столыпину ген. Альфтаном, усмирителем Гори ского уезда в 1905 г., генерал-губернатором Елизаветпольской губернии, а затем и Дагестана (см. дело деп. полиции № 253, делопр. IV, за 1908 г.), говорится, что армяно-тюркская резня была чрезвычайно выгодна для правительства. Альфтан пишет: «В восточной части Закавказья, населенной татарами и армянами, смута совершенно неожиданно проявилась в кровавой и жесточайшей расправе между этими народностями, заставшей их в полном вооружении. Такое проявление смуты должно считаться весьма удачным для нас, так как не подлежит никакому сомнению, что фактически все это движение направлялось армянами и против нас, и лишь их наглое, грубое требование поддержки со стороны татар, экономическая кабала над ними и угрозы, вплоть до убийства включительно, в случае отказа, вызвали резню и отвлекли беду от нас». Эта попытка представить армян как зачинщиков резни, показывает ту степень испуга и страха перед вооруженной силой армян, которая побудила правительство и ее местных агентов спровоцировать тюрков на резню армян в целях их взаимного истребления.

[7]) «Список случаев выдающейся деятельности чинов полиции Кавказского края в борьбе с преступностью» нами здесь опускается.

Из записной книжки архивиста.

Александр III о «социалистической заразе».

Годы исключительных законов против социалистов усилили влияние германской социал-демократии не только в среде рабочего класса, но и в массе ремесленников, мелкой буржуазии, а также крестьянства. Это с достаточной выразительностью показали выборы 1890 г., а еще более выборы 1893 г., когда количество голосов, поданных за социалистов, снова возросло почти на целых 25 процентов. Неудивительно, что германское правительство, учтя неудачливый опыт борьбы Бисмарка с социалистами, вынуждено было изменить и формы этой борьбы. Что больше всего испугало правящие классы и руководящих деятелей эпохи «нового курса», — это факт начавшегося отхода консервативного крестьянства из-под влияния буржуазных и клерикальных партий. Борьба с социалистическим влиянием на массы стала актуальнейшей политической задачей для помещичье-буржуазного блока вильгельмовской Германии. В свое время опубликованная в центральном органе германской социал-демократии инструкция прусского министра-президента графа Эйленбурга (№ 23/VII 1893 г.) осветила эти «новые» формы борьбы с ростом социалистического влияния. Вопрос о том, насколько Эйленбург переоценивал революционный характер германской социал-демократии, — можно оставить в стороне. Но следует отметить, что, рассылая свою инструкцию, сам Эйленбург не слишком надеялся на безусловный успех. Секретная инструкция рекомендовала комбинированный метод борьбы. На первом месте стояла, конечно, полиция, которая при столкновениях должна была опираться и на армию. Но, как показал опыт, силу социалистического влияния голое насилие сломить не могло, — требовалось «внутреннее преодоление социал-демократии», — и тут Эйленбург указал на необходимость «планомерной деятельности всех благомыслящих», т. е. идейной и организационной консолидации всех сил буржуазно-помещичьей Пруссии. Это дело и должно было стать «одной из основных задач» всех органов королевской правительственной власти. Для того, чтобы вырвать из-под влияния социал-демократов мелкую буржуазию, ремесленников, Эйленбург рекомендовал местным властям вести в этих округах свою пропаганду (пресса, литература и т. п.), а также организовать соответствующие союзы, находящиеся всецело под влиянием правительства. Далее, Эйленбург обращал особое внимание на необходимость вести работу по борьбе с «тлетворным духом социалистической заразы» среди женщин, среди молодежи. И тут-то, как основной метод борьбы, и выступило указание на благотворное значение религии. Что касается чисто пролетарских слоев, то тут для борьбы с социализмом Эйленбург рекомендовал обратиться к предпринимателям с указанием на необ-

ходимость установления «этических» отношений с рабочим классом и, вообще, на необходимость противопоставления идее классовой борьбы — понимания общности интересов. Современные теоретики «мира в промышленности» могут в лице Эйленбурга видеть одного из своих предтеч.

О своем пессимизме относительно всех этих мер, рекомендуемых для борьбы с социализмом, русский дипломат в Берлине шел еще далее прусского министра-президента. Для П. Шувалова все то, что стоит вне официального православия, имеет в себе зачатки «неизлечимой болезни» — так он называл революционную пропаганду: он, конечно, знал, что его депеша будет представлена его господину. Шувалов готов считать, что «экономические причины» играют некоторую роль, но основной «корень зла» — в безбожии германских народных масс, а это последнее, в свою очередь, он объясняет как «результат рационалистических стремлений протестантства». Апостол и городовой официального православия с подобной философией истории поспешил, конечно, согласиться.

Подчеркнутые в депеше Шувалова слова и заключительная тирада еще раз свидетельствуют о том, что «Александр, — как правильно отметил М. Н. Покровский, — по своей умственной ограниченности не способен был представить себе иного строя, кроме самодержавного, и, кроме того, инстинктивно ненавидел все западно-европейское ненавистью невежды к тому, чего он не знает». Напрасно только Александр III так сильно обрушился на «господ либералов и космополитов», которые, как показала история, в борьбе с «мерзостью и заразой» — с социализмом — были достаточно усердны. Но и это идет уже от все той же «умственной ограниченности», от непонимания того, что развитие капитализма означает и рост пролетариата. Господа же «либералы и космополиты» ничего иного, кроме капитализма, и не хотели, и ничего так сильно не боялись, как того, что русский царь назвал крепкими словами — «мерзостью и заразой».

Депеша посла в Берлине Шувалова на имя министра иностр. дел Гирса от 30 (18) ноября 1893 г. [1]).

№ 97. Берлин. 18 (30) ноября 1893 г.

Милостивый государь
Николай Карлович.

Социал-демократическому органу «Vorwärts» не раз удавалось добывать весьма дозерительные документы, исходившие от различных императорских ведомств. Всякое обнародование подобных интересных данных официального характера возбуждает сильное волнение в обществе. Достаточно припомнить появившийся таким образом на свет приказ принца Георга Саксонского о жестокостях в германской армии, письмо регента Брауншвейгского императору Вильгельму с советом помириться с кн. Бисмарком и т. д.

Теперь социал-демократический орган помещает на своих столбцах секретную инструкцию прусского министра-президента гр. Эйленбурга подчиненным ему ландратам касательно наиболее целесообразных, по его мнению, мер для борьбы с социализмом. Обнародование столь важного документа, подлинность коего уже официально засвидетельствована, полно самого живого интереса и подтверждает уже не раз высказанное мною убеждение в поразительных успехах, достигнутых революционным учением в Германии.

Гр. Эйленбург указывает на 25-процентный прирост социал-демократической партии со времени выборов

[1]) Архив Революции и Внешней Политики в Москве. фонд канцелярии мин. иностр. дел, 1893 г., папка № 17.

1890 г. и на факт, что партия эта приобрела голоса в таких округах, где до сих пор приверженцев социализма не имелось, особенно в селах.

По вполне справедливому заключению министра-президента, революционная партия еще далеко не достигла апогея своего развития, и в будущем ей предстоит все более и более усиливаться.

Своим первым долгом правительство признает необходимым оградить сельское население от заразы социалистской [1]) пропаганды, и с этой целью ландратам предлагается целый ряд административно-экономических мер борьбы со злом, хотя гр. Эйленбург и предвидит, что его подчиненные встретят немало затруднений при выполнении сей задачи.

Я не стану утомлять ваше высокопревосходительство перечислением всех предписаний прусского министерства с целью облегчить тяжелую участь сельского пролетария и заключающихся в прилагаемом при сем документе [2]). Ограничусь указанием, что я мало верю в целесообразность каких бы то ни было экономических, а тем более административных мер в борьбе с социализмом. Конечно, не стану отрицать, что экономические причины не мало способствуют успехам революционной пропаганды; но, мне кажется, не в них кроется корень зла. Нравственные причины, главным образом, порождают эту неизлечимую болезнь конца века [1]). Полное отсутствие религии даже в низших слоях народа (результат рационалистических стремлений протестантства), лаицизация [sic!] начальной школы, распущенность печати, потребность роскоши и материальных наслаждений без удержу нравственных начал, все более и более растущий класс полуобразованного пролетариата, совокупность этих и многих иных явлений западно-европейской жизни [2]), смею полагать, берет перевес над чисто экономическими причинами в столь быстром развитии современного социализма.

Шувалов.

В тылу «Вооруженных сил Юга России».

Публикуемая ниже «Докладная записка о некоторых мероприятиях, необходимых для восстановления государственного порядка на территориях, занимаемых ВСЮР», была подана в одно из управлений правительства, созданного при главном командовании Вооруженными силами на Юге России периода Врангеля. Автор ее, Леонид Августович Липпинг, не принадлежал к числу официальных руководителей врангелевского «государства», но, повидимому, был близок к правительственным «сферам» и, как коммерсант и предприниматель, находился в договорных отношениях с хозяйственными управлениями правительства. Во всяком случае к его докладной записке отнеслись со вниманием, и она рассылалась по различным ведомствам.

Липпинг обладал значительной осведомленностью в делах экономического положения Крыма и Таврии. Та часть докладной записки, которая характеризует различные стороны экономического состояния территории, занятой «Вооруженными силами Юга России»

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Документ нами здесь не публикуется.

[1]) Эта и начало следующей фразы отчеркнуты на полях рукой Александра III и против них его пометка: «Это очень верно и одна из главных причин».

[2]) Набранное разрядкой подчеркнуто Александром III. На полях депеши его рукой написано: «И эту мерзость и заразу желали привить России наши господа либералы и космополиты».

(вскоре последние были переименованы в «Русскую армию»), представляет немалый интерес для историка гражданской войны, изучающего период врангелевщины.

Заслуживает внимания и основная часть записки, посвященная изложению различных мероприятий, которые, по мнению автора, могли бы способствовать восстановлению порядка и улучшению экономического положения. Здесь изложена довольно стройная программа.

В области политики — твердая власть и, в частности, особое внимание к полицейской службе, которую необходимо упорядочить по наилучшим иностранным образцам, с приглашением иностранных инструкторов.

В области экономики — «немедленное взимание и уплата населением, а главное деревней, податей и недоимок за все революционные годы» и разрешение земельного вопроса путем оплаты крупным земельным собственникам стоимости всех возведенных ими построек и прочих сооружений и ценностей, созданных на отбираемой у них земле, но без оплаты самой земли и ее естественных богатств; установление единого уравнительного налога на ценность земли, но не на произведенные владельцем улучшения; наконец, свободная торговля внутри страны и возобновление работ на заводах, «так как рабочий класс вконец изленился».

Особо стоит отметить внешнеполитические симпатии Липпинга. Очевидно, немец по происхождению, он — сторонник германской ориентации. От союзников, — пишет он, — общественное мнение ждало не только военной, но и административной и экономической помощи, однако ее «как будто бы, не получило». Поэтому надо обратить взоры к Германии, экономическая связь с которой сулит гораздо большие выгоды.

Нетрудно за этой программой разглядеть классовое лицо предприимчивого буржуа. Он готов «полиберальничать» за счет землевладельца и даже приемлет революционный лозунг «земля без выкупа», но с «справедливым дополнением» в пользу предпринимательских группировок землевладения, вкладывающих в сельское хозяйство капитальные затраты.

Типичная картина: в то время как помещики, неумолимые в аграрном вопросе, допускали, а иногда и требовали от белых правительств известных «реформ» в рабочем вопросе, буржуазная часть белого движения стояла за «твердый курс» в отношении к рабочим, но считала неизбежной достаточно далеко идущую «аграрную реформу».

Узко-классовые противоречивые интересы разъедали белое движение. В этом одна из причин его внутреннего разложения.

Ал. Гуковский.

Докладная записка о некоторых мероприятиях, необходимых для восстановления государственного порядка на территориях, занимаемых Вооруженными силами Юга России[1]).

Секретно.

Положение в Крыму.

Характеризуя современное состояние Крыма с хозяйственно-экономической точки зрения, можно утверждать, что в Крыму назревает экономический взрыв, предотвратить который, если не не возможно, то чрезвычайно трудно. Во всяком случае, плыть по течению, ожидая, что «все образуется»,— нельзя, особенно считаясь с тем, что при концентрации в Крыму всей «Белой России» и ее военно-административно-хо-

[1]) Архив Октябрьской Революции в Москве, инв. № 1618, дело № 23, лл. 8—9.

зяйственного аппарата такой взрыв будет отнесен к крушению общего плана и политической платформы ВСЮР.

Ввоз в Крым.

Если в нормальное время, до войны, в Крым ввозилось ежегодно для потребностей городского населения: до 25 000 голов убойного рогатого скота, до 90 000 пудов молочных продуктов, до 12 000 свиней, свыше 100 000 овец, то ныне, при полном отсутствии ввоза и чрезвычайном уплотнении населения, совершенное отсутствие мяса и жиров должно неминуемо наступить. Равно не будет и сахара, которого ввозилось 623 000 пудов (подавляющая часть — морем).

Суммируя всю ценность недостающих Крыму ежегодно питательных продуктов, мы получаем в золотой валюте —8 961 900 руб.

Мануфактурных товаров ввозилось почти на такую же сумму.

Каменного угля мы получаем свыше 23 000 000 пудов, нефти и керосина около 1 000 000 пудов (включая сюда и потребности флота).

Все вышеозначенное ввозилось и приготовлялось большей частью с Кубани, Дона, Екатеринославской и северных уездов Таврической губернии; отсюда ясны необходимость и направление нашего наступления и общей политики в погоне за пищей, светом и теплом.

Правительственный чиновник, офицер, служащий и рабочий, имеющий даже минимальную семью, т. е. жену и одного ребенка, истратит при ценах настоящего момента 1 000 р. на обед, итого — 30 000 руб. в месяц, а чай, ужин, одежда и пр. необходимые неизменные расходы составляют такую же сумму. Печатный денежный станок правительства не справится с нужным и все возрастающим количеством бумажных денег, — следовательно, и число голодных и недовольных ртов будет возрастать. Русская интеллигенция, на долю которой пришлось наибольшее количество тягостей и лишений, разоренная аристократия и помещичество [1]) обращаются понемногу в пролетариат, не могущий его [1]) удовлетворить, и думающий лишь о достижении своего собственного финансового благополучия при предоставлении ему возможности работать в административно-хозяйственной области.

Итак, наступление наших войск и расширение зоны ВСЮР необходимы, но им должны предшествовать и сопутствовать хозяйственно-экономические мероприятия.

Улучшение курса рубля.

Улучшение покупной способности рубля вне и внутри страны; не приходится много рассуждать о способах обеспечения нашего рубля; золотом нам, во всяком случае, не обеспечить, но вот имеются в наших руках способы:

1. Твердая власть, к счастию для нас, вверху уже осуществлена.

2. Немедленное взимание и уплата населением, а главное деревней, податей и недоимок за все революционные годы. В деревне накопилось более чем достаточно денежных знаков, что вполне подтверждается отказом крестьян продавать свои продукты за деньги.

В связи с девальвацией рубля необходимо предупредить население, что лишь до известного числа будут принимать в уплату налогов существующие деньги, а затем придется платить новыми, которые будут ему стоить много дороже.

3. Разрешение земельного вопроса с оплатой крупным земельным собственникам стоимости всех возведенных ими построек и прочих сооружений и ценностей, созданных на отбираемой у них земле, но не самую землю и естественные ее богатства [1]), таким образом «земля без выкупа» сохранит свою силу со справедливым к нему дополнением.

[1]) Так в подлиннике.

4. Установление единого уравнительного налога на ценность земли, а не на произведенные владельцем улучшения ее (по Генри Джоржу).

5. Свободная торговля внутри страны, возобновление работ на заводах и пр. предприятиях и посдельно, где возможно, так как рабочий вконец изленился.

6. Прекращение вывоза русских денег за границу, ввоз товаров, прибывающих из-за границы, во исполнение договоров по экспорту, заключенных управлением торговли и промышленности.

7. Реклама или психическое воздействие на массы путем деклараций о твердом курсе рубля и нормировки цен на предметы первой необходимости, что можно обосновать разменом русских денег желающим в государственном банке на какую-либо иностранную валюту, для чего, наконец, заключить:

8. Внешний заем у одной из желающих помочь нам держав, которая предоставит наиболее выгодные к тому условия и в которой наиболее высоко стоит курс нашего рубля.

Полицейская и административная службы.

Для выполнения вышеуказанных мер и восстановления государственного порядка необходимо обратить особенное внимание на организацию рациональной полицейской службы, причем придется воспользоваться рецептом и даже, быть может, руководящим служебным персоналом желающего помочь нам государства с наилучше осуществленным [1]) полицейским правом.

Подготовить кадр администраторов, объединив их деятельность одной программой и одними твердыми лозунгами, для чего использовать подходящих людей, имеющих ныне пребывание за границей и видевших там благоустройство культурных государств и достаточно соскучившихся по родине и работе, людей честных, твердых и здравомыслящих. Собрать на местах еще не выдохшихся работников, которым идеология революции не затуманила голов, и пригласить, наконец, иностранных инструкторов.

Иностранная поддержка.

Ожидая поддержки союзников, широкие круги общества рассчитывали не только на помощь армии вооружением, но и на помощь в экономическом и административном отношении; таковой, как будто, не получили.

Внешний заем.

Для заключения внешнего займа мы имеем в обеспечение, даже при современной минимальной, занятой нами территории, около 22 000 квадр. верст, достаточно природных и производимых богатств: лесов 182 000 десятин, садов 12 713 десятин, виноградников 6 000 десятин, табачных плантаций 2 000 десятин, со средним ежегодным до войны вывозом:

железной руды	3 000 000 пудов
соли	12 000 000 »
зерновых хлебов около	6 000 000 »
вина и десертного винограда до	1 000 000 »
табака	230 000 »
шерсти	50 000 »
овчин	153 000 »

Миссия за границу.

Необходимо послать миссию или хотя бы уполномоченное лицо для зондирования почвы и предварительных переговоров в Германию, которая, как можно предполагать, охотно пойдет нам навстречу, равно и выяснить возможность товарообмена и торговли с этой державой, где установлен наиболее высокий курс нашего рубля и, следовательно, мы найдем наиболее дешевые товары. Америка, Англия, Дания и Швеция ныне закупают очень много

[1]) Так в подлиннике.

товаров в Германии. Нельзя фактически вести торговлю коммерсантам, например с Англией, если, согласно предложения «Викерс-Петерс», маленький судовой мотор, сил в десять, обходится в 1 000 фунтов стерлингов, а на наши деньги 6 000 000 рублей.

Нам остро необходимы химические продукты для кожевенного, стекольного, красильного и другого производств, аптекарские товары, моторы и сельскохозяйственные орудия, — все это имеется в избытке в Германии.

Привлечение иностранных капиталов.

Не надо также бояться создания предприятий на иностранные деньги, их надо привлечь, так как наш капитал настолько распылен и обесценен, что самые небольшие постройки государственного характера являются почти неосуществимыми. Например, автором сей записки заключен договор с управлением торговли и промышленности на постройку на частные средства железобетонной пристани для судов с глубокой осадкой в Евпатории (порт, пропускающий ежегодно 23 000 000 пудов грузов и до сих пор не имеющий такой пристани); по ценам довоенного времени стоимость этой пристани не превысила бы 250 000 рублей, ныне же она исчисляется около 100 000 000 рублей.

Контроль над выполнением договоров по экспорту и срочная миссия за границу.

Необходимо проконтролировать в срочном порядке выполнения договоров по товарообмену и вообще экспорту, который вело управление торговли и промышленности само и в лице своих уполномоченных (особенно в Крыму).

Есть много коммерческих способов, как обойти заключенные договоры, особенно при уплате за границей валюты, что казна потеряет миллионы франков [1]), так как товаров вывезено весьма изрядное количество.

Заключение.

Можно не сомневаться, что выполнение совокупности предлагаемых мер совместно со всеми другими, принимаемыми правительством, оживит наше экономическое и материальное прозябание и, наряду с военными и политическими успехами, в которые мы ныне глубоко верим, введет нас, разоренных и обезумевших от ужасов семилетней войны, в русло настоящего государственного творчества и общечеловеческой культуры.

2-го апреля 1920 г.
г. Севастополь.

Леонид Августович
Липпинг.

Стихотворная пародия на обвинительную речь Желиховского по делу 193-х.

Процесс 193-х освещен во многих отношениях участниками движения того времени. Освещена прекрасно и роль в этом деле прокуратуры и, более всего, прославившегося тогда Желиховского. Уже обвинительный акт по этому делу, объединивший в одно грандиозное дело ряд самостоятельных и независимых одно от другого дел, пользовавшийся предательскими показаниями для изображения будто бы действительного хода дела, клеветнически изобразивший нравы революционной среды, в особенности Киевской коммуны, — придал всему процессу заранее определенный оттенок. С первых же шагов самого процесса он превратился в сплошной скандал. Речь прокурора была, несомненно, апогеем этого скандала, который нашел однако еще даль-

[1]) Так в подлиннике.

нейшее свое выражение в последовавшем затем изменении приговора в худшую сторону.

Печатаемое стихотворение-пародия было издано в 1883 г. в виде гектографированной брошюры, 8 стр., на обложке которой напечатано: «Обвинительная речь прокурора Желиховского по делу 193-х (1877—1878). Цена 20 коп. Сбор в пользу партии „Народной воли“». На первой странице брошюры ее издатели в виде примечания напечатали нижеследующие строки:

«Это стихотворение написано еще в 1877 г., во время процесса, одним из подсудимых. Слышавшие речь Желиховского говорят, что это стихотворение, хотя и в карикатурной форме, но с поразительным сходством передает не только смысл подлинной речи, но даже и слог прокурора».

Хранится она в Ленинградском Центральном Историческом Архиве в качестве вещественного доказательства к делу министерства юстиции, 1883, № 369 I.

С. Валк.

Я скажу вам предварительно,
Что защитники губительно
На преступников воздействуют,
Преступленьям их содействуют:
Раздувают страсти бурные
И внушают им мишурные
Пожеланья конституции,
Просто сеют революцию.
Обратили заседания
В парламентские собрания!
Что мы видим? Агитацию,
Дерзость, буйство, протестацию,
Суд поносят подсудимые!
И, из них же выводимые,
Чуть не поднимают крик:
«Vive la republique!»
В этом лишь одни виновны
Адъютанты [?] поголовно.
В их вполне непозволительном
Поведеньи отвратительном
Представитель обвинения
Не находит уважения:
То со злобой, худо скрытою,
То с насмешкой ядовитою,
Попирая все приличия,
В грязь топча суда величие,
Отвечают обвинителю,
Мне — закона охранителю.
Обратив суда внимание
На такое поругание
Обвиненья и суда,
Приступаю, господа, —
Относясь к суду почтительно,
Прямо к речи обвинительной.

(Указывая на скамью подсудимых)

Вот мы видим представителей
Государства разрушителей!
Средь воришек и грабителей,
Огорчающих родителей,
Бросив в школах обучение,
Все они, без исключения,
Зарядив себя идеями,
Порожденными злодеями,
С криком: «В бой, друзья, с рутиною!»
Русь, как сетью, паутиною,
Разорвав с семьею, с обществом,
Всю опутали сообществом;
Занимаясь агитацией,
Прибегали к конспирации:
Попустительства скрывали,
Клички членам надавали.
Так, Надежду звали «Надькой»,
Катерину звали «Катькой»,
Васькой назвали Василия!
Но напрасны все усилия...
Правда, лишь по ихней милости
И по их же крайней лживости,
Правда, истина скрывательства [1]),
У меня нет доказательства,
Что сообщество реальное,
А не только идеальное,
По империи разлилося,
На скамьях здесь очутилося.
Но известно, господа,
Представителя суда
Очень чуток нюх собачий,
Несомненнее тем паче
Чуткость сердца прокурора,
Это — истина вне спора.

[1]) Так в подлиннике.

Я на этом основаньи
Говорю без колебанья,
Как мне сердце говорит,
Как оно сказать велит,
Что путем теснейших уз
Связан подлый их союз!
Раздувая страсти дикие,
Отрицая брак, религию,
Власть, имущество, монархию,
Проповедуя анархию,
Воровски прикрывшись маскою,
Под одеждою крестьянскою,
Ложь, обман пуская в ход,
Продрались они в народ.
Я не знаю, чтоб случилося,
Сколько крови бы пролилося,
Если б мужики к начальникам,
К становым к своим, к исправникам
И ближайшей властной братии
Не питали бы симпатии.
Но, спокойно выжидающий,
Слово власти уважающий,
Не без доброго последствия
Перенес народ все бедствия,
И, Христу благодарение,
В мужике для нас спасение,
Так, служа Руси основою,
Дорожа свободой новою,
Без обычной своей лености,
Полн сыновней откровенности,
Веры в власти, упования,
О мятежных злодеяниях
Представлял он донесения
В волостные управления.

(С восторгом)

Вот высоко-благородная,
Вот черта вполне народная!
И, ввиду такого качества,
Революция — ребячество.
Я прибавлю положительно:
Если б суд да исключительно
Доверял вполне свидетелю
Лишь с такою добродетелью,
Вообще и также в частности,
Русь была бы вне опасности!

(С грустью)

Жаль, такие все свидетели
Крест несут за добродетели.
Как помыслю, как стараются
Их унизить...
Люди злые, непокорные
Клеветой грязнят их черною
И, ругаясь над законами,
Именуют их шпионами.

(Убедительно)

Не шпионы-с: — доносители,
Государства охранители.

(Махнув рукой)

Впрочем, все их ухищрения,
Все их злобные учения,
Все дела их развратителей
Не опасны для правителей.
И не стоило б внимания
Обращать на их деяния,
Но они закон попрали,
Даже суд ваш оплевали,
Наущенные коварною
И к властям неблагодарною
Адвокатскою оравою,
Этой гидрой многоглавою.
Вы терпели слишком долго,
Посему, во имя долга,
За закона поруганье
Я взываю к мщенью, к мщенью,
Сообразно уложенью!
А за порчу добрых нравов
Их, по божескому праву,
В ад кромешный упекут.

(Грозясь)

Там возмездие найдут,
В этом Третьем отделеньи
Мирового Управленья.

(Разгорячась)

Люцифер с своей командой
Разочтется с этой бандой:
Жилы вытянет из них,
Кожу с них сдерет с живых,
Будет драть их оголенных,
Да на плитах раскаленных
Среди смрадной духоты
Будет их варить и жарить
И из серной кислоты
Будет им клистиры ставить.
И, клянусь, я сам непрочь
Люциферу в том помочь...

Кн. П. В. Долгоруков и М. К. Элпидин.

А. А. Серно-Соловьевич в изданной им в Вевэ в 1867 г. и направленной против А. И. Герцена брошюре «Наши домашние дела» ставил Герцену в вину, между прочим, то, что он поддерживает «дружбу с князем Долгоруким, донесшим женевской полиции на существование у одного из русских эмигрантов в Женеве типографского станка». В подстрочном примечании Серно-Соловьевич добавляет: «В случае надобности, мы готовы напечатать во всех подробностях и со всеми именами эту гнусную историю» (стр. 14).

Однако ни он, ни кто-либо другой не опубликовал подробностей этой истории, а за исключением приведенного нами сообщения Серно-Соловьевича никаких сведений о доносе Долгорукова в печати до сих пор не появлялось. Биограф Долгорукова, покойный М. К. Лемке, упомянув в своей статье «Кн. П. В. Долгоруков — эмигрант» об «ужасном обвинении» Серно-Соловьевича, писал: «Что сделал Петр Владимирович на самом деле, так и остается неизвестным» [1]).

Приводимое нами ниже письмо кн. П. В. Долгорукова дает документальное подтверждение правильности обвинения, обращенного по адресу Долгорукова Серно-Соловьевичем. Это подтверждение имеет тем большее значение, что оно исходит от самого сиятельного доносчика.

Из письма Долгорукова мы узнаем, что донос его был направлен против другого русского эмигранта, М. К. Элпидина. Арестованный в 1863 г. за распространение прокламаций среди крестьян Казанской губернии, Элпидин в 1865 г. бежал за границу. Поселившись в Женеве, Элпидин основал там русскую типографию и в 1866 г. выпустил два номера журнала «Подпольное слово». Донос Долгорукова касался основанной Элпидиным типографии. Попутно в своем доносе Долгоруков обращал внимание женевских властей и на «каких-то людей, именующих себя к о с м о п о э т а м и», которые «тайно печатают и рассылают отвратительные прокламации». Долгоруков имел в виду две сумбурные прокламации, изданные в 1866 г. в Женеве от имени Лондонского и Московского комитетов «Космопоэтического общества стражей истинных познаний». Прокламации эти перепечатаны М. К. Лемке в XVIII томе собрания сочинений А. И. Герцена (стр. 383—386), но от кого исходили и кем были изданы эти прокламации, до сих пор не выяснено. Предположение Лемке, что автором этих прокламаций является некий А. М. Коробов, издававший в 1876 г. в Женеве «политико-религиозный» журнал «Вестник правды», несомненно, не соответствует действительности, так как в 1866 г. Коробов жил в России и в Женеву переехал лишь в начале 1876 г.

Письмо П. В. Долгорукова датировано 16 (4) ноября 1866 г. и адресовано его сыну, Владимиру Петровичу Долгорукову, в г. Чернь, Тульской губ. Письмо это было перлюстрировано в России, и выписка из него сохранилась в делах III отделения (2-й секретный архив, 1866 г. № 300 — Архив Революции и Внешней Политики в Москве). На выписке имеется резолюция управляющего III отделением: «Спросить женевского агента, действительно ли выходит журнал «Подпольное слово» и нельзя ли доставить эти номера в отделение».

Б. Козьмин.

«Расскажу тебе событие, о котором, может быть, до тебя дошел слух.

Здесь, в Женеве, проживает под именем поляка Купинского некий шалопай из Казанской губернии, по имени Михаил Элпидин, русский эмигрант, человек необразованный, какой-то черемис или

[1]) «Былое», 1907 г., № 3, стр. 187.

чуваш. Он обратился ко мне прошлою осенью с просьбой о помощи, потому что был в нищете. Само собою разумеется, что я с этаким чувашом не могу вести знакомство, но помочь бедному всегда хорошо. Я и помог ему временным вспоможением, разумеется, не в виде займа, а в виде безвозвратной милостыни и никогда бы не смел требовать с него этих денег. Вдруг у Элпидина, не имевшего ни гроша, явилось, будто бы, какое-то наследство из России: он учредил у себя в доме т а й н у ю типографию в стране свободной печати!!! начал издавать журнал «Подпольное слово», журнал отвратительно гадкий, где он дошел до такой гнусности, что хвалит убийства. В августе месяце вдруг получаю я от него 1-й номер этого журнала и записку пренахальную, в которой он пишет, что, не желая оставаться должным деньгами, он употребил данные мною ему деньги на расходы по учреждению своей тайной типографии!!! Я тотчас написал официальное письмо к председателю женевского правительства Camperio, говоря, что я протестую против употребления моих денег на устройство тайной типографии, в которой печатаются мерзости, и при этом обратил внимание г. Камперио на то, что в Женеве какие-то люди, именующие себя «к о с м о - п о э т а м и», тайно печатают и рассылают отвратительные прокламации, в которых они проповедуют убийство, и прибавил, что, будучи сам эмигрантом, но эмигрантом честным и разумным, я протестую против подобных мерзостей. С тех пор минуло три месяца; Элпидин продолжает печатать свое «Подпольное слово»; космопоэты продолжают рассылать свои гнусные прокламации, а так как женевское правительство страшным образом боится Наполеона, то явно, что и Элпидин и космопоэты находятся под покровительством французской полиции, которая у себя дома душит честных людей, а в других странах она же мутит воду, чтобы удобнее рыбу ловить. Говорят, что Элпидин хочет печатать против меня и против других лиц, которые ему помогли в нищете. Элпидин и его журнал ничего не заслуживают, кроме полнейшего презрения, но я хотел тебе рассказать этот эпизод, слух о котором мог дойти до тебя».

Покушение Каракозова.

(Из дневника современника.)

Печатаемый ниже материал представляет извлечения из дневника Г. Потулова, помещика Пензенской губ., жившего в Петербурге во время покушения Каракозова на Александра II. Хотя Потулов и не был очевидцем покушения, все же записки его представляют известный интерес, так как в них отразились слухи и разговоры, циркулировавшие в высших петербургских общественных кругах тотчас после покушения, как о самом событии и причастных к нему лицах, так и о ходе следствия и последовавших за покушением переменах в составе высших должностных лиц.

Дневник Потулова находится на хранении в Курском Губ. Арх. Бюро. Текст подготовил к печати Л. Позняков.

1866 г. 4 апреля. Понедельник.

... В половине 5-го я шел по Невскому с Башмаковым и вижу: от Казанского собора отъезжает государь, мы ему поклонились, и он так ласково ответил на наш поклон. Мы в эту минуту не подозревали, что за четверть часа перед этим случилось, и что мы переживали страшную историческую эпоху. Я зашел домой надеть фрак и

пошел пешком обедать к Ланским. Часов в 8 мы сидели у окна и ели апельсины, карета моя подъехала к подъезду — я собирался в 9 часов к кн. Шаховской, как вдруг ударили в большой колокол у Исаакия, и пошел благовест, и народ валил по площади к собору. Возвращается Андрей и объявляет: благовестят к благодарственному молебну о спасении жизни государя: сегодня в Летнем саду в него выстрелили из пистолета! — Господи помилуй! Вот новость-то, мы ничего не знаем, скорей в карету с Варварой Васильевной и в собор, народу уже набралось тысячи, но все простой народ, и мы ничего подробно не могли узнать.

По окончании молебна я завез Варвару Васильевну домой и застал там княжну Катю Мещерскую, она приехала прямо из дворца от принцессы баденской, которая рассказывала ей, что она гуляла в Летнем саду с братом, Николаем Максимиллиановичем, встретилась с государем и пошли гулять вместе, — это было около 4-х часов,— они вышли к средним воротам на большой набережной Невы и простились. Государю подали коляску, и казак накинул на него шинель. Вдруг Мария Максимиллиановна слышит выстрел из пистолета, оборачивается и в испуге видит, что шинель падает на землю; она в испуге думает, что все уже кончено и государь упал, но он в это время показался ей совершенно спокойным и держал одной рукой за голову убийцу, а другой выхватил у него из руки пистолет о шести зарядах.

Вот как все было: когда государь вышел из Летнего сада, то в толпе, собравшейся у ворот, стоял мужичок Костромской губернии, Осип Иванов Комиссаров, пришедший случайно в Петербург на заработки и остановившийся у фонаря около ворот Летнего сада посмотреть на государя, которого ему удалось видеть во второй раз. В то время, когда казак накинул на государя шинель, вдруг Комиссарова кто-то толкнул сзади и стал перед ним, но, когда он толкнул мужичка, у него распахнулось пальто, и Комиссаров увидел пистолет в руке этого человека, и он тотчас же начал целиться в государя, который был от него шагах в шести. Комиссаров возьми да подтолкни его в это время под локоть, так что выстрел полетел на воздух. Государь обернулся и видит, что народ бросился душить убийцу. «Оставьте его», закричал государь и, чтобы его не разорвали в клочки, велел ему итти за собой до дому принца Ольденбургского, где и передал его полиции, которая, разиня рот, стояла и хлопала глазами.

В момент, когда раздался выстрел, на другом конце Летнего сада ген. Тотлебен гулял с женой и видит человека бледного, с подозрительным лицом, бежавшего вон из саду. Тотлебен бросился к нему и схватил его за ворот. Это был поляк, который робким голосом говорит ему:

«Оставьте меня, вы не имеете права останавливать меня, я не солдат».

«Об этом мы после будем говорить,— отвечает Тотлебен, — а пока я вас теперь арестую. Городовой! Возьми его!»

Рассказывают, что в это время, когда раздался выстрел, по боковой аллее шли две дамы в костюме нигилисток. Навстречу им бежал молодой человек, и они спросили его:

«Что? Кончено?»

«Нет! Не удалось!» — отвечает молодой человек.

«Ну, мы пропали!»— взвизгнули молодые дамы и побежали в противоположную сторону.

Вероятно, завтра откроется весь заговор, а пока государь спросил имя своего спасителя, велел ему итти во дворец, убийцу взяла полиция, и Мезенцев после рассказывал, что он сначала назвал себя мещанином из Лук, а потом русским из южной России, но он говорит на разных языках, и пред-

полагают, что он студент — по фигуре и одежде. Когда государь спас своего убийцу от народной мести, то спросил его:

«Ты, верно, поляк?»

«Нет, я русский».

«Так за что же?»—сказал государь.

«Ребята, я вас хотел от него избавить, он вас всех обманул!»—закричал убийца, оборачиваясь к толпе.

Государь сказал Николаю Максимиллиановичу, чтобы он ехал в Государственный Совет объявить о случившемся, а сам поехал в Казанский собор, когда мы с Башмаковым его встретили. Николай Максимиллианович приехал в Совет, когда он почти кончился, все бросились в большую церковь Зимнего дворца и отслужили молебен. Государь из Казанского собора приехал во дворец и прямо пришел к дочери, Марии Александровне, которая была с Мартой Сабининой; государь очень спокойно сказал великой княжне, что с ним случилось, она бросилась со слезами на него, и он насилу мог ее успокоить. От великой княжны он прошел к императрице, которая отдыхала перед обедом. Он разбудил ее и очень спокойно сказал: «Il me arrive un accident!»

«Un attentat» (покушение!),— вскрикнула императрица, и, что после у них было, я не знаю, только они тотчас же поехали в Казанский собор, императрица, великая княжна, государь, наследник и все сыновья. Мой камердинер Павел шел мимо собора, когда подъехала карета императрицы, он вошел в собор и видел, как они прикладывались к образам, потом целовались и плакали, и, когда выходили из церкви, то государь очень весело проходил между толпой собравшегося народу и по обе стороны давал всем целовать свои руки, народ бросился к государю, ничего не зная о случившемся, и удивлялся, что удалось ему схватить и поцеловать царскую руку.

... Об убийце ничего неизвестно, все в отчаянии, что следствие не откроет проклятой шайки, и многие поговаривают, что нарочно назначен президентом Петр Петрович Ланской, человек без энергии, но как друг Суворова он выставит полицию в ясном виде. Общественное желание — чтобы был президентом гр. Муравьев, который никого не скроет и обличит всякого, будь он хоть царский брат, но слухи носятся, что будто бы Константин Николаевич сам хочет во главу комиссии.

Катков в передовой статье «Московских ведомостей» пишет: «Неужели и теперь не найдем мы средств проникнуть в тайну злодеяния и не коснемся корней его?»

---

9 апреля. Суббота.

Сегодня поутру кн. Василий Андреевич Долгорукий был у государя и просил его уволить от должности министра полиции, присовокупив, что он просит отставить его не по собственной просьбе, но как сановника, который был не на своем месте и не умел предупредить заговора, и чтобы отставка его была примером для других. Не знаю, как завтра будет напечатано в приказах, все радуются этому, потому что, действительно, у кн. Василия Андреевича была странная тактика: он никогда ничего не говорил государю — под тем предлогом, чтобы его не беспокоить. На его место назначен гр. Шувалов, генерал-адъютант, бывший губернатором в Риге, он был прежде обер-полицеймейстером Петербурга, и был отличный. Общественное мнение торжествует: гр. Михаил Николаевич Муравьев назначен президентом комиссии, которая делает следствие над преступниками, и уже в сегодняшней газете гр. Муравьев объявляет, чтобы публика не верила никаким слухам, распускаемым в городе, что все, что будет говорено на следствии, будет напечатано. Вот две важные перемены, теперь остается Суворову и Анненкову тоже удалиться. Увидим, что будет...

---

14 апреля.

До назначения Муравьева председателем комиссии преступник в течение 18 часов в сутки подвержен был допросу, его беспрестанно тормошили, но не добились ничего, на все вопросы он отвечал очень долго и подробно, но все не то, что нужно было знать. Обходились с ним чрезвычайно деликатно, он помещен в чистой комнате, спит на мягкой и чистой постели. Муравьев вошел в комнату преступника с вопросом:

«Ты, любезный, слыхал когда-нибудь о Муравьеве?»

«Слыхал».

«Ну, вот этот самый Муравьев стоит перед тобой! — Оставьте его в покое, чтобы никто не смел надоедать ему допросами 24 часа, а ты, голубчик, в это время войди в себя, подумай, и завтра мы потолкуем!»

И в конце другого дня известно было уже имя преступника. Хоть Петр Петрович и говорил, что он — точно помешанный и один действовал лично, но это не может быть. Рассказывают еще, что один извозчик-хозяин приходил к Муравьеву с заявлением, что целую зиму два раза в неделю у него нанимали множество карет разные молодые люди, и военные, и штатские, и студенты, ездили все к Лесному институту на такую-то дачу и там просиживали до утра, и когда возвращались в город, то все были в трезвом виде, — стало быть, они там не кутили, а, что у них было, может быть, откроется.

Занятия Муравьева не имеют назначенных часов, а как придется, иногда ночью он всех подымает, и начинается работа. Своим интимным секретарем он назначил своего сына Леонида, единственно для того, чтобы он ему читал и писал под диктовку, «а то я плохо вижу и боюсь, что посторонний мне прочтет и напишет иначе».

В. к. Николай Михайлович [?] на другой день назначения Муравьева поехал к нему и предложил ему свои услуги и всего своего ведомства, если они ему нужны будут.

---

15 апреля. Пятница.

... Я долго сидел у гр. Берх, которая нездорова и приняла меня на кушетке в спальной; она очень растревожена и теперь не может успокоиться при одной мысли, что бы могло быть. Ей рассказывала одна ее знакомая, что ей говорит ее горничная, очень преданная женщина:

«А уж как мы за вас радуемся, ваше сиятельство, что государь-то жив остался, а то бы ведь господам-то всем досталось, в народе все говорили, что это все дворяне сделали!»...

После обеда у Потемкиных я остался у всенощной, к которой приехал из клуба Бутурлин (précose) и рассказывал, что были тосты и речи Муравьеву. Первую речь, довольно короткую, но энергичную, сказал гр. Г. Строганов, потом говорил Зеленый и Виневитинов. Гр. Муравьев в ответной речи, между прочим, сказал, что злодей начал сегодня говорить, а до сих пор он очень дерзко и умно над всеми смеялся. Приехал к нему в. к. Николай Николаевич, преступник лежал на кровати, молчал и не обращал на в. к. ни малейшего внимания; в. к. говорит ему:

«Знаешь ли ты, кто я?»

«Нет, не знаю».

«Я брат государю».

«С чем вас и поздравляю! Да что мне до этого? Мне, в сущности, не только до вас, да и до государя самого нет никакого дела!»

Приезжал к нему Суворов и начал с ним толковать о гуманности, о социальных идеях; преступник во все время молчал, и, когда Суворов, наболтавшись досыта, вышел, злодей сказал окружавшим его:

«Вы, по крайней мере, дураков-то этаких ко мне бы не пускали!»

Когда гр. Муравьев начал свое дело, то, обыскивая Знаменскую гостиницу,

в которой предполагали, что жил злодей под вымышленным именем, в комнате его нашли разорванное письмо, его сложили и разобрали, что оно адресовано «Василию Ивановичу» в в Москву в Хамовниках. Муравьев приказал отыскать всех Васильев Ивановичей в Москве и всем им показал карточку злодея, которую с него сняли не без труда, потому что он все делал гримасы, когда фотограф работал, кое-как удалась одна. Один из Василиев Ивановичей узнал карточку и назвал фамилию Каракозова, его привезли в 3-е отделение и, когда ввели Василия Ивановича к злодею, то злодей побледнел и сконфузился: Василий Иванович был его двоюродный брат, который, не знаю искренно или разыграл комедию, но начал ужасаться его поступку и привел Каракозова в слезы. У Каракозова две сестры, бедные девушки, которые часто проживали в деревне у Агафии Николаевны Араповой, они имели именьице, с которого после выкупа им осталось 100 рубл., 6% свидетельство и 33 рубля деньгами. Государь приказал им послать 2 000 р. и опубликовать, что родственники не отвечают за преступников. Полицейскому солдату, который стоял у ворот Летнего сада и который указал на Комиссарова и на злодея, дали 150 р. и произвели в унтер-офицеры.

... Сегодня же получил письмо от Catharin, которая пишет, что Москва в отчаянии, что злодей — русский, так все привыкли к мысли, что он должен быть поляк.

---

17 апреля. Воскресенье.

Трепов, варшавский обер-полицеймейстер, назначен в Петербург, но сегодня еще не вступил в должность. Государь приехал в Большой театр с почетным конвоем из конной гвардии и кавалергардов, — одни офицеры в красных мундирах и в касках с орлами, — это было очень красиво.

Я страшно устал, мы прошли весь Невский до Литейной, всю почти Морскую, и почти полумертвый, с отбитыми ногами, повалился на диван у Мещерского, у которого до ½ 3-го препиятно провели вечер, ужинали, пили за здоровье государя и, когда разъезжались, то начало уже светать. Шаховской был прелестен с рассказами о московских демонстрациях; каждый из нас заплатил дань обществу, рассказав что-нибудь новое и остроумное. Между прочим, принесли стихи, списанные из альбома Валуева [?], а написанные бог знает кем:

В альбом П. А. Валуеву.

Куда тебе в Наполеоны,
Министр пустоцветистых фраз!
Нет, нет, французские законы
Мудрены чересчур для нас.
Ведь надо подражать толково,
И переводы не легки,
Припомним басенку Крылова
Про обезьяну и очки.
Примером: Предостереженье.
Нельзя им действовать кой-как,
Вот, без сноровки и уменья,
Ты и попался с ним впросак.
Дня накануне рокового
Мишурным рвеньем возгоря,
Предостерег — кого? — Каткова,
А не предостерег — царя!

---

21 апреля.

... Следствие делается с необыкновенной энергией, сегодня комендант крепости доносил, что у него уже места нет для арестантов; сегодня же посажен офицер генерального штаба. Рассказывают, что была уже суспиция между Шуваловым и Муравьевым. Каракозов сказал Шувалову, что он имеет сделать показание, которое бы лично было передано государю помимо комиссии, и передал бумагу Шувалову, который обещал ему подать ее государю. Мих. Ник. узнал об этом и вышел из комиссии, чтобы увидеть Шувалова и удостовериться в справедливости того, что ему

донесли; в следующей комнате он встретился с Шуваловым, который шел, держа в руках бумагу, чтобы ехать к государю.

«Мне сказали, граф, — говорит Муравьев, — что преступник подал вам бумагу на имя государя».

«Это правда, граф!»

«Так дайте же мне ее!»

«Я не могу этого сделать, она прямо адресована государю».

Они, говорят, поспорили, и Шувалов все-таки не отдал бумаги Муравьеву и уехал.

Муравьев тоже отправился к государю и приехал прежде Шувалова и объявил, что он не может отвечать за успешный ход комиссии, если ему не будет все известно и если будут делаться помимо его какие-нибудь решения.

Муравьев уехал обратно, когда Шувалов явился к государю с бумагой, которую государь не принял и велел Шувалову подать ее Муравьеву и извиниться, что Шувалов и сделал, но, вероятно, сохранил против Михаила Николаевича чувство обиженного самолюбия.

В. к. Николай Николаевич другой раз был у Муравьева и просил его, если ему что от него нужно, то, так как каждая его минута дорога, чтобы он просто написал бы ему на клочке бумаги, что ему нужно, — что он сам, все его генералы и все войска, находящиеся в его ведении,—к услугам Муравьева. «Главное, Михаил Николаевич, вы сами не беспокойтесь, — прибавил великий князь, — и не ездите ко мне, я ничего не делаю и мне надо скакать к вам». — После первого предложения в. к. Муравьев взял к себе некоторых гвардейских офицеров, в том числе преображенского Панютина, который был при нем в Вильне, и сказал ему, посылая на обыск:

«Делайте так, как делали в Вильне!»

Михаил Николаевич выписал, между тем, из Вильны несколько военных и штатских чиновников, которые ему были известны, а, главное, сделал это потому, что петербургская полиция решительно ни в чем ему не помогала; он, напротив, дает им занятие, которое прикажет сделать к следующему дню, а на другой день не сделано, не успели, того не застали, другой болен, — петербургские чиновники привыкли работать с прохладою, в известный час позавтракать, пообедать, лечь отдохнуть, а Муравьев этого не понимает и, когда дает приказание, то предполагает, что пока он еще говорит, а оно уже начинает исполняться. Вообще, он не привык работать с петербургским чиновником, а петербургский чиновник, в свою очередь, взял муху и говорит:

«Пускай его делает дело с гвардейскими офицерами и с виленскими чиновниками! А мы посмотрим, что из этого выйдет!»

И отстранились, но, увидев через несколько дней, что Муравьев, с своей стороны, наплевал на них, взялись за ум, и в настоящую минуту многие уже начали заискивать...

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. *(Окончание.) А. Попов* . . . . . 3—38
Восстание 1916 г. в Средней Азии. С предисловием *П. Галузо* . . . . 39—94
Борьба со стачечным движением накануне мировой войны. С предисловием *К. Сидорова* . . . . . 95—125
К истории интервенции в Сибири. С предисловием *В. М.* . . . . . 126—165
К истории возникновения мировой войны. С предисловием *Е. Адамова* 166—183
Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. С предисловием *С. Фукс* . . . . . 184—221

Из записной книжки архивиста

Александр III о «социалистической заразе» . . . . . 222—224
В тылу «Вооруженных сил Юга России». Сообщил *А. Гуковский* . . . 224—228
Стихотворная пародия на обвинительную речь Желиховского по делу 193-х. Сообщил *С. Валк* . . . . . 228—230
Кн. П. В. Долгоруков и М. К. Элпидин. Сообщил *Б. Козьмин* . . . 231—232
Покушение Каракозова . . . . . 232—237